

Институт психологии Российской академии наук

ЧЕЛОВЕК И МИР

2018. Том 2, № 3(5)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК И МИР

Главный редактор – В.А. Кольцова, доктор психологических наук, профессор

С.В. Тихомирова (зам. Главного редактора)

Е.Н. Холондович (ученый секретарь)

Члены редколлегии:

В.С. Агапов, С.В. Григорьев, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлев, А.В. Карпов, В.А.

Лекторский, Н.А. Логинова, Л.В. Меньшикова, М.Д. Няголова, А.Н.

Славская, В.В. Селиванов, В.В. Семикин, С.В. Тихомирова, Е.Н. Холондович,

А.С. Чернышев, Н.И. Чуприкова

[www: chelovekimir.ru](http://www.chelovekimir.ru)

+7 (495) 683-54-50

Москва

Институт психологии Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ РУССКОГО УЧЕНОГО-ПСИХОЛОГА	3
КОЛЬЦОВА В.А., ФЕДОРКОВА И.Р. СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КУПЕЧЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РАЗНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	9
ХОЛОНДОВИЧ Е.Н. ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА	33
СИНЯКИНА Е.Г. РОЛЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА КАК НАРОДООБРАЗУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА	57
ХАРИТОНОВА Е.В. ПЛАКАТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК МОБИЛИЗАЦИИ МОРАЛЬНОГО ДУХА	68
ТУГАЙБАЕВА Б.Н. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	87
ЕМЕЛЬЯНОВА Т.П. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	100
ТИХОМИРОВА С.В. ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ КАК МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТИ	126
ШИРКОВ Ю. Э., РЧЕУЛИШВИЛИ А.Н. ПРОГНОЗЫ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА О ТРЕНДАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	155
БАХТОВА Ю.В. ДЕТСТВО В ЦИФРОВОМ МИРЕ	167

Памяти русского ученого-психолога

8 ноября 2018 года ушла из жизни **Кольцова Вера Александровна** –доктор психологических наук, профессор, с 2005 по 2017 гг. – заместитель директора ИПРАН, заведующая лаборатории истории психологии и исторической психологии с 1991 г., заместитель главного редактора «Психологического журнала», главный редактор электронного журнала «Человек и мир», Ученый с большой буквы, Сердце нашего Института, Светлый Человек.

Истинная дочь земли русской, рожденная в деревенском доме окнами в яблоневый сад, дочь отца, защищавшего нашу землю и ее народ в Великую Отечественную войну.

Любовь к России, к ее природе, людям, нелегко на ней живущим, и побудили Кольцову Веру Александровну обратиться к судьбе своей страны – прошлой и настоящей, к ее истории – истории психологии, влиянию исторических событий на психологию людей.

Ученый, вставший на путь познания развития психологической науки – это не историограф, описывающий даты и труды, имена, а Исследователь,

взявший на себя ответственность за глубокое подлинное понимание, воссоздание и осмысление прошлого.

Нельзя сказать о Вере Александровне лучше, чем Борис Пастернак:

Во всем мне хочется дойти

До самой сути –

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте.

До истины прошедших дней, до их причины –

До оснований, до корней,

– до сердцевины.

Как психолог-профессионал она родилась одновременно с рождением нового, ставшего ведущим в стране Института Психологии Академии наук СССР. И свои первые шаги она сделала в группе под руководством Директора института – Бориса Федоровича Ломова, открывшего новую для психологии исследовательскую тему – общения, субъект-субъектных отношений (которая до того времени упорно лишалась самостоятельности, неправомерно отождествлялась с деятельностью). Веру Александровну он включил в свою команду – осуществлявшую новый демократический способ управления Институтом – организации его от нуля.

Он разглядел в скромной и одновременно энергичной девушке редко сочетающиеся способности к теоретическому мышлению и организации практического исследования. И потому символично, но не случайно он направил ее в исследовательское русло, которое обеспечивало *преемственность* с предшествовавшей созданию института школой Сергея Леонидовича Рубинштейна. А руководителями в ее дальнейшей профессиональной судьбе стали его ученики – Е.А. Будилова и М.Г. Ярошевский – *историки психологии*. Новые проблемы, решаемые новым

институтом, не могли быть оторваны от своего фундамента – истории российской психологии.

Почему через кратчайшее время Вера Александровна становится талантливым руководителем самостоятельного подразделения института – лаборатории истории психологии? Потому что не руководители учили ее, ведя за руку, она сама училась у них, овладевая и разрабатывая способы научного познания *прошлого* психологической науки, складывавшегося в сложнейших социальных идеологических, научных условиях. Она воссоздавала это прошлое не только по научным трудам психологов, но и по месту, занимаемого этой наукой в обществе, в системе других наук, выявляя сложнейшие причины кризисов, противоречий и одновременно вопреки всему развития психологии. Она восстанавливала открытия и внутренние дискуссии, выбирала исследуемые персоналии, направляла собирание архивов. Одновременно она создавала свою школу, обучала своих учеников искусству исторического познания.

Какая-то не свойственная возрасту мудрость позволяла ей преодолевать противоречия, нестыковки, даже не совместимости идеологического настоящего и прошлого.

Широко известен парадокс развития науки в целом (и конкретных наук – в частности). Одни методологи науки утверждают, что на каждом новом этапе развития науки прошлые знания, даже понятия предыдущего этапа *не применимы* для объяснения и познания нового, другие – напротив, что принципом науки является *преемственность* в ее развитии, предыдущий этап познания становится ступенью, с которой можно подняться на новую, открывающую более широкое пространство проблем.

Вера Александровна овладела искусством методолога – ее огромной заслугой является разработка принципа психолого-исторической реконструкции. Последний оказался продуктивным для сохранения преемственности, т.е. развития истории психологии. Он позволял с позиций настоящего, более зрелого этапа науки так преобразовать взгляды, теории,

достижения прошлого, чтобы они обнаруживали качества, служащие конструктивными нитями связи с настоящим.

С помощью этого метода она скрупулезно восстанавливала сокровищницу психологов прошлого.

Также общеизвестно сложившееся в психологии определение методологии как философских категорий, парадигм, преобразованных в *операциональный* способ психологического исследования, познания, добывания новых знаний о психическом. Более конкретно методология отечественной психологии представлялась как совокупность различных принципов – принципа развития, принципа детерминизма, принципа личности и т.д. Кольцова В.А. обогатила и историю психологии, разработав методологию историко-психологического исследования, и психологию в целом, *раскрыв конкретные функции методологии психологии*. Это открытие стало принципиальным контраргументом по отношению к психологии, отстаивающим приоритет эмпирической психологии и определяющим методологию как словословие.

Обладая широчайшей эрудицией, Вера Александровна стала одним из талантливейших лидеров, разрабатывающих исследовательское направление, ставшее генеральной темой института и являющееся одной из глобальных проблем отечественной психологии, – направление, казалось бы, обращенное в прошлое – *российского менталитет*. Известно еще из трудов дореволюционных философов-историков, что при сравнении основных цивилизаций Евразийская отставала в своем развитии от остальных на 400 лет (Н.Я. Данилевский)! И это отставание было ликвидировано за десятилетия! (Российский менталитет едва ли не обогнал (по международным критериям) европейский и др. по уровню своей культуры, человечности православия и ... своей психологии, как невиданным синтезом покорности, терпения и мужества, проявленных в Победе Великой Отечественной войне и возрождении жизни на послереволюционных и послевоенных руинах. Общинность, как образ жизни,

труда и общения, самоотверженность, в беде – помощь ближнему и неистребимая Вера в лучшее – не Земле и на Небе...

Эта глобальная тема, выросшая из разных исследовательских направлений, позволившая методологически сформулировать новый по отношению к культурно-историческому, социокультурному и др. подходам – *психосоциальный подход* была конкретизирована Верой Александровной как *новое направление* историко-психологических исследований – *историческая психология*. В этом направлении презентовались не знания, сложившиеся в истории психологии, а исследовалась психология людей, живущих в ту или иную эпоху!

Можно ли было себе представить даже 30 лет тому назад, что предметом исследования историков психологии станут не только труды Бехтерева, Сеченова и др., а психология и личность Достоевского или Гоголя! И хотя, на первый взгляд, может показаться, что речь идет только о прошлом – на самом деле – найден ключ к познанию психологии ныне живущих, к испытаниям и их судьбе в изменяющихся социальных условиях.

В начале XXI века (как своеобразное продолжение бархатной революции середины прошлого века) в общественном сознании интеллигенции была предпринята попытка выделить сотню лучших умов (талантов) страны, как повлиявших на судьбу России в прошлом веке и определяющих ее будущее. В нашей стране можно, думаю, насчитать много более тысяч талантов, не ставших ни диссидентами, ни академиками, ни ораторами идеологических дискуссий СМИ. Их самоотверженный труд, инновационные идеи, научные открытия совершаются в их профессиональном пространстве, сообществе. Государство, общество не способно отразить их реальную роль в судьбе сегодняшней России (большое видится на расстоянии, оценивается по прошествии времени – ретроспективно). К таким ученым принадлежала Кольцова Вера Александровна. Необыкновенный вклад ее личности, сочетавший лучшие человеческие качества – ответственность и за судьбу Института психологии, и за судьбу психологической науки, и за судьбу своего

Отечества, справедливость, кристальная научная и человеческая честность, любовь к жизни, к своей Родине, любовь к людям – ушедшим и живым, далеким и близким. Она была добра и снисходительна и одновременно строга и требовательна к своим молодым ученикам, уважала, ценила, поддерживала своих сотрудников. Она умела направлять, объединять и воодушевлять сотрудников своего коллектива – историков и в долгие годы своей деятельности заместителя директора стала *собирательницей историков земли русской*. Она привлекла под крыло Института психологов всей нашей необъятной страны. При этом она сама перепечатывала и многократно редактировала, дописывала, дополняла статьи более слабые, содействуя росту ученых.

Титанический этот труд подрывал здоровье и силы. Но никто не видел печати, усталости на ее прекрасном лице. Она любила эту жизнь и радовалась ей. Ни трудности прошлого, ни проблемы настоящего не могли сломить ее оптимизма.

За годы ее лидерства в истории отечественной психологии последняя не только поднялась на значительно более высокий уровень – она стала ценностью в системе психологии, как стало реальной ценностью прошлое нашего Отечества. Ценностью и опорой ...

Кольцова Вера Александровна навсегда останется в памяти коллег, учеников, сотрудников Института психологии РАН.

Доктор философских наук, академик РАО, главный научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии

К.А. Абульханова

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КУПЕЧЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РАЗНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА *

© 2018 г. **Кольцова В.А.****, Федоркова И.Р. ***

** Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

*** Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии МосГУ, заместитель директора по научно-просветительской работе Музея денег; Московский Гуманитарный университет; 111395, г. Москва, ул. Юности, 5

e-mail: ira_kislova@mail.ru

Аннотация: В статье с опорой на исторические факты, в том числе на данные архива Московской Купеческой Управы, раскрываются особенности становления купечества в процессе его взаимодействия с другими социальными группами российского общества: дворянами, крестьянами, мещанами. Особенности взаимодействия рассмотрены с точки зрения кооперации и конкуренции, проявившихся в деловой и социальных сферах жизни названных социальных групп. В работе также проанализированы феномены, повлиявшие на становление купечества как социальной и профессиональной группы: установки, традиции, жизненные позиции, мотивы поведения, права и обязанности.

Ключевые слова: купечество, дворяне, крестьяне, мещане, социальная группа, сословие, взаимодействие, кооперация, конкуренция, конфликт, конструктивный конфликт, деструктивный конфликт, деловая сфера, социальная сфера, традиции, реформы, предпринимательская деятельность, торговля, торгово-промышленная деятельность, профессиональная деятельность, общественная деятельность, установка, мотивация, социальный статус, доминирующая позиция, подчиняющаяся позиция, права, обязанности

ВВЕДЕНИЕ

Основными партнерами по общению купечества являлись дворяне, крестьяне и мещане, которые сыграли важную роль в становлении купечества как социальной и профессиональной группы. Рассмотрим, как изменялись

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01075 «История становления предпринимательства в России»

исторические формы социально-психологического взаимодействия данных социальных групп российского общества в периоды важные для развития отечественного предпринимательства.

Для рассмотрения будем использовать модель дихотомического деления всех возможных видов взаимодействия на два противоположных вида: кооперацию (сотрудничество) и конкуренцию (соперничество) (Андреева, 1996). Под кооперацией понимается такое взаимодействие, при котором происходит комбинирование единичных сил участников для достижения общего, взаимовыгодного результата. Конкуренция, напротив, предполагает самостоятельное ведение дел и нацелена на достижение победы над соперничающей стороной. Наиболее яркой формой конкуренции является конфликт, как высшее проявление взаимодействия, связанного со столкновением интересов. Выделяются две разновидности конфликтов: деструктивный (негативный) и конструктивный (позитивный). Конструктивный конфликт возникает в том случае, когда происходит столкновение различных точек зрения на какую-либо проблему или способы ее разрешения; он, как правило, протекает в деловой сфере и имеет возможность позитивного разрешения. Деструктивный конфликт ведет к рассогласованию взаимодействия, возникает чаще в личностной сфере и часто не только не способствует разрешению проблемы, а, наоборот, ведет к умножению негативных установок, к росту предубежденности партнеров по отношению друг к другу, разрушению взаимодействия.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЕЧЕСТВА С ДВОРЯНСТВОМ

В конце XVII – начале XVIII вв., когда Петр I взял курс на индустриализацию и развитие России в соответствии с западными образцами, предпринимательством стали заниматься дворяне, которые до сих пор имели собственную сферу служения – государственно-политическую и военную, в то время как экономическая сфера традиционно являлась прерогативой

купечества. Вероятно, Петр I не видел в купцах надежной опоры для проведения своих прозападных реформ, так как они для него олицетворяли старину Московского царства, с которой император вел неустанную борьбу. Купцы предпочитали жить в рамках древнерусских традиций: систематически посещали богослужения, строили храмы, не торопились брить бороды, уплатив «бородовую пошлину», не спешили облачаться в новое европейское платье. Именно купцы даже через сто лет после реформ Петра являлись носителями и активными пропагандистами русской идеи в своей профессиональной и общественной деятельности. Они делали ставку на подготовку отечественных специалистов, создавали магазины русских товаров, строили храмы и светские здания в русском стиле, возрождали забытые древнерусские ремесла, способствовали развитию национальной культуры. В то время как в Большом театре в моде была итальянская опера, в Русской Частной опере С.И. Мамонтова звучали национально-ориентированные произведения Н.А. Римского-Корсакова: «Псковитянка», «Садко», «Снегурочка», «Царская невеста». В то время как в моде было коллекционирование картин французских и итальянских художников, П.М. Третьяков собирал произведения русских живописцев, всячески поощряя их творческие устремления. Таким образом, Петр I очень точно почувствовал и оценил стойкость мировоззренческой позиции купечества, основанной на Православии и уходящей корнями в древнюю историю русского народа.

Итак, император Петр I в ходе проведения своих реформ делал ставку на дворян, вслед за царем относительно быстро принявших западные нововведения. Он посылал дворянских детей учиться за границу, а младшим сыновьям знатных фамилий настоятельно рекомендовал заниматься торговлей. Петр I активно стимулировал экономическую деятельность дворянства, и, несмотря на наличие у них собственных капиталов, предоставлял для развития предпринимательского дела государственные средства. Парусную фабрику на р. Клязьме соорудил А.Д. Меншиков, шелковая компания была создана графами Апраксиным и Толстым в компании с бароном Шафировым. Но,

несмотря на значительные привилегии, полученные от правительства, предпринимательская деятельность дворян не оказалась эффективной. Граф Апраксин, например, в 1720 г. заявил, что у него нет «капиталов, потребных на производство», нет и шелка из-за отсутствия «интереса в купечестве» (Кузьмичев, Шапкин, 1995, с. 49). Этим заявлением известный сановник практически констатирует тот факт, что договориться с традиционными русскими хозяйственниками-купцами дворяне не сумели. Через год после описываемых событий граф Апраксин с компаньонами были вынуждены пригласить на предприятие 8 купцов, а еще через три года предприятие полностью перешло в руки купечества, вернувшего дворянам часть внесенного капитала. Объективной причиной сложившейся ситуации можно считать отсутствие достаточного опыта, навыка ведения хозяйственных дел у дворянства. Субъективная причина, на наш взгляд, связана с отсутствием у дворянства необходимой мотивации к осуществлению такого рода деятельности и нежеланием сотрудничать на равных с «мужиками-купцами». Указания императора выступали в роли внешнего мотива, а собственная заинтересованность (внутренняя мотивация), вероятно, была слабо выражена у дворянства. Со временем многие дворянские предприятия перешли во владение купечества, обладавшего необходимым опытом, навыками ведения дел и знанием рынка. Таким образом, в период проведения реформ Петра I, несмотря на заинтересованность императора, дворянство не смогло стать серьезным конкурентом купечеству в деловой сфере.

В период правления Екатерины II позиция высшего сословия существенно изменилась: у них появилось стремление к экономической активности. Дворяне стали усиленно оттеснять купечество от промышленной деятельности, начиная доминировать в основных отраслях производства – текстильной и винокуренной. Так, в 70-е гг. XVIII в. из 305 текстильных предприятий дворянам принадлежало 57 и на их долю приходилось третья часть общего оборота продукции. К началу XIX в. из 98 суконных фабрикантов, поставлявших свои изделия государству, к дворянскому сословию

принадлежали 74 человека, а к купеческому сословию только 12. Таким образом, в этот исторический период дворянство начинает конкурировать с купечеством в деловой сфере. Недаром период правления Екатерины II называют в истории «золотым веком дворянства»: императрица оказывала протекцию дворянству во всех сферах жизни. Они имели в собственности не только заводы, возникшие в результате личной активности, но и предприятия, создававшиеся на средства казны. В период правления Екатерины II наблюдался расцвет вотчинных мануфактур, существовавших на базе дворянских поместий. Эти предприятия, нацеленные на переработку продукции, полученной в результате барщины и оброка, базировались на труде крепостных крестьян.

Однако, уже в первой половине XIX в. положение изменилось в пользу купечества, дворянство вновь перестало быть для них серьезным деловым конкурентом. В период подготовки демократических реформ крепостной труд стал невыгодным, вследствие этого вотчинные предприятия практически исчезают. В этой ситуации высшее сословие проявило ригидность, оказалось неспособным перейти к новым методам хозяйствования. В стремлении поправить свое финансовое положение дворяне вставляли на путь поощрения своих крепостных к занятию торговлей для получения с них денежного оброка. Купечество осуждало данную позицию дворян, считая, что, имея в своих руках самый главный ресурс – рабочую силу, дворяне могли бы организовать собственное производство, а не жить за счет крестьян: «Помещики, собирая особые оброки с торгующих крестьян, не имеют побуждения к возрастанию доходов своих употреблять имеющихся у них в руках надежных способов заводить в деревнях фабрики для обработки собственных произведений» (О доставлении..., 1823).

Дворянство вновь оказалось неподготовленным к энергичным действиям в отличие от купечества, имевшего мощное внутреннее стремление к активности, способность к длительной эмоциональной, волевой и физически напряженной работе ради достижения своей цели, что традиционно

формировалось в купеческой среде еще со времен осуществления торгово-дружинных экспедиций древнерусских купцов.

Таким образом, мы можем констатировать: дворянство на протяжении XVIII – XIX вв. выступало соперником купечеству в деловой сфере с разной степенью выраженности конкурентной борьбы на разных исторических этапах. Но если состязание в деловой сфере в большей степени носило конструктивный характер, то в социальной и личностных сферах между купечеством и дворянством существовал деструктивный конфликт, который длился вплоть до революции 1917 года, отменившей существование данных сословий.

Дворяне являлись обладателями благородного происхождения и государственно-политической власти; купечество, в свою очередь, не имевшее знатного происхождения сосредоточило в руках значительные денежные средства, которые к XIX веку истощились у дворян. Все это вызывало непонимание и неприятие друг друга этими группами российского общества.

Дворяне, имея в своих руках политическую власть, использовали ее в своих интересах против купечества. Данное утверждение ярко иллюстрируется примером конфликтной ситуации, возникшей между графом Воронцовым и симбирским купечеством в XVIII в. Граф пытался погасить свой долг казне (129 тысяч рублей) за счет купечества путем давления и принуждения, а должностные лица, представляющие его интересы, оказывали прямое физическое воздействие на купцов. Возникшая ситуация заставила купцов обратиться с жалобой к императрице Елизавете Петровне. В челобитной они в частности сообщали, что присланный расследовать дело графа Воронцова прокурор, взимает долг со всего симбирского купечества, при этом «бьет их братию среднюю и меньшую гильдию батожем смертельно, морит в колодках и принуждает подписываться к платежу той суммы с каждой души по 6 рублей с излишеством» (Кузьмичев, Шапкин, 1995, с.70).

Противостояние дворянства и купечества в социальной сфере продолжалось и в XIX в. Но если раньше купечество в данном направлении не оспаривало прав дворянства, то в пореформенный период ситуация изменилась:

купечество добивается существенных успехов и теснит дворянство не только в экономической, но и в социальной сферах. В.А. Гиляровский писал: «Барские палаты были заняты купечеством, и барский тон сменился купеческим, как и изысканный французский стол перешел на старинные русские кушанья» (Гиляровский, 1983, с. 96). Вчерашние «мужики» принимают участие в светских раутах; «купеческие жены получают свои туалеты из Парижа», выезжают «на зимнюю весну» на Французскую Ривьеру» (Бурышкин, 1991, с. 99).

В купеческой среде значительно возрастает стремление к получению образования; и если отцы торговали с лотков, то дети уже являлись студентами самых престижных учебных заведений. Дед Саввы Морозова умер, так и не научившись грамоте, а его внук был студентом Императорского Московского университета, а затем изучал химию в Кембридже. Архивные документы свидетельствуют о том, что в первой половине XIX века, задолго до отмены Крепостного права, купеческие дети уже являлись студентами высших учебных заведений; и это были не единичные случаи. В период с 1829 по 1836 гг. зарегистрировано как минимум 62 случая «увольнения» московских купеческих детей из сословия в связи с поступлением в высшие учебные заведения: 51 человек поступил в Императорский Московский университет, 10 – в Медико-хирургическую академию, 1 – в Императорскую академию художеств. При этом следует отметить, что это были дети и внуки не только самых зажиточных купцов 1-й гильдии, но и члены семей купцов 2-й и 3-й гильдий (Дела об увольнении..., 1829-1836.).

Межгрупповой конфликт купечества и дворянства обострялся за счет их взаимных негативных установок. Отношение дворянства к купечеству было снисходительно-ироничным, а порой открыто презрительным. Несмотря на модный сюртук и французскую речь, дворянство видело в нем «все же купца, со всеми его «ордынско-якиманскими» свойствами, которые не выветриваются ни от каких течений, ни от какой цивилизации» (Бурышкин, 1991, с. 98). Вместе с тем, дворянство завидовало присущему купечеству стремлению к культуре,

реализующемуся благодаря наличию финансовых средств, которых было недостаточно у дворянства. «У него (*купца – прим. авторов*) лучшие дома и выезды, лучшие картины, библиотеки. Загляните в любое учреждение – вы непременно встретите там купца. Он произносит речи, проектирует мероприятия, издает книги, фабрикует высшие сорта политики, устраивает митинги и прочее», – писала газета «Новое время» (там же).

Неприязненное отношение к себе купечество испытывало со стороны Государственной думы, и это не случайно, так как лидирующее положение в Думе занимало дворянство, в связи с этим есть основание рассматривать данный факт, как иллюстрацию отношения дворянства к купечеству. При этом купечество осознавало, что в основе этого отношения лежали иррациональные мотивы. П.А. Бурышкин писал, что объяснить такое отношение к предпринимателям «иначе как врожденной неприязнью к частной промышленности невозможно. Это именно неприязнь, т.е. чувство, а не сознательная программа или доктрина» (Бурышкин, 1991, с. 69).

По словам купца Вишнякова, отношение купечества к дворянству, в свою очередь, тоже было полно недоверия, зависти и недоброжелательства (Вишняков, 1903-1911).

Социальные контакты между дворянством и купечеством были очень редки. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху встретить в дворянской. Если же это происходило, то возбуждало, с одной стороны, любопытство, с другой стороны – сарказм и неодобрение по отношению к тем, кто нарушал обычаи своих каст. Как правило, такие социальные взаимодействия объяснялись корыстными расчетами. Если дворянин принимал купца, это означало, что ему нужны были деньги. П.А. Бурышкин в своей работе цитировал автора «Отечественных записок» Сергея Атаву: «Всем нам в то время до зарезу нужны были деньги. А деньги были у купца. Мы обнищали, а он давал» (Бурышкин, 1991, с. 97). Если купец принимал дворян, это значило, добывается подряда, ордена или медали, «норовит дочь выдать за благородного» (Вишняков, 1903-1911, с. 39). Как

правило, такие корыстные расчеты не были одобряемы в купеческом сообществе. Купцов, перешедших в дворянское сословие, в купеческих домах Москвы во время общих сословных собраний не принимали, их можно было приглашать только отдельно. Ю.А. Бахрушин вспоминал: «Помню, например, представителей одной известной московской купеческой семьи. По русским законам владельцы фирм, просуществовавших сто лет, автоматически получали дворянство. Обычно было принято отказываться от подобного перехода из сословия в сословие. Представители этой фамилии не соблюли традиционного правила и не отказались от дворянского звания. Немедленно все двери лучших купеческих домов, где они раньше всегда бывали желанными гостями, наглухо и навсегда захлопнулись перед ними» (Бахрушин, 2012, с. 43).

Замуж выходили или женились на представителях своего сословия. И если отдельные купцы пытались выдать дочь за дворянина или женить сына на дворянке, чтобы таким образом повысив свой социальный статус, то для большинства купцов это было настоящей трагедией. Бахрушин описывает семейную ситуацию выхода его тети замуж за князя. В семье известие было воспринято как величайшая катастрофа. Невеста проплакала полтора месяца прежде, чем отец согласился на этот неравный брак и только исключительный такт и обаяние князя Енгальчева позволили со временем купеческой семье примириться с произошедшим. Возможно, возникшая ситуация объяснялась не только сословными установками, но и тревогой за судьбу дочери. Перед глазами московской общественности были примеры таких браков по расчету: обнищавший дворянин женился на купеческой дочери, «чтобы обобрать ее и бросить»; дворянка выходила замуж за купца, чтобы одарить своих близких, а затем завести «полубовника из своих, да и уйти от мужа. Да еще смеяться станет: этакого дурака нашла» (Вишняков, 1903-1911, с. 39). Купечество не доверяло дворянству.

Можно также рассмотреть процесс взаимодействия купечества и дворянства с точки зрения позиций, которые они занимали по отношению друг к другу: кто в ситуации общения занимал ведущее положение, кто был

ведомым; насколько оправдывались ожидания относительно поведения партнеров. Исходя из принятой в социальной психологии концепции распределения ролей партнеров по общению согласно принципу доминирование – подчинение,¹ можно предположить, что в дореформенный период (первая половина XIX в.) дворянство находилось по отношению к купечеству в доминирующей позиции – «сверху», в то время как купечество – в подчиняющейся позиции – «снизу». Причиной этого являлась патриархальная форма взаимодействия между помещиками и крестьянами, традиционно сложившаяся в российском обществе. Социальные роли распределялись следующим образом: помещик – доминирующий тип («Родитель»), крестьянин (а купцы в большинстве были выходцами из крестьянского сословия) – подчиняющийся тип («Ребенок»). Даже в ситуации финансовых взаимоотношений, где, по праву, купечество занимало ведущую позицию, выступая в роли кредитора, дворянство стремилось сохранить свое социальное место «сверху». Дворяне снисходительно разрешали купцам давать им деньги как дань уважения, при этом кредитора с собой даже за стол не сажали, так как он «в салфетку сморкается». Купец, в свою очередь, вел себя сообразно ожиданиям: «садился на ближайший стул от двери, вставал с него каждую минуту, улыбался, потел, утирался» (Бурышкин, 1991, с. 97).

В пореформенный период (с 60-х гг. XIX в.) купечество разрушает сложившуюся традицию и тем самым выступает в противовес ожиданиям дворянства, оно уже стремится строить свои взаимоотношения с ним с точки зрения позиции «рядом». Метаморфоза, произошедшая с купечеством, ярко иллюстрируется примером купца Подугольникова. Купец перестал являться по вызову, а приезжал с визитом сам, беря инициативу в общении в свои руки. «Хотя, по-прежнему, дальше кабинета его не пустили, он уже сам попросил, чтобы подали ему водочки, и спать к управляющему во флигель не пошел, а

¹ Имеется в виду принятое в социальной психологии распределение ролей партнеров по общению по принципу «доминирование – подчинение»: «пристройка сверху» (позиция доминирования); «пристройка снизу» (предоставление инициативы партнеру); и «пристройка на равных» (уравнивание позиций).

спал в кабинете. Утром обошел и осмотрел все хозяйство, обо всем расспросил. Склонился на просьбу и дал еще денег взаймы, но это был уже не тот Подугольников, который потел и утирался» (Бурышкин, 1991, с. 97). Сложившаяся ситуация противоречила ожиданиям дворянства, и приводила к внутренней борьбе мотивов по типу «не хочу, но надо». «А когда он приехал в следующий раз, его не только пришлось положить спать в кабинете, но надо было позвать обедать в столовую, строго-настрого приказавши детям не смеяться, если он станет сморкаться в салфетку» (там же). «Не хочу» строить взаимоотношения с вчерашним крепостным мужиком как с равным, но «надо», потому что у него есть деньги, а у меня нет – такой была логика рассуждений дворянства в связи со сложившейся ситуацией.

Найденные в архиве документы свидетельствуют о том, что российская аристократия была вынуждена официально принять купечество в высшее сообщество, признать его «своим», равным себе членом общества, пригласив их в 1856 году вступить в члены Российского Благородного собрания (О приглашении...., 1856). В свою очередь, купеческие дети стали приглашаться на детские праздники и балы в Зал Благородного собрания (О распространении...., 1853).

Но формальное принятие не означало реального. Купеческий сын – П.А. Бурышкин на себе ощутил, что значило быть «не благородным». Павел обучался в лицее наряду с детьми самых именитых дворянских фамилий и считался лучшим учеником в классе. В момент приезда в лицей важных гостей его обычно представляли прежде других. Убийство великого князя Сергея Александровича – одного из попечителей лицея – всколыхнуло жизнь московской общественности. Учащиеся лицея до похорон дежурили по очереди у гроба великого князя в Чудовом монастыре в составе почетного караула. Еще большей почестью явилось представительство на похоронах лучшего лицеиста старших классов. Все понимали, что на похороны необходимо отправить Павла Бурышкина, но начальство предложило сыну уездного предводителя дворянства князя Голицына выполнить эту важную миссию. Голицын

отказался, заявив, что в отношении Бурышкина совершается несправедливость, но ему объяснили, что могут спросить фамилию, а для лица будет лучше, если это будет представитель титулованного семейства, а не купеческий сын. После отказа Голицына начальство выбрало другого кандидата – сына губернского предводителя дворянства Базилевского, но он тоже отказался в пользу Бурышкина. Юноши оказались справедливее и мудрее взрослых, и начальству пришлось смириться с их решением. Павел Афанасьевич вспоминал, что он не пожалел ни минуты о том, что был на церемонии, так как увидел много известных людей, узнал придворный этикет, но наряду с такими светлыми воспоминаниями, в его душе остались неприятные ощущения: «я впервые ясно понял, что тогда значило быть “чумазым”» (Бурышкин, 1991, с. 101).

Позиции купечества и дворянства по отношению друг к другу из однозначных превращались в противоречивые. Дворяне, с одной стороны, внешне признали возможность купечества входить в состав аристократии, но с другой стороны, внутренне, не принимали этого факта. Купечество, с одной стороны, внешне, желало добиться окончательного реванша над зазнавшимися дворянами, но с другой стороны, внутренне, неосознанно оно, по-прежнему, нуждалось в одобрении с его стороны. «По каким-то тайным психологическим причинам купцы заискивали у высшего дворянства» (Бурышкин, 1991, с. 99).

Основные силы дворян и купечества были сосредоточены в разных городах. Можно сказать, что штаб-квартирой дворянства являлась новая столица – Санкт-Петербург, а центром купеческой жизни оставалась древняя Москва. Старая и новая столицы конкурировали между собой, в том числе и посредством противостояния дворянства и купечества. Из воспоминаний членов купеческих фамилий мы узнаем, что «не очень-то любили москвичи ездить в Петербург» (Бурышкин, 1991, с. 251), равно как и петербургская знать посещала Москву по необходимости, чаще всего во время императорских визитов в первопрестольную.

Значимым событием в жизни московского купечества явился визит императора Александра II в дом Московского городского головы – купца

Михаила Леонтьевича Королева. Обещание приехать в гости к купцу произвело и в дворянском, и в купеческом сообществе смущение: такого никогда не было. Многие скептически отнеслись к обещанию императора и до последнего считали, что визит не состоится. Но император сдержал слово и приехал в гости к купцу 4 декабря 1862 года. «Событие это, как открытое всенародное признание правительством значения купечества, нашло себе широкое и всестороннее отображение в прессе», – писал в своих воспоминания потомок известного купеческого рода Ю.А. Бахрушин (Бахрушин, 2012, с. 29).

Окончательным реваншем купечества в процессе длительного противостояния дворянству в профессиональной и социальной сферах явилась сложившаяся к концу XIX – началу XX вв. традиция официального представления новых министров торговли и промышленности московской буржуазии. Министр сам приезжал в Москву для того, чтобы представиться именитым московским купцам, а не вызывал их в Петербург.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЕЧЕСТВА С КРЕСТЬЯНСТВОМ

Крестьянство являлось основным конкурентом купечеству в деловой сфере вплоть до XIX в., но конфликта в личностной и социальной сферах жизни между ними не было.

История развития предпринимательства в крестьянской среде приводила к формированию нового типа деловых людей – «капиталистских мужиков», который составил основу российского купечества XIX в. Между данными группами возникает конструктивный конфликт, связанный с использованием разных средств для достижения цели. Цель была одна и та же – накопление капитала для дальнейшего развития собственного предпринимательского дела, а средства выбирались разные. Различия в средствах определялись правами и обязанностями купечества и крестьянства, которые на каждом историческом этапе давали преимущества то одним, то другим.

Серьезную конкуренцию купцам на внутреннем рынке в петровские

времена составляла наиболее свободная от закрепощения категория крестьян – дворцовые. Но, переходя в купеческое сословие, они принимали права и обязанности купечества и тем самым становились не конкурентами, а сотрудниками купцов¹. Данная тенденция вызвала противоборство со стороны государства, которое опасалось, что «в крестьянах останутся лишь одни скудные, и будет дворцовой казне от этого умаление», кроме того, нельзя было создавать у крестьян «понятия, что они и вовсе свободны» (Кузьмичев, Шапкин, 1995, с. 63). Таким образом, государство, по сути, стимулировало конкурентную борьбу между купечеством и крестьянством в экономической сфере, не разрешая последним переходить в купеческое сословие, но и не запрещая им создавать промышленные предприятия и заниматься торговлей.

В 1742 г. был издан указ, согласно которому, крестьяне, записавшиеся в купечество, должны были платить налоги и как крестьяне, и как купцы, и не только они сами, но и их потомки. Вероятно, данный указ не смог сдержать активность крестьян, и в 1747 г. выходит новый указ, разрешающий переход в купечество только крестьянам, имеющим собственность (лавки, дворы и заводы), не учитывая размер их капитала. В 1750 г. был издан указ, запрещающий менять сословие без царского разрешения, тогда как раньше требовалось лишь согласие схода или разрешение главной канцелярии. Крестьянам предоставлялось право переходить в купечество без исключения из крестьянства.² Государству никак не удавалось сдержать предпринимательскую активность крестьян. В пятидесятые годы XVIII в. появился ряд новых распоряжений, запрещавших производство товаров всем, кроме фабрикантов. В этот момент лидирующее положение оставалось за купечеством.

В период правления Екатерины II, стремившейся к развитию экономики

¹ За 60 лет XVIII в. в московское купечество записались владельцы 560 крестьянских дворов.

² Например, в 1726 г. Федору Турунтаевскому и его сыну Сенат разрешил открыть в Вологде три промышленных предприятия и нанять рабочих, но лишь в 1756 г. им было предоставлено право стать членами купеческого общества. Дворцовыми крестьянами братьями Лукновскими была основана одна из первых полотняных мануфактур задолго до формального разрешения в 1733 г.

на конкурентной основе, ситуация изменяется, для крестьян открываются почти неограниченные возможности для проведения собственной торгово-промышленной деятельности. Им разрешалось торговать всеми видами товаров, так как считалось, что все, что принадлежит к крестьянским домашним нуждам, не может помешать купеческой торговле. Теперь крестьянам для того, чтобы заниматься торговлей, не нужно было записываться в купечество. Такое положение вызывало недовольство со стороны купечества, целью которого было получение монопольного права на ведение торговых дел. В качестве главного аргумента против осуществления крестьянами торговли купечество выдвигало вопрос о незаконных операциях, проводимых крестьянами: продаже иностранных товаров внутри страны, торговле с восточными народами, транспортировке русских товаров к портам и даже их экспорте за границу. Деятельность купцов увенчалась успехом, и в 1778 г. появился указ, запрещающий крестьянам производить многие торговые операции.

Купцы были готовы строить свои отношения с крестьянством с точки зрения позиции «рядом». Им было чуждо снисходительное отношение к крестьянству, «сверху-вниз», как к неразумному, незрелому человеку, столь свойственное русскому дворянству и русской интеллигенции, мечтавшей просветить «мужика». Вчерашний крестьянин, впоследствии известный книгоиздатель И.Д. Сытин, писал: «"Старший брат" стал научать "младшего брата" и донимать его душеспасительным словом! Никто не спрашивал, хочет или не хочет мужик учиться, и все его учили. Крестьянин выступал в роли "неразумного дитяти", с которым сюсюкали и которому предлагали упрощенные знания обо всем, ибо сомневались в его "взрослости", разумности» (Сытин, 1962, с. 54). Сытин выступил против такого отношения к крестьянству: «Не следует думать, что для мужика нужны особые реки, текущие народническим млеком и нравоучительным медом. Пусть только реки текут, а напиток из них мужик и сам сумеет» (Сытин, 1962, с. 55).

Гиперопека по отношению к крестьянам со стороны правящей верхушки

(позиция «Родителя») часто приводила к возникновению у них безответственного отношения к своим обязанностям, к делу и партнерам. Крестьянству было выгодно положение «простаков в бизнесе», позволявшее им часто избегать ответственности за свои поступки. Они все еще были «детьми помещиков» по статусу, де-юре, хоть давно, де-факто, уже превратились в их «спонсоров-содержателей».

Само по себе занятие крестьянства торговлей не вызывало негодования со стороны купцов, несмотря на то, что, имея в качестве своего главного рода деятельности – земледелие, торговое крестьянство фактически вторгалось в чужую профессиональную сферу. Купечество беспокоило то, что деятельность крестьянства во многом способствовала уменьшению числа купеческих капиталов и «уничтожению купеческого звания в России» (О доставлении..., 1823). «Тягость купеческого состояния», по мнению купечества, состояла в том, что «ныне весьма не много входит из других состояний в купечество, а к выходу стремится великое множество»³. Происходило это, по мнению известных московских предпринимателей Кузнецова, Шелапутина, Шестова, Брехова, Каренина и Свешникова, потому, что купцам становилось невыгодным быть купцами. Помимо торговых привилегий они имеют сословные обязанности, от чего были освобождены крестьяне. Крестьяне, «пользуясь выгодами среднего состояния, не несут никаких по городу вещественных тягостей, и личных общественных служб, которые отвлекают граждан от их промыслов и подвергают особой ответственности» (О доставлении...., 1823). Сбор за выдаваемые крестьянам торговые свидетельства был меньше, чем процент с капиталов купцов. Многие крестьяне даже не брали торговых свидетельств. Были случаи, когда по одному свидетельству торговало 20 человек. Важным преимуществом была большая автономия торгующего крестьянства: купцам было трудно контролировать их деятельность.

³ Десятая часть купцов 3-ей гильдии перешла в мещанство «после допущения крестьян в Москву в торговлю». Число купеческих капиталов в 1823 г. по сравнению с 1815 г. сократилось с 2418 до 1548. Переход купечества в мещанство был обусловлен не только уклонением от излишнего платежа податей, но и «по нужде, от недостатка надлежащих капиталов» (О доставлении...., 1823).

Купцы, в отличие от крестьян, обязаны были состоять на общественных должностях по выбору Собрания выборных купеческого сословия. Освобождались от общественной службы только купцы, достигшие зрелых лет (после 60 лет), тяжело болеющие, исполняющие должности приказчиков, а также прослужившие на выборных должностях пять лет подряд (Об учреждении..., 1870). При вступлении на службу купцы приносили присягу в которой говорилось, что они обязуются «всякими мерами отвращать и не допускать» нанесения ущерба государству, «вверенную тайность крепко хранить» и обязанности свои «по совести своей исправлять, и для своей корысти свойства дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать» (О выборе..., 1892).

Контент-аналитическое исследование и статистический анализ формулярных списков московских купцов позволил выявить, что, несмотря на установленный нормативный срок службы (5 лет), купцы продолжали выполнять общественные поручения практически пожизненно. Из 68-ми респондентов только 14 человек (21 %) находились на общественной службе менее пяти лет, 54 человека (79%) – от 6 до 45 лет (Формулярные списки о службе, 1891-1918). Купцы являлись Попечителями и Почетными членами больниц, домов призрения, приютов, тюрем, сиротских домов, домов для инвалидов, народных столовых, учебных заведений, музеев; выполняли должности гласных Московской Городской думы, выборных от купеческого сословия, церковных старост; выступали в роли присяжных заседателей, нотариусов, маклеров, ревизоров, казначеев, целовальников; принимали участие в работе комиссий и комитетов, нацеленных на осуществление различных проектов общественного значения. За свою работу купцы не только не получали денежного вознаграждения (несмотря на то, что за выполнение тех же функций представители других сословий получали заработную плату), но и вкладывали свои средства на создание и содержание разных учреждений.

Например, благодаря представителю известной купеческой семьи Н.А. Алексееву, который с 1885 по 1893 гг. исполнял должность городского головы,

в Москве появилась современная система водопровода и канализации, были построены школы и больницы. Выполнение этой работы подчас занимало больше времени, чем осуществление предпринимательской деятельности и было сопряжено со значительными рисками. На прием к Н.А. Алексееву мог прийти любой гражданин, невзирая на звание, чин и сословие; и он, который приложил колоссальные усилия для сбора средств и сооружение Московской клинической психиатрической больницы («Канатчикова дача», она же – в 1922—1994 гг. – Больница имени П.П. Кащенко), был застрелен в своем рабочем кабинете душевнобольным человеком. Умирая, Н. А. Алексеев завещал 300 000 рублей на содержание созданной им больницы.

Итак, купцы, имея право на осуществление торговли, вместе с тем исполняли общественные обязанности, и их деятельность контролировалась Московским купеческим обществом, Купеческой управой и Собранием выборных. В то время как, крестьяне, имея торговые права, освобождались не только от общественных обязанностей, но и от контроля, что способствовало, по мнению купечества, «порче нравственности» и вело к безответственному отношению крестьян по отношению к своим кредиторам-купцам. «За сии долги свои они не дают векселей и не отвечают имением своим и личностью, подобно как обязано к тому дворянство, купечество и мещане.... Весьма часто по произволению не платят своих долгов, а помещики не понуждают их к платежам оных. Напротив сего, торгующие крестьяне, кредитуя купцов, берут с них векселя и взыскивают по оным деньги по всей строгости закона», – свидетельствуют купцы (О доставлении..., 1823).

Выход из вышеописанной ситуации купцы предлагают следующий: «Купеческое общество не предполагает лишать крестьян средства заниматься торговлей, но против того, желает, чтоб крестьяне сии были согражданами их, чтоб они увеличивали собою купеческие общества, чтоб пользовались с нами равными правами и преимуществами, чтоб несли с нами равные по государственной и общественной службе повинности» (там же).

Таким образом, основная конкурентная борьба в профессиональной сфере

осуществлялась между купцами и крестьянами. Доходы некоторых крестьян превосходили доходы отдельных купцов.⁴ Нередко крестьяне выступали в качестве кредиторов купцов⁵. Иногда купцы и крестьяне, проявляя кооперативный тип взаимодействия, вступали в совместную деятельность и выступали в качестве партнеров⁶.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЕЧЕСТВА С МЕЩАНСТВОМ

Представляет интерес рассмотрение особенностей взаимодействия купечества еще с одной социальной группой российского общества – мещанством. Несмотря на то, что мещане занимались торговлей, купцы не считали их серьезными конкурентами, так как их торговая деятельность не имела того размаха, который был у крестьян. Более того, купечество стремилось защитить торговые права мещан от посягательств крестьянства, считая, что «торговля крестьян лишает беднейших мещан предоставленного им законом средства к пропитанию» (О доставлении..., 1823).

Кооперация между купцами и мещанами возникала в основном в сфере социального обеспечения. Примером может служить их совместная деятельность в Сиротском суде, ведавшем опекунскими делами купцов, мещан и цеховых. Председательствовал в суде городской голова (как правило, представитель купечества), а в числе членов суда, избираемых на три года, были представители купеческого, мещанского и ремесленного сословий (Указы

⁴ В именном списке по свидетельствам 2-ой гильдии, среди лиц, содержащих более десяти заведений, из 5 человек – 3 купца и 2 крестьянина (Андрей Морозов и Архип Егоров) имели по 11 заведений (Указы Московского губернского правления, 1865). Эти два крестьянина были, как минимум, богаче всех отдельно взятых купцов 3-й гильдии.

⁵ Купец Елистрат Андреевич Андреев сидел в долговой тюрьме, так как имел неоплаченный долг в 150 рублей. В роли его кредитора выступал крестьянин (Капитал на выкуп..., 1868).

⁶ Например, в состав Московской судоходной депутации (временно созданной комиссии для осуществления контроля над деятельностью лиц, торгующих хлебом и производящих судоходство) входили купцы в качестве депутатов и крестьяне в качестве помощников депутатов (О выборе..., 1892).

Московского губернского правления, 1865).

Взаимоотношения купечества и мещанства, скорее всего, можно охарактеризовать как покровительственно-поощрительные. Один из владельцев знаменитой Трехгорной мануфактуры Т.В. Прохоров постоянно внушал московским купцам, что купечество и мещанство не два, а одно сословие, различающиеся лишь своим состоянием, и что забота о бедных мещанах есть долг богатого купечества (Прохоровы, 1996).

Мещане, как и крестьяне, являлись источником роста и пополнения купеческого сословия. Но если купец уже не мог стать крестьянином, то в мещанство он мог быть переведен в любое время. Причинами могли служить: необъявление капитала на текущий год, неуплата гильдейских повинностей, банкротство и т.д.

Купцы покровительствовали мещанам, понимая, что в неблагоприятных обстоятельствах каждый из них мог войти в их состав временно или пожизненно.⁷ Как правило, теряли капитал небогатые купцы 3-й гильдии, но подтверждением народной мудрости о том, что от суммы и от тюрьмы зарекаться нельзя, а также показателем зыбкости положения богатого человека явился перевод в мещанство в этом же году 2-х купцов 1-й гильдии и 3-х купцов 2-й гильдии (Сведения о купцах и объеме их капиталов, 1863). Форма перевода была различной: от собственной просьбы⁸ до автоматического исключения.

Все вышеуказанные обстоятельства способствовали тому, что мещанство, являясь отдельным сословием, имеющим собственный орган общественного управления (Мещанская управа) и свою общественную организацию (Московское мещанское общество), при этом пользовалось в социальной сфере многими привилегиями, обеспеченными для них купечеством. На средства

⁷ В 1863 г. в мещанство было переведено 166 купцов, а в 3-ю купеческую гильдию – 74 мещанина (Сведения о купцах и объеме их капиталов, 1863.)

⁸ Например, из журнала заседаний Управы от 1863 г. мы узнаем, что «Дмитрий Павлович Зеленихин, купеческий сын 3-й гильдии на вторую половину сего года капитала объявить не желает и просит перевести его в здешнее мещанство» (Журналы заседаний Управы, 1863).

Московского купеческого общества оплачивались подати за бедных мещан; они наряду с купцами выкупались из долговой тюрьмы (Капитал на выкуп..., 1868.); обеспечивалось обучение детей мещан в различных учебных заведениях, в том числе специально созданных купцами для детей мещан московских мещанских училищах (женского и мужского) (Анкета МКО..., 1910). Мещане принимались в богадельни, созданные купцами для бедных и больных людей (Устав богаделенного дома..., 1895), бедным девушкам при вступлении в брак выдавалось приданое (Дело о выдаче денег..., 1883). Московское купеческое общество ежегодно перед Пасхой «из сумм, пожертвованных ранее благотворителями для заплаты за бедных мещан недоимок» выбирало кандидатов, которые «будут достойны воспользоваться означенными милостями, и кто будет избран», и выплачивало их долги (Капитал на выкуп из временной тюрьмы..., 1868).⁹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление московского купечества как социальной, профессиональной группы происходило во взаимодействии с разными социальными группами общества: дворянами, крестьянами, мещанами.

Отношение купечества с ними носило конкретный исторический характер и различалось по критериям «кооперация-конкуренция» в деловой и социальной сферах. Основным партнером купечества являлись крестьяне, выступающие с одной стороны, социальной базой пополнения купеческого сообщества, с другой стороны, – конкурентом в деловой сфере, стимулирующим профессиональную активность. Дворяне только в период правления Екатерины II выступали в качестве серьезных конкурентов купечества в деловой сфере, в то же время, сохраняя вплоть до 2-й половины XIX в. преимущества в социально-политической области, что стимулировало купечество к повышению своего социального статуса. Мещане являлись той категорией граждан, по отношению к которым купечество проявляло

⁹ Например, в 1868 г. за 32 семьи мещан было выплачено недоимок на сумму 963 рубля 23 копейки (Капитал на выкуп из Временной тюрьмы..., 1868).

«отеческие», покровительственно-поощрительные функции; эти группы не выступали конкурентами ни в деловой, ни в социальной сферах и осуществляли кооперацию в сфере общественной деятельности.

Литература

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М., 1991.

Арензон Е.Р. Савва Мамонтов. М., 1995.

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.

Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2012.

Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. 2-ое изд. М., 1960.

Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991.

Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли / Гермес. Торговля и реклама. Спб., 1994.

Вережагин В.В. Переписка В.В. Вережагина и П.М. Третьякова 1874-1898 гг. М., 1963.

Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903-1911.

Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1983.

Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М., 1995.

Прохоровы: материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799-1915 гг. / Сост. П.Н. Терентьев. М., 1996.

Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962.

Третьяков П.М., Крамской И.Н. Переписка И.Н. Крамского. М., 1953.

Третьяков П.М., Стасов В.В. Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова. М.-Л., 1949.

Архивные документы:

Анкета МКО исследования общественных организаций торгово-промышленного класса в России (1910) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.3803.

Дело о выдаче денег на приданое бедным девицам (1883) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.1., е.х.542.

Дела об увольнении из купечества на учебу (1829 – 1836) // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.1413-2933.

Журналы заседаний Управы (1-30 июля 1863 г.) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.2., е.х.1.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Капитал на выкуп из Временной тюрьмы и на оплату податей бедных мещан (перед Пасхой), 1868 // ЦИАМ., Ф.3., Оп.1., е.х.445.

О выборе в Купеческую Управу старшины, товарища его, членов, гильдейских старост, их товарищей и членов Комитета по распределению процентов с разных благотворительных капиталов с 1892 г // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.1156.

О доставлении уполномоченными от московского купечества мнения о причинах ежегодного уменьшения числа купеческих капиталов и упадка торговли от 2 ноября 1823 г. // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.1500.

Об избрании в целовальники купца Ивана Толмачева // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.661.

Об избрании московского купца Григория Кольчугина в Московскую учетную контору маклером // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.203.

Об избрании смотрителей для наблюдения за печением хлеба для войск // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.65.

Об избрании 2-х представителей от купечества для Транзитной складочной конторы // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.742.

Об определении нотариусом купца Михаила Жукова // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.633.

О приглашении купечества вступить в члены Российского Благородного Собраниа // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.5357.

О распространении среди купечества билетов на детский праздник в Зале Благородного Собраниа (1853) // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.4756 (см. также е.х.4764).

Об учреждении купеческого общественного управления (1870) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.1., е.х.136.

Сведения о купцах и объеме их капиталов за 1863 г. // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.5.

Указы Московского губернского правления (14 апреля-9 июля 1865 г.) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.2., е.х.88.

Устав богаделенного дома братьев Солодовниковых в Москве, 1895 г. // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.123.

Формулярные списки о службе (1891 – 1918 гг.) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.3., е.х.1-554

FORMATION OF DOMESTIC MERCHANTRY IN THE COURSE OF INTERACTION WITH VARIOUS SOCIAL GROUPS OF THE RUSSIAN SOCIETY

V.A. Koltsova*,

* Doctor of Psychological Sciences, Chief Scientific Officer of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,

I.R. Fedorkova**

**Candidate of Psychology, associate professor of the Department of General Psychology of the Moscow University for the Humanities, deputy director for scientific and educational work of the Museum of Money

In this article with a basis of historic facts, including the data from archive of the Moscow Merchant Body, features of formation of merchants in the course of its interaction with other social groups of the Russian society are revealed: noblemen, peasants, middle classes. Features of interaction are considered from the point of view of the cooperation and the competition shown in business and social spheres of life of the above-mentioned social groups. The article analyzes some phenomena that influenced formation of merchants as social and professional group: view points, traditions, principles, motivation of behavior, rights and duties.

Keywords: merchantry, noblemen, peasants, middle classes, social group, strata of society, interaction, cooperation, competition, conflict, constructive conflict, destructive conflict, business sphere, social sphere, traditions, reforms, business activity, trade, commerce and industrial activity, professional activity, public work, view points, motivation, social status, dominant position, submitting position, rights, duties

ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

© 2018 г. Холондович Е.Н.*

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

Аннотация: В статье представлена психолого-исторической реконструкция ментальности русского человека середины XVII века. Проведен анализ культурного, политического, социального контекстов эпохи XVII века. Представлены особенности верований и представлений людей того времени, некоторые приемы мышления, восприятия пространства и времени, отношения власти и народа, правовое сознание, развитие искусства. Общество XVII века на Руси было четкое разграничено по сословному признаку, личность не выделена. Мышление человека – эмоционально, отличалось мистической направленностью. Жизнь человека и его представление о времени было четко регламентировано церковными нормами и природными циклами. Характер опыта – ярко эмоциональный, опирался на коллективные мистические представления. В середине XVII в. наметились тенденции к постепенному развитию самосознания личности, формированию нового правового сознания, закладывались новые культурные модели, выразившиеся в конфликте культуры элиты и народа.

Ключевые слова: ментальность русского человека, средневековье, личность, сознание. мистические представления, культурные модели, приемы мышления, культурный контекст эпохи

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к середине XVII века в русской историографии, определяется представлением о том, что менталитет современного человека берет свое начало именно в допетровской Руси, так как в данный исторический период еще не произошло коренного расслоения в общественном сознании народа и правящей элиты, характерного для последующих эпох. Реконструкция мировосприятия людей предлагаемой эпохи актуально еще потому, что дает возможность понять, как и где зарождался новый ментальный кругозор,

характерный для следующей эпохи, эпохи Петра I, ставшей поворотным моментом в истории России, приведшей к коренному сломену представлений и традиций. Так как именно предшествующие эпохи и культуры, по мнению Л. Февра, закладывают тот самый «мыслительный инструментарий», формирующий человеческое сознание, при помощи которого человек осваивает мир и который, в свою очередь, будет меняться в процессе исторической практики (Гуревич, 1996). Следовательно, предлагаемая тематика даст возможность понять современный менталитет, каковы его отправные точки, где формировалась концепция мира русского человека.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

И.Г. Белявский в своей работе «Лекции по исторической психологии» (Белявский, 2004) пишет, что социальные и экономические предпосылки не являются главными движущими силами истории, потому что это «результат явлений чисто психологического характера» (Белявский, 2004, с. 6). Именно человек и его психика – «первая и последняя причина» всех основных явлений и процессов истории. Историческая психология представляет собой систему знаний о человеке в истории, его личности, особенностях психики, «закономерностях ее культурно-исторической обусловленности, ее развития» (там же, с.7).

Действительно, отрицать влияние самосознания личности, ее психики на исторический процесс невозможно. Так, В.А. Кольцова и А.Л. Журавлев полагают, что ментальность личности – это «та внутренняя психологическая опосредующая среда, через которую преломляются любые внешние воздействия и которая определяет отношение человека к разным явлениям и событиям окружающей действительности, эффективность его взаимодействия с миром» (Журавлев, Кольцова, 2016). Следовательно, личность является важнейшей детерминантой исторического процесса, через нее, ее систему ценностей, убеждений, верований и представлений, отношений и социальных

настроений, через ее психику преломляется исторический процесс развития общества и формируется его облик.

Исследователи по-разному интерпретируют роль личности в историческом процессе. Например, французский историк, основатель «Школы Анналов» Л. Февр полагал, что именно конкретная личность (выдающийся исторический или культурный деятель) выступает главным выразителем ментальности, самосознания как конкретной группы, так и менталитета народа в целом. Н. Элиас высказывался за то, что новые формы поведения формируются исключительно в аристократических кругах. Ж. Дюби был убежден, что культурные модели и ценности формируются в «верхах» общества и постепенно «спускаются в его недра» (Гуревич, 1993). Р. Мандру видел каждого человека носителем определенной ментальности, и короля, и простого солдата можно рассматривать как создателя исторического облика своей эпохи (Мандру, 2010). А.Я. Гуревич же писал, что правильно говорить о взаимодействии различных тенденций, присущим разным стратам общества (Гуревич, 1993). Нам представляется это утверждение верным. Зарождается определенное видение мира – «ментальный инструментарий» (А.Я. Гуревич) в различных социальных слоях общества, носителями менталитета являются представители всего народа, каждый конкретный человек, но трансляторами, выразителями его будут, несомненно, известные, выдающиеся, гениальные личности, как самые яркие представители нации.

Для воссоздания ментального облика русского человека XVII столетия нами за основу была взята процедура историко-психологической реконструкции, разработанная В.А. Кольцовой, а также последовательность исследовательской процедуры, предлагаемая различными представителями французской исторической школы для изучения ментальности человека различных эпох, истории повседневности (Л. Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф и др.), разработки отечественных медиевистов, в частности А.Я. Гуревича.

Процедура историко-психологической реконструкции базируется на принципах: диалогичности, опорой на ценностное содержание и раскрытие смыслов происходящего, ориентированности на индивидуальные своеобразные явления. Важнейшими ее особенностями выступают: ссылка на авторитеты, учет различных точек зрения, опора на традиционные интерпретационные модели исследования (Кольцова, 2008).

Французская школа в качестве основных компонентов исследования, важных для понимания различных аспектов человеческого существования, предлагает изучать: существующие формы власти, религиозные и мистические верования, базовые формы солидарности (семья, сословия, государственные институты, церковь), а также временные формы солидарности (праздник), правовое сознание, различные виды деятельности, психические процессы и состояния человека, язык, установки, восприятие пространства и времени (Блок, 1986; Мандру, 2010; Гуревич, 1993). А.Я. Гуревич, в свою очередь, предложил базовые категории для воссоздания модели мира средневекового человека: время, пространство, право, богатство, труд, собственность (Гуревич, URL).

В качестве источников знания о исторической эпохе выступили работы историков (И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, С.Ф. Шмурло и др.), работы культуроведческого характера (Д.С. Лихачев), искусствоведение (И.Э. Грабарь), мемуаристика (Г.К. Котошихин, протопоп Аввакум), работы современных исследователей по изучаемой эпохе (И.Ю. Заорская, И.В. Чапайкин, И.Л. Давыдова, Л.Б. Сукина).

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Для изучения ментальности личности конкретной эпохи, необходимо рассмотреть те исторические предпосылки, которые, по мнению экспертов, и послужили детерминантами формирования определенных «сдвигов», трансформаций в привычном восприятии мира человеком. В качестве таковых в

истории России XVII столетия историки (Забелин, Ключевский, Соловьев, Платонов) рассматривают последствия кризисного периода в истории, в частности, Смутное время, реформы Ивана IV Грозного, приведшие к ослаблению как правящей элиты, так и простого населения и в целом к разорению страны, прерывание правящей династии Рюриковичей, выдвижение на историческую авансцену сильных личностей, неустойчивость и противоречивость всей общественно-социальной жизни страны (правители, склонные доверять доносам, воспитали в людях страх; безгласность русских, все склонны к «безумному молчанию»; отсутствие согласия, разобщенность – «не чужие земли разорители, но мы сами ее потребители»; социальная несправедливость, взяточничество, неправосудие, глубокое расслоение общества) (Лихачев, 2018).

Система управления в Московской Руси XVII века была централизованной, вся *власть* сосредоточена в руках царя и имела характер «системы поручений». Любой круг дел мог быть вверен доверенному лицу, который в свою очередь управлял в силу своих способностей и мог сосредоточить в своих руках несколько так называемых ведомств. Иногда разные ведомства ведали одними и теми же делами. «В государственном управлении не будет единства, контроля, отношения будут запутаны, но она будет существовать, сильная своей близостью к верховной власти», – писал А.Д. Градовский о такой форме управления (Заорская, Чапайкин, 2018). Парадокс того времени состоял в том, что общество XVII столетия в основе своей было не воинственно, но построено оно было на военный манер. Все служили: высшее дворянство – ополчение, средний слой – посадские люди – тянули «тягло», выполняли денежную повинность, крестьяне – «тягло», поддержание экономического положения дворянства, покрытие военных издержек государства. Все сословия исполняли повинность. Дворянин прикреплен к службе, к городу, уезду (где находилась его земля). Посадские горожане – к тяглу, к общине, которая платила подать; крестьяне – к земле, с

которой платили подать, и к лицу землевладельца, которому принадлежали, и которые, в свою очередь, служили. Все сословия, их существование было обусловлено общественными интересами. Государь – власть судебная, законодательная и исполнительная. Патриарх и церковь находятся в подчинении царя. Боярская дума – совет государя, главное правительственное учреждение. В ее ведении были приказы. Дворянство – обширное сословие, несущее военную службу и участвующее в управлении государством. Торговое и промышленное сословие – самое малочисленное, так как торговля и производство были крайне неразвиты в Московской государстве. Самым обширным классом являлось крестьянство. Оно делилось на две категории: черные или государевы люди – они жили на черной государственной (волостной) земле; владельческие крестьяне, жившие на землях помещичьих, вотчинных, монастырских, дворцовых (удельных). Именно в XVII в. происходит окончательное формирование *сословий* и их закрепощение. Каждое сословие образовывало из себя замкнутый круг, вход и выход из которого был невозможен. Взаимоотношения между подданными царя складывались по типу хозяин – раб. Еще Иван Грозный утвердил такой порядок в государстве, где все подданные, даже принадлежащие к родовитому боярству, являются рабами государя. В письме к князю А.М. Курбскому он отзывается о боярах как о своих рабах и утверждает, что в воле царя «хотеть быть обладаему своими рабами» (Ключевский, 2008, с. 210). Г.К. Котошихин писал о том, что ни один человек, к какому бы сословию он не принадлежал, не мог покинуть страну без дозволения царя. В противном случае это рассматривалось как побег и государственная измена, и родственники виновного подвергались пытке и ссылке (Котошихин, 1884).

Патриархальные родовые отношения в XVII в. на Руси были очень сильны, они определяли и личность человека, и его деятельность тем самым определяя всю систему общественных отношений – союз родства не допускающий равенства между своими членами. Личность не выделена, каждый сам по себе не имеет значения: есть члены семьи, члены рода. Есть

достоинство старшинства (Забелин, 1872). Им то и определялась «честь человека» или право, которым он пользуется в обществе. В определении личности на первом месте стоял род. Родовые отношения определяли значение и право, отношения к государству, т.е. службу. Рангов не существовало, существовало старшинство «родовых чинов» (Забелин, 1872, с. 135). Невозможно было помыслить о переходе из одного разряда в другой или их смешение! В каждом разряде в свою очередь свои разделения.

В семье главенствовал домовладелец. Второстепенное место занимали его «сродичи». В гражданском быту во главу угла ставилась семья, а не общество. В отсутствие общественного равенства членов, личность не была самостоятельной, не выделялась как единица, она не имела никакого значения. Человеческие права определялись правами «отчины» – старшинства рода (Забелин, 1872, с. 141). Ранг человека (его принадлежность к высшему роду) определял его интеллект, нравственность и другие качества. Если на ум претендовал человек малого ранга – это считалось «высокоумием», гордыней, порочными наклонностями. Семья в Московском государстве имела прообраз государственной власти того времени. Это можно выразить следующим образом; старшие, высшие – отцы, младшие, низшие – дети. Женщина и дети занимали подчиненное положение. Значение семьи, рода определял отец. Мать никакого значения не имела. Основное предназначение женщины – замужество, продолжение рода, в противном случае – монастырь. Женщина придаток мужа, она была лишена всех прав. Ей было отказано в личной самостоятельности, она по определению не могла быть умна. Более того, ей было отказано в элементарных человеческих правах (Забелин, 1872, с. 180). Женская красота почиталась источником соблазна и греха и, следовательно, не одобрялась. Женщина – источник зла. «От жены начало греху и тою все умираемъ. Малого бо бесу помощи въ женахъ...» (там же, с. 151). Главные добродетели женщины: трудолюбива, разумна, послушна, домовита, весела. Долг жены мужа бояться, повиноваться ему. Главная цель ее жизни – это благоденствие мужа. Благополучие жены и дома, семьи в благополучии «домовладыки» (там же, с.

152). Воля мужа закон. Если мужчина впадал в соблазн – причина женщина, и, следовательно, источник соблазна должен быть устранен, поэтому женщина должна сидеть взаперти. Защита женщины основывалась на том, что она член семьи, рода, и, естественно, ее защита обусловлена только защитой, ограждением родовой чести.

Дети также не имели никаких прав и рассматривались или как работники, или как лишние рты. Как и женщины они подвергались побоям, что было нормой того времени. На необходимость учить детей розгой указывал «Домострой». Количество детей в семье было большим. Смертность – очень высока. Дети, как правило, в привилегированных семьях жили на женской половине дома, в крестьянских же – в общих помещениях со взрослыми.

Важнейшей задачей населения страны того времени было обеспечение выживания, связанное с тяжелыми климатическими условиями (длительные холода и короткое лето), постоянными войнами и стихийными бедствиями (мор, пожары и т.п.), экономической и политической несправедливостью населения, последствиями смуты – обнищание всех слоев населения. Как писал С.Ф. Платонов, все сословия жили плохо, процветала только административная верхушка (Платонов, 2006).

Отношение к *труду* и к *богатству* накладывало свой отпечаток на ментальность людей XVII в., и здесь значение имело как православное воспитание, так и традиционный строй русской жизни. Если в протестантской культуре долгие века формировался культ богатства, и как основной способ его достижения – интенсивный труд, то в русской православной культуре, хотя и относились к труду как к необходимой составляющей праведной жизни, но не отводили ему первостепенного значения, ставя на первое место смирение, аскезу и терпению. Труд был необходимостью, формой выживания, но не способом накопления богатства (традиционно богатство ассоциировалось с грехом и несправедливой жизнью; оно мешает пройти легко в царствие небесное). Богатство, как правило, результат родовой принадлежности, близости к

царской власти. Но в то же время следует отметить, что приняв в качестве культурного наследия пышность Византии, русские люди в богатстве отличались крайней степенью сибаритства и чванливостью, но впадая в бедность, с той же легкостью проповедовали крайнее смирение и аскетизм. При всей закрытости частной жизни (особенно в состоятельных семьях), которая наиболее ярко была выражена в наличии высоких заборов и существовании устойчивого фразеологизма «не выноси сор из избы!», Н.И. Костомаров указывает на пышность и богатство убранства пиров и одежды великороссов (Костомаров, 1907). Демонстрация богатства как важнейшего средства выражения превосходства и могущества, близости к царскому двору была неотъемлемой частью русского боярского быта. Наиболее выпукло оно представлялось на пирах. Н.И. Костомаров приводит пример таких праздников в русских боярских домах, где накрывались богатые столы, сами хозяева и вся челядь были одеты в дорогие платья, чтобы продемонстрировать роскошь и материальное благосостояние хозяев. Хотя челядь обязана была вернуть наряд в казну хозяина, и в случае урона строго наказывалась. В обычные же дни холопы и люди небольшого достатка были одеты крайне бедно.

На крайнюю бедность большинства населения Московии указывали как сторонние наблюдатели, Дж. Флечнер, Ю. Крижанич, так и сами русские, Г. Котошихин, патриарх Никон. Например, в письме царю Алексею Михайловичу Никон писал: «Ты все проповедуешь поститься, а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего. Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы, все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии» (Ключевский, 2008, с. 474).

В *сознание* личности XVII в. большое значение имели суеверия, которые И.Е. Забелин относит к особой форме религиозности – вера в колдовство, сглаз и т.п. Идея демонизма была неотъемлемой частью социальной жизни человека Средневековья. Об этом есть ряд работ представителей французской школы

«Анналов» – Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа и др. Она присутствовала в мыслях, поступках человека того времени, формировала его поведение, т.к. социальная среда была пронизана суеверием. Так, Забелин в своей работе второй половины XIX в. «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» пишет, что «несмотря на увещевания», они «остаются нерушимыми и отличаются такой живучестью, что действуют до сих пор» (Забелин, 1872, с. 91). То же можно сказать и о языческих верованиях, традициях и сложившихся устоях жизни. Они неустанно преследовались духовенством и в то же время были неискоренимы. Формы верований постепенно трансформировались из языческих в православные, но суть их не менялась. Свои страхи перед необъяснимыми явлениями (природы) человек трансформировал в веру в чудо, дарованное богом. Мир делился на добрых и злых духов. Человек, в обыденных представлениях, не имел нравственной свободы и самостоятельности, а был безвольным орудием высших сил, добрых или злых. Эти силы управляли поступками человека, следовательно, человек был освобожден от всякой ответственности. Систематическое образование отсутствовало, на него смотрели с суеверным страхом. Учить и бить были синонимы. Забелин приводит мнение С.М. Соловьева о том, что образование было скорее редкостью, исключением из правил. Грамотой владели в основном священнослужители, дьяки и подьячие. Остальное население, даже в среде знати, в большинстве своем было неграмотно.

Религиозные и мистические представления, по определению Л. Леви-Брюля, сродни «первобытному мышлению», где операция мышления происходит «из совокупности привычек, определяющих форму и содержание их мыслительной деятельности» (Леви-Брюль, 2002, с. 13). Первобытный менталитет не направлен на поиск знания. Ему заранее все известно. Коллективные представления носят в основном эмоциональный характер. Мир чувственный и мир иной един. Все заранее предопределено мистическими силами. Человеческая деятельность должна быть направлена на выявление этих

сил и следование им. В противном случае человека ждет наказание. Для мышления такого типа характерно, мистическая направленность, предлогика, причина и следствие находятся в одном времени и пространстве, то есть имеет внепространственный характер и часто вневременный, имеет место «субъективное восприятие длительности» (там же, с. 71), где нет прошлого, связанного с настоящим и будущим. Иное строение опыта. Он носит выраженный эмоциональный характер. Наличествуют предсвязи, которые диктуются коллективными представлениями и мистическими причинами. Основной источник знания о потустороннем мире и о событиях, которые будут происходить в реальности, – сновидения. Здесь предзнаменование – не только знак, но и причина. В современном сознании они сохранили функцию знака, но утратили функцию причины. Они интерпретируются как символы (посланцы), вызвавших их мистических сил. В данную конструкцию укладываются религиозные верования и суеверия.

Восприятие исторического времени средневековым человеком, по мнению А.Я. Гуревича, характеризуется своеобразным параллелизмом, обусловленным религиозным, мистическим видением мира. Так, существовало представление о том, что настоящее и прошлое, жизнь Христа, страсти Господни, житие апостолов и святых и т.п., существует параллельно или, во всяком случае, очень близко друг к другу по времени с событиями современности. Наряду с параллелизмом существовало линейное восприятие времени: от прошлого к будущему – от сотворения мира до конца света. Он отмечает, что разные сословия характеризуются своим восприятием времени. Например, для земледельцев время циклично и часто меряется по временам года, природным циклам. Для духовенства же оно линейно. Ф. Бродель утверждал, что на ментальность человека влияют три главных времени: природно-географическое, социальное и индивидуальное. Также исследователи отмечают, что время жизни человека регулировалось полностью церковью. Она устанавливала регламент: посты, молитвы, праздники, секс. Отход же от

регламента рассматривался как грех. Можно предположить, что, так как Московское государство, да и Российская империя, по определению Н.А. Бердяева, была необъятным крестьянским царством (Бердяев, 2011), то есть аграрным, следовательно, у большинства населения преобладало циклическое восприятие времени. Хотя, конечно же, жизнь людей XVII в. была тесно связана с церковью, и регламентация, несомненно, существовала очень жесткая. Так, Л.Б. Сукина приводит в качестве одного из источников знания о религиозном сознании того времени, синодики (поминальные списки) (Сукина, 2013). Они представляли собой свод церковных канонов, иллюстрирующих важнейшие православные догмы того времени, которые формировала церковь у паствы. В ней изображался загробный мир, ад и рай, представление о смерти и грехе, о наказании за несправедную жизнь. «Церковность представляла в то время первенствующую основу всего быта, заключала в себе все тогдашние знания, всю ученость, вмещала в себя всю область тогдашнего мышления, которое утвердилось и питалось почти исключительно только вероучением» (Забелин, 1872, с. 312). Интересно, что, так как канон церковный в православии XVII в. был очень жесткий, и службы очень длинные (против чего, в свою очередь, боролся патриарх Никон), паства часто не соблюдала всех требований и не погружалась в суть религиозного обряда. Поэтому в ее сознании причудливо слились языческие верования и религиозные, и это отразилось в народных праздниках и традициях, суевериях и мистических представлениях. Поэтому можно предположить, что в сознании человека того времени уживались как линейное восприятие времени, так и циклическое. Только доминировало одно или другое в зависимости от сословной принадлежности человека. Так, для духовенства оно было, несомненно, линейным, для крестьянина же циклическим.

Основным *органом чувств*, по Р. Мандру, для человека Средневековья был слух (Мандру, 2010). Так как именно через уши население (в большинстве своем неграмотное) воспринимало мир, и в частности, слово Божье. Но

развитие печатного слова, декоративности во внешней жизни человека (зодчество, фрески, стремление к украшению жилища и костюма, садов) говорит о развитии зрительного восприятия и стремлению к эстетическим удовольствиям. Так, в искусстве того времени на Руси на первый план выходит декоративность. И.Э. Грабарь писал, что русские по преимуществу нация зодчих (Грабарь, 2009). И если новгородская и псковская архитектура (до XVII в.) отличается строгостью форм и изяществом исполнения, то XVII в. – московский период – это гимн декоративности, расцвет московского барокко. «И если бы от тех недолгих лет, в течение которых он был люб москвичам и воодушевлял их зодчих, время сохранило о нем одну только церковь в Филях (1693), то и тогда мы должны были бы признать эпоху, создавшую его, одной из сильнейших в истории русского искусства» (Грабарь, 2009, с. 49). Живопись на Руси, по мнению Грабара, явилась «не столько искусством индивидуальным, изобретением и вдохновением отдельных лиц, как на Западе, сколько художеством собирательным, «таким же народным творчеством, как и народная музыка, песни, эпос» (там же, с. 95). По огромности «декоративных замыслов и их блестящему решению», роспись храмов Ильи Пророка и Иоанна Предтечи в Толочкове в Ярославле, Грабарь ставит на одну планку с совершеннейшими итальянскими фресками Раннего Возрождения. В зодчестве XVII в. удивительны не только внешняя сторона здания, но и внутреннее убранство. Создавалось впечатление «предстояния на небесах». Фресковая живопись и иконопись воссоздавали в зрительных образах православное вероучение. Нравственное воздействие через икону, фресковую живопись, т.е. через идеальные образы. Но уже наметились интересные изменения, говорящие за то, что в самосознании художника того периода назрели перемены – появлялась перспектива, зарождалось искусство портрета. Сукина указывает на отход от жестких канонов, возможность личной интерпретации религиозных сюжетов как заказчиками, так и художниками, и в целом на «антропологизацию сюжетов и образов» (Сукина, 2013) .

Идеальные образы были характерны также для литературы Древней Руси. В сказаниях о житие святых (агиографии), на первый план выделялись именно нравственное совершенство описываемой персоналии, святость ее жизни и трагичность пути, приведшего к святости. Это было характерно и для летописи, учительной литературы и исторической: в изображение человека главенствовала именно идеализация, ему приписывались лучшие качества, свойственные представителю той или иной социальной группы. Здесь отсутствовало представление о неповторимой и индивидуальной психологии человека, о его внутренней жизни, представление о характере. Рассматривался как бы отвлеченный персонаж. В литературе же XVII столетия появляются новые веяния. Происходит разделение на литературу феодальную – «верхов» и литературу демократическую, содержащую сатиру на отрицательные явления общественной жизни (Лихачев, 2015). Меняются *представления о человеке*. На первый план выступает его личная судьба, а не родовая. Если ранее преобладало полное игнорирование быта, герой представлен – чаще историческое лицо или святой – идеализированно, то теперь появляется герой простой, даже безымянный, со своей сложной внутренней жизнью («Повесть о горе Злосчастии», «Повесть о голом и небогатом человеке»), тесно связанной с реалиями своего времени. Появляется «автобиографизм», в текстах прослеживаются переживания, мнения, события жизни, и даже комментарии самого автора. И это характерно не только для автобиографий: «Житие Аввакума» и «Житие Епифания», но и для хроник того времени: «Повести о Смуте», записки П. Толстого, Б. Шереметьева. Появляются вымышленные герои, что само по себе немислимо в предыдущие эпохи, так как вымысел считался греховным. Как пишет Д.С. Лихачев: «...литература вышла широко за пределы феодального класса, она не могла ограничиться “историческими” именами из среды самых верхов феодального общества, когда понемногу, в результате земских соборов, народных ополчений, восстаний и протестов начала осознаваться роль всего народа, всей нарождающейся нации в историческом процессе» (Лихачев, 2015, с. 212). В ней появляются конфликт

личности со средой, неудовольствие общественными порядками, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащищенности, вера в судьбу, тема смерти, самоубийства, «первые попытки исправить несправедливость» (там же, с. 233). Выведение в образе героя «грешного» человека, «Повесть о горе Злосчасти», «означало гибель средневекового нормативного идеала и постепенный выход литературы на путь индуктивного художественного обобщения – обобщения, опирающегося на действительность, а не на нормативный идеал» (там же, с. 239).

Но и в изобразительном искусстве так же важное место занимает личность, ее ценность: появляются портреты (парсуны), развивается линейная перспектива, в которой главенствует единая индивидуальная точка зрения на изображение, появляются иллюстрации с изображением «среднего» человека, зарождается лубок (Лихачев, 2015, с. 247). Рост самосознания, социальные противоречия, духовные устремления, критическое осмысление жизни – вот что характерно для искусства XVII в. Лихачев определяет этот период, как «неузнанную эпоху Возрождения в средневековой Руси» (Лихачев, 2018).

Большую роль в развитии самосознания личности рассматриваемой эпохи сыграло развитие письменности. В среде торговых людей, крупных ремесленников, служилых людей была насущная потребность в счете и письме, так как усложнялась торгово-промышленная деятельность, расширяются контакты с Западной Европой, увеличивается аппарат власти (увеличение числа приказов). Очень быстро развивался писарский промысел в городах. Это обуславливалось необходимостью для простых людей обратиться с прошением или написать бумагу. В XVII в. печатных книг вышло до 300 шт. (Лихачев, 2015). Появилась первая рукописная газета «Куранты» для царя и его окружения. Создается Записной приказ, который собирает материалы для будущей истории. Выходит букварь Василия Бурцева, Кариона Истомина, Симеона Полоцкого – по нему обучались царские дети. В 1672г. в Москве открывается первая книжная лавка. Появляются также азбуковники – словари

иностранных слов и понятий, сведения об античных историках, философах, географах, исторические справки по отечественной истории. Появлялось все больше книг специализированных: по межеванию земель, руководство по смешиванию красок и др. В городах росло число печатных книг для домашнего чтения, главным образом в правящем сословии. Но, конечно же, в большей степени были востребованы книги религиозного содержания как печатные, так и рукописные. Появляются книги и для простого народа: «Голубиная книга или глубинная», «Беседа трех святителей», «Толстые сельские сборники», сказания или повествование о «Савве Груцыне», Петре и Февронье, бесноватой Соломонии. По мнению Забелина, «книжность и писание являлось тем средством, материалом» из которого народ создавал новые «образы верований, новые символы своего сознания» (Забелин, 1872, с. 108). Они были тесно вплетены в мифическое сознание и составляли культуру простого народа, управляли его представлениями и верованиями. Главные вопросы, задаваемые в народных сказаниях и книгах, которые отмечает Забелин: «Отчего зачало и где мать вещей». Это свидетельствует о пытливости ума русского человека, но естественно ответы он давал в соответствии со своими мифическими и религиозными представлениями, почерпнутыми из доступных источников грамотности.

Появились зачатки системного школьного образования. В 1621 г. открыта лютеранская школа для детей иностранцев (ее посещали и русские). Ф.М. Ртищевым (новатор, сторонник перемен) была открыта школа в Андреевском монастыре для боярско-дворянских детей, где изучались философия, риторика, история, география, языки – славянский и греческий. В 1650 г. в Чудовом монастыре открывается школа для духовенства. Были открыты школы при печатном дворе, при Аптекарском и Посольском приказе. В 1687 г. по инициативе Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева основывается Славяно-греко-латинская академия, готовившая духовенство, а также чиновников к государственной службе. В ней учились М.В. Ломоносов, П.В.

Постников – будущий доктор медицины Падуанского университета, архитектор В.Н. Баженов.

Открылись в Москве первые аптеки и больница (1668) для бедных, старых и служилых, получивших раны на государственной службе.

Вообще в данный период намечается секуляризация жизни общества. Ему способствовало обновление жизни церкви. В связи с реформой церкви, ослаб несколько контроль над жизнью обывателей. Забелин констатирует тот факт, что раскол, который повлекла за собой реформа, был следствием тех же мифических верований, что присутствовали в мышлении простых людей. Здесь сказалась борьба старых, укоренившихся представлений и новых веяний, вводимых Никоном. «Под именем старой веры люди XVII столетия разумели известный устав, домострой всей жизни, органическую совокупность верований, воззрений и представлений, цельность своего мирозерцания» (Забелин, 1872, с. 120). С.М. Соловьев причину раскола видит в том, что ученики стали учить учителей. Они в их лице покусились на авторитет церкви. Здесь он проводит параллель, аналогию с расколом в католической церкви – движение М. Лютера, Яна Гуса. Но Забелин уверен, что причина раскола в столкновении старой культуры (преданий, привычек, верований и представлений) и новых стремлений в обществе. Н.А. Бердяев же в расколе церковном XVII в. видит начало раскола всей жизни русского общества, произошедшего с реформами Петра и выделением слабого культурного слоя, столь чуждого основной массе крестьянства (Бердяев, 2006). Церковный раскол ознаменовал собой отказ от религиозной и национальной доктрины, укоренившейся в сознании русских людей еще в XVI в.: о превосходстве Москвы над Западом, о «Москве – третьем Риме», охранительнице правильного христианского вероучения – православия. Для многих сторонников старой веры изменение церковной доктрины было равносильно потере национальной идентичности.

Стремление к изменению формы прослеживалась не только в религиозной жизни общества, но и в светской. Именно «в верхах» зародился активный интерес к традициям и культуре Западной Европы. Одним из таких веяний явилось появление театра при дворе царя Алексея Михайловича! Борис Годунов видел много плюсов в сближении с Европой, он посылал дворянских детей на обучение в Европу (Платонов, 2006, с 171). В среде близких к царской власти людей (Ртищев, Орден-Нащекин, Матвеев, Голицын) все большую моду приобретают вещи домашнего обихода из Европы, предметы одежды (в большинстве своем из Польши), даже при царском дворе они входят в моду, картины, которые на Руси считались греховными. Как полагал Л. Февр, именно правящее сословие (элита) наиболее открыто новым веяниям. Это касается, прежде всего, области просвещения и искусства. А уже через него идет трансляция на другие сословия: торговых людей, ремесленников. Но и обычные люди проявляли интерес к иностранцам, которых все больше появляется в Московском государстве среди служилых людей и духовенства.

Привнесение эстетического элемента в быт отмечает Забелин. Так, отсутствие светских удовольствий и развлечений для женщин этой эпохи компенсировалась жизнью в тереме и в закрытом пространстве домашнего сада, но сад более напоминал огород – неотъемлемая часть домовитого хозяина. Покупать что-то по мелочи на рынке было унижительно, что говорило о «худом положении домашних дел» (Забелин, 1873, с. 269). Все потребности удовлетворялись из домашнего хозяйства – это был признак достатка, благосостояния. «Жить прохладно» – много челяди, дворни и собственных припасов – вот идеал богатого существования того времени (там же, с. 270). Иностранцы путешественники указывали на наличие огородов и садов в каждом маломальском зажиточном хозяйстве. «Домострой» не отличал огородов от садов в руководстве по содержанию, употреблению и экономической выгоде для хозяйства. Это относится к садам частных лиц и к царским садам. Они в принципе не отличались. Во второй половине XVII

столетия в исторических источниках появляются упоминания о разного рода увеселительных приспособлениях в садах знати. При царе Михаиле в садах появляются розы, по свидетельству Олеария, привезенные из Голштинии (Германии). До этого времени выращивали только шиповник. 1654 г., приводит записку Забелин, в Архангельск приходит груз с заморскими деревьями и четырьмя попугаями (Забелин, 1873).

В правовой жизни Московского государства происходят серьезные реформы, неотлагательная необходимость которой была обусловлена всем ходом русской жизни. Так, к середине XVII в. скопилось множество законов, уже не входивших в «Судебник Ивана III», дополнительных статей к нему, часто противоречащих друг другу. Недовольство всех сословий экономическим упадком страны, отсутствие единого законодательства стало причиной создания сводов законов «Соборное уложение» (1648-1649 гг.). Это свод законов гражданского, уголовного права на основе права византийского и литовского, которое действовало до 1832 г. Подготовлен он был государственной властью, а рассматривался и был одобрен Земским собором, который С.Ф. Платонов, считает наиболее «удачным по числу представителей» и наиболее результативным по числу решенных вопросов. При этом законы были переработаны, введены новые. Они имели характер крупных общественных реформ. Отменены урочные лета, срок поимки беглых крестьян, тем самым произошло окончательное прикрепление крестьян к земле. Это было продиктовано насущной необходимостью повысить экономическое положение служилых людей (дворян). Духовенству, одному из крупнейших землевладельцев, было запрещено покупать вотчины, введено ограничение его судебных льгот. Создан Монастырский приказ. Его задача сводилась к тому, чтобы ограничить злоупотребления со стороны духовенства. Закрепление и обособление посадского населения. Торговля в Московском государстве после смуты была сведена к минимуму. Посадских людей в некоторых городах вообще не было. Ограничивалась беспошлинная торговля иностранных купцов.

Торговлей могли заниматься только посадские люди, другие сословия лишались этой привилегии. Введен налоговый устав. Статьи о татебных, разбойных и убийственных делах (1669). Как считал историк, «Уложение» положило начало общего равенства перед законом всех сословий. «Чтобы Московского государства всех чинов людям, от большого до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна» (Платонов, 2006, с 242). Была проведена финансовая реформа. Из-за злоупотреблений, правда, потерпевшая неудачу.

Хотя, конечно же, стоит отметить, что основная масса населения была неграмотна и законов не знала, чем пользовался все увеличивающийся приказно-бюрократический аппарат власти, который наследовали учреждения Петра. С одной стороны, бесправие населения, вопиющая несправедливость, экономический упадок и притеснения населения власть имущими, с другой стороны, появление зачатков представлений у человека о своих правах как личности, в то время выразилось в самом большом количестве народных восстаний.

Таким образом, мы можем констатировать, что во всех областях общественной и культурной жизни Московского государства происходили серьезные изменения. И хотя власть стремилась проводить их старыми методами, новые веяния обуславливали введения все новых и новых порядков.

ВЫВОДЫ

Нами был проведен анализ культурного, политического, социального контекста эпохи XVII в, особенности верований и представлений людей того времени, некоторые приемы мышления, восприятия пространства и времени, отношения власти, правовое сознание, развитие искусства того периода и др. Результатом представленного анализа стали следующие выводы.

Общество XVII в. на Руси представляло собой четкое разграничение и обособление сословий. В основу его были положены родовые отношения,

которые определяли как деятельность человека, так и его личность. Власть имела централизованный характер, представленный в системе поручений. Положение человека определялось его близостью к власти. Мышление человека данного периода выражалось в эмоциональности, мистической направленности, предлогике, где причинно-следственные связи имели внепространственный и вневременный характер. Восприятие исторического времени отличалось параллелизмом. Сама жизнь человека и его представление о времени было четко регламентировано церковными канонами и природными циклами, отличалось субъективизмом. Характер опыта ярко эмоциональный и опирался на коллективные мистические представления. Основной орган восприятия – слух. В данный период наметились тенденции к постепенному развитию самосознания личности. Этот вывод можно сделать по косвенным источникам. Так, в литературе расширяются представления о человеке. Появляется описание его личной судьбы, особенностей внутренней жизни, его переживания, мнения, появляется вымышленный герой, описание конфликта личности и группы. В живописи намечается развитие перспективного видения мира художником, изображение простых людей, зарождение портрета (парсуны), развивается лубок. В зодчестве преобладает красочность и декоративность отделки, что вместе с расширением печатного слова говорит о развитии зрительного восприятия человека того времени. Также необходимо отметить, что в XVII в. начинает формироваться новое правовое сознание, отражающее представление человека о равенстве всех граждан перед законом. В данный период закладываются новые культурные модели, выразившиеся в конфликте культуры «верхов», имеющим доступ к знаниям, и культурой «низов» или фольклорной культурой, длившийся до начала XX в.

Литература

Белявский И.Г. Лекции по исторической психологии. Одесса: «Астропринт», 2004

Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ:АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ. 2011

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Изд-во «Наука», 1986

Грабарь И.Э. История русского искусства. М.: Изд-во «АСТ Москва» 2009

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. URL: gumer.info (Дата обращения: 12.08.2017)

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Изд-во «Лидрик». 1993

Давыдова И.Л. Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен. Дисс. ...докт. искусств. наук. М., 2005.

Забелин И.Е. Женщина по понятиям старинных книжников. Опыты изучения русских древностей и истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 129 – 179.

Забелин И.Е. Московские сады в XVII ст. Опыты изучения русских древностей и истории. Часть II. М.: типография Грачева и К., 1873. С. 266 – 322.

Забелин И.Е. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы. Опыты изучения русских древностей и истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 82 – 129.

Забелин И.Е. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы. Современные взгляды и направления в русской истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 301 – 355.

Забелин И.Е. Царь Алексей Михайлович. Опыты изучения русских древностей и истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 203 – 281.

Заорская И.Ю., Чапайкин И.В. История русской культуры. 2018. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook144/01/part-005.htm> (Дата обращения: 12.09.2018)

Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2008.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI – XVII столетиях и старинные земские соборы // Исторические монографии и исследования. СПб., 1907. Кн. 8. Т. 19. С. 6 – 232 .

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексей Михайловича. Современное сочинение. Издание 3. СПб., 1884.

Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо. 2008

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: «Европейский дом», 2002

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. СПб.: Азбука-Атикус. 2015

Лихачев Д.С. Русская культура XVII века. 2018. (Дата обращения: 15.02. 2018)

Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500 – 1640. Эссе по исторической психологии. М.: Издательский дом «Территория будущего» 2010.

Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, Астрель. 2006.

Российский менталитет Выпуск I. Отв. ред: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–38.

Сукина Л.Б. русское религиозное сознание второй половины XVI – XVII века. Автореф. дисс. ...докт. истор. наук. М., 2013.

Шмурло Е.Ф. История России 852 – 1917. Н. Новгород: Черная Сотня. 2016.

THE FORMATION OF THE MENTALITY OF THE RUSSIAN PERSON OF THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY

E.N. Kholondovich*

***Candidate of psychology, senior researcher associate laboratory history of psychology and
historical psychology, Institute of psychology of the Russian academy of sciences*

The article presents the psychological and historical reconstruction of the mentality of the Russian people in the middle of the XVII century. The analysis of cultural, political, social contexts of the XVII century. Features of beliefs and representations of people of that time, some methods of thinking, perception of space and time, the relations of the power and the people, legal

consciousness, development of art are presented. The society of the XVII century in Russia was a clear differentiated on the basis of caste, identity is not highlighted. Thinking human was emotionally different mystical orientation. Human life and his conception of time was strictly regulated by the Church rules and the cycles of nature. In the middle of the XVII century. tendencies to the gradual development of the personality self-consciousness, the formation of a new right consciousness were outlined, new cultural models were put in place, expressed in the conflict between the culture of the elite and the people.

Keywords: mentality of the Russian person, the middle ages, personality, consciousness, mystical representations, cultural models, methods of thinking, cultural context of an era

РОЛЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА КАК НАРОДООБРАЗУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА

© 2018 г. Синякина Е.Г. *

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

e-mail: k.sinyakina@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается значение русского дореволюционного крестьянства для мира в целом и нашей страны в частности, его роль в социально-экономической жизни России, в формировании русского языка, литературы, живописи, музыки, искусства, отечественной культуры и традиционного менталитета народа. В результате историографического анализа проблемы установлено, что русское крестьянство, составлявшее почти девяносто процентов от всего населения страны, являлось народообразующей социальной группой общества, предопределившей основные черты культуры и менталитета России. Аккумулируя в себе наиболее ценные народные качества, оно создавало, укрепляло и сохраняло его традиции и обычаи, ценности и идеалы, исконно русский образ жизни. Крестьяне приняли и бережно хранили христианские заповеди, выступавшие духовно-нравственным ядром русской культуры, основой формирования мировоззрения и психологии русского народа.

Ключевые слова: русское крестьянство, народообразующая социальная группа общества, традиционный русский менталитет, мировоззрение и психология, формирование и становление мировоззрения народа, дореволюционный исторический период, русский народ, роль и значение русского крестьянства

В истории России крестьянство играло ключевую роль. Вплоть до середины XX столетия Россия была страной с *преобладанием сельского населения*. Крестьяне представляли собой *основу русского народа*: в середине XIX – начале XX вв. в Российской империи они составляли почти девяносто процентов от общего числа разнсословного населения страны (А.И. Куприн, А.И. Солженицын, С.Г. Кара-Мурза). Об этом образно и ярко писал А.И.

Куприн: «Когда говорят “русский народ”, я всегда думаю – “русский крестьянин”. Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» (Куприн, 1934, с. 398).

Говоря о роли народа в жизни дореволюционной России, писатель Г.И. Успенский отмечал, что крестьянин «держит на своих плечах всех и вся. Поэтому мы и любим его, и идём к нему за исцелением от своих душевных мук» (Успенский, 1987, с. 479).

В своем «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский признается в глубокой вере в русский народ: «Я лишь за народ стою, прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто ещё из нас не знает во всём объёме и величии их, – как в святыню верую» (Достоевский, 1995, с. 496). Согласно его мнению, *всемирная христианская роль русского народа*, главное «предызбранное назначение» его состоит в том, чтобы «сохранить у себя... божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» (Достоевский, 1994, с. 70–71).

Н.О. Лосский также считал, что одним из основных свойств русского народа является *мессианизм*, суть которого состоит в пророческом предвосхищении счастья всех народов через счастье русского народа, основанном на любви к Богу (цит. по: Титаренко, 1991, с. 17).

По словам философа В.В. Розанова, «истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш за его смирение и терпение, за его невидность и неблистанье, в союз с Собою: и этим народом Он покорит весь мир Своей Истине, которая есть именно смирение, безвидность, простота, ясность, доброта» (Сохряков, URL).

На протяжении многих тысячелетий крестьяне являлись главной производительной силой русского общества, создателями основных материальных ценностей, обеспечивали своим трудом экономическое

развитие и процветание России. С момента зарождения русского государства именно благодаря крестьянству после самых тяжелых испытаний Россия возрождалась, обретая силы для дальнейшего развития. Крестьянство с его *природным консерватизмом* являлось опорой государства. Русский мужик, способный переносить трудности и лишения, обладающий огромным мужеством и выносливостью, восстанавливал разрушенное иностранными вторжениями экономическое хозяйство страны.

Крестьяне *столетиями формировали жизненный уклад*, отсекая от него всё, «что было лишним или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям» (Белов, 1989, с. 5). Деревня «питала живой силой» город. Большинство рабочих предприятий русских городов были выходцами из деревни, горожанами преимущественно в первом, реже – во втором поколениях. Даже бывшие сельские жители, которые перешли в иные сословия, *имея тесную связь с землёй, в сокровенной родовой глубине души не утратили «крестьянского духа» и «сладостно томительной тяги к земле»* (Байбородин, 2008, с. 94).

Русское крестьянство, аккумулируя в себе все лучшее, что было издревле присуще русскому народу, *создавало и укрепляло* народные традиции и обычаи, идеалы и ценности, нормы и духовные ориентиры жизнедеятельности. После реформаторской деятельности Петра I русские национальные традиции, по сути, продолжали развиваться лишь в крестьянской среде, где на протяжении веков сохранялся исконно русский образ жизни и самоорганизации.

Крестьяне всей душой приняли и свято хранили христианские заповеди и нормы бытия. Само слово «крестьянин» является ни чем иным, как измененным словом «христианин» (А.А. Безгодов, А.Ю. Писаревский, А.И. Солженицын). Этот лингвистический факт свидетельствует о *глубоком взаимопроникновении народной и православной традиций и огромной роли крестьянства в формировании духовного ядра русской культуры и менталитета народа*. Во многом именно под влиянием крестьянства

складывались и определялись мировоззрение русского народа и культура России в целом, а также особый путь исторического развития нашей страны.

Русская традиционная культура, как «мать» русской культуры вообще, основывалась на *крестьянской общине. Дух общинности, соборности, взаимопомощи в труде и борьбе с внешним врагом* распространился на всю русскую культуру, становясь *стержневой характеристикой менталитета* русского народа.

Бесспорным является влияние крестьянского творчества на развитие *русской литературы, живописи, музыки*. К нему обращались лучшие деятели нашей культуры, черпая в нем новаторские идеи и оригинальные художественные находки. Характеризуя русскую литературу, Ф.М. Достоевский подчеркивал, что *все вековечное и прекрасное*, представленное в ней в образах героев произведений А.С. Пушкина, А.И. Гончарова и И.А. Тургенева, [а также позднее – А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.Т. Твардовского и многих других русских писателей – прим. автора. – Е.С.] *взято из народа*. Писатели брали у него *простодушие, честность, искренность, чистоту, кротость, широту ума и незлобивость* в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному (Достоевский, 1994, с. 49–50).

Большую информативность и интерес по этому вопросу представляет отрывок И.С. Шмелёва из его «Автобиографии»: «Ранние годы дали мне много впечатлений», – писал он о своем детстве. – «Получил я их “на дворе”. В нашем доме появлялись люди всякого калибра и всякого общественного положения. Во дворе стояла постоянная толчея. Работали плотники, каменщики, маляры, сооружали и раскрашивали щиты для иллюминации. Приходили получать расчет и галдели тьма народу. Заливались стаканчики, плошки, кубастики. Пестрели вензеля. В амбарах было напихано много чудесных декораций с балаганов. Художники с Хитрова рынка храбро мазали огромные полотнища, создавали чудесный мир чудовищ и пестрых боев. Здесь были моря с

плавающими китами и крокодилами, и корабли, и диковинные цветы, и люди с зверскими лицами, крылатые змеи, арабы, скелеты – всё, что могла дать голова людей в опорках, с сизыми носами, все эти “мастаки и архимеды”, как называл их отец. Эти “архимеды и мастаки” пели смешные песенки и не лазили в карман за словом. Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова. Здесь, во дворе, я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня *очень любовно*. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиваньем и рубанки, и пилу, и топорик, и молоточки и учили, как “притрафляться” на досках, среди смолистого запаха стружек, я ел кислый хлеб, круто посолённый, головки лука и чёрные, из деревни привезённые лепёшки. Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки и ждал балагурства. Дюжие руки ломовых таскали меня в конюшни к лошадям, сажали на изъеденные лошадиные спины, гладили ласково по голове. Здесь я узнал запах рабочего пота, дёгтя, крепкой махорки. Здесь я впервые почувствовал *тоску русской души в песне*, которую пел рыжий маляр. “И-эх и тёмы-най лес... да эх и тёмы-на-ай...”. Я любил украдкой забраться в обедающую артель, робко взять ложку, только что начисто вылизанную и вытертую большим корявым пальцем с сизо-жёлтым ногтем, и глотать обжигающие щи, крепко сдобренные перчиком. Много повидал я на нашем дворе и весёлого и грустного. Я видел, как теряют пальцы, как течёт кровь из под сорванных мозолей и ногтей, как натирают мертвецки пьяным уши, как бьются на стенках, как метким и острым словом поражают противника, как пишут письма в деревню и как их читают. *Здесь я почувствовал любовь и уважение к этому народу, который всё мог*. Он делал то, чего не могли сделать такие, как я, как мои родные. Эти лохматые на моих глазах совершали много чудесного. Висели под крышей, ходили по карнизам, спускались в колодезь, вырезали из досок фигуры, ковали лошадей, брыкающихся, писали красками чудеса, пели песни и рассказывали захватывающие сказки. Здесь я впервые

увидел тоненькую потрёпанную книжку, которую читал по складам наш дворник. Это была сказка о том, как солдат спас Петра Великого от разбойников. Вскоре я узнал, где продают эти книжки. Я покупал их на случайные пятаки по выбору и указанию человека с красным носом, с утра до ночи сидевшего в своей убогой лавочке среди книжных сокровищ... Во дворе было много ремесленников – бараночников, сапожников, скорняков, портных. Они дали мне много слов, много неподражаемых чувствований и опыта. Двор наш для меня явился первой школой жизни – самой важной и мудрой. Здесь получились тысячи толчков для мысли. И всё то, что тёплого бьётся в душе, что заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребёнка, глазами» (Шмелёв, 1973, с. 142–143).

Вместе с тем, письменные труды по истории Государства Российского запечатлели в основном историю великокняжеских и царских дворов, высших сословий, войн, смут и кровавых бунтов, религиозных преобразований. Крестьянству в ней отводится крайне незначительная роль. Его тысячелетняя повседневная жизнь, история развития народного духа не получила должного отражения. Не случайно писатель-этнограф М. Забылин, создатель труда «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», отмечал: «Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят *об обычаях и образе жизни наших предков*, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас» (цит. по: Байбородин, 2008, с. 94). Автор с сожалением отмечал, что судьба сельской Руси оказалась незапечатленной полтора века назад, когда в крестьянстве еще «цвела и красовалась исконная обрядовая культура, а несметные самородные ремесленники дивили мир своим художественным творчеством и мастерством» (там же).

По словам Ю.Ф. Самарина, многие авторы XIX–XX вв. сознательно затемняли светлые стороны деревенской жизни и отрицали добрые чувства в

простом народе, которые могли бы привить к нему уважение и сочувствие. Большинство же исследователей крестьянства, порой искреннее ратуя за его освобождение от гнета крепостничества, акцентировало внимание лишь на тяжелой доле простого русского народа, игнорируя при этом светлые стороны его жизни.

В советской литературе крестьяне изображались как темная, невежественная, пассивная масса, социально незрелый, не готовый к самостоятельной, сознательной революционной деятельности слой общества, как некий антипод пролетариата. В лучшем случае умалчивались, а, чаще – критически оценивались *патриархальные устои жизни* русской деревни, рассматриваемые лишь как источник пассивности, безынициативности и несвободы личности. Писатель-историк Р.А. Балакшин писал, что перед самой революцией в монастырях и приходских церквях «у чудотворных намоленных икон теплились неугасимые лампы. Под их кротким светом текла семейно-привычная жизнь, в чем-то, быть может, *нескладная* [курсив мой. – Е.С.], *неурядливая, трудная и горькая до кипучих непрощающих слез, но во всем, до последней больной кровинки, своя, за которую и буйную голову сложить не жаль. Та жизнь – с терпеливой любовью и заветами потаенного милосердия, с преданьями, легендами, поверьями, завещанными от отцов и дедов, которую вскоре (и недолго осталось ждать) назовут проклятой, патриархальной, облепят обидными поносными прозвищами*» (Балакшин, 2007, с. 39–40).

Ф.А. Абрамов на встрече с читателями говорил: «Сегодня все, кому не лень, по поводу и без повода, пинают патриархальную старую деревню. Как это можно? Да это же наша мать родная. Все мы с вами, здесь сидящие, и не только мы, все народы мира вышли из деревни. А Россия деревне обязана больше чем кто-либо. Русская деревня – это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо–язык. Лев Толстой за образец для себя в течение всей жизни ставил патриархального крестьянина. Ведь патриархальный крестьянин – это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписаным

законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество» (Абрамов, 1993, с. 21). И Р.А. Балакшин считает, что именно «...в провинциальной тишине проникновенней творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. В провинции, в несуетной жизни захолустья, рядом с деревней, с земледельческим, почвенным трудом созидался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твердость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неустойчивость в труде и неприхотливость в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные силы, а не на помощь со стороны» (Балакшин, 2007, с. 9–10).

И сегодня продолжает сохраняться тенденция выведения многих бед нашей социальной жизни – *пассивности, пьянства, лени, отсутствия инициативы, антидемократических настроений* – из векового крепостнического рабства и патриархальных устоев жизни народа. Подобные заявления приходят в явное противоречие с бесспорными фактами интенсивного экономического развития России в начале XX столетия. Но кем же обеспечивался этот экономический взлет, если не крестьянством, составляющим в то время основную часть населения страны и рекрутирующим из своих рядов как пролетарские массы, так и зарождающийся новый класс общества – купечество? И чем же, как не *творческой мощью русского народа*, можно объяснить *необыкновенный взлет культуры России* с ее огромным духовным потенциалом?

Отсюда следует важность и актуальная необходимость воссоздания объективного психологического портрета русского крестьянства. Нельзя не согласиться с исследователем русского быта, этнографом М.М. Громыко, отмечающей, «что благожелательное слово о каждом народе, открывающее

лучшие его качества и культурные ценности его истории, способствует тому, чтобы максимально развернулись положительные возможности этого народа» (Громыко, 1991, с. 7).

Все сказанное приводит к выводу, что, изучая истоки и основные характеристики менталитета русского народа, исследуя присущие ему воззрения, установки, ценности, обычаи и традиции, необходимо обращаться, прежде всего, к психологии русского крестьянства дореволюционного периода, являвшегося на протяжении многих тысячелетий основной материальной и духовной силой российского общества. Именно оно наиболее полно и ярко воплощало в себе и отражало те свойства, которые присущи русскому народу в целом, являлось создателем и хранителем исконно русских норм жизни и национальных традиций.

Как пишут М.М. Громыко и А.В. Буганов: «“Русскость” более открыто выражена в так называемом простом народе... В массе народной воззрения выражаются в самой жизни, а не в специально написанных трактатах. В этом их достоверность, подлинность. Они не выдуманы искусственно – ими живут. Они устойчиво проявляются в повседневности, входят в самые основания разных областей деятельности» (Громыко, Буганов, 2000, с. 3).

И хотя XX столетие с его социальными катаклизмами привело к утверждению новых форм экономических и общественных отношений, в корне изменивших традиционный уклад жизни народа, приведших к «раскрестьяниванию» крестьянства, частичной утрате его веками накапливаемого опыта, но все же не уничтожило ядерные образования русского менталитета (Громыко, 1991, с. 5). Он сохранился и продолжает существовать в духовной сфере, мировосприятии народа, системе его базовых ценностей и отношений, скрываясь за внешними проявлениями образа жизни. Увидеть за этими внешними, порождаемыми требованиями времени, слоями жизнедеятельности *«устойчивые воззрения, присущие народу*, можно только опираясь на предшествующий период: тот, кто изучал, как они проявлялись в

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
старину, узнает их и под покровом современной одежды» (Громыко, Буганов, 2000, с. 3).

Таким образом, актуальность исследования менталитета русского народа, являющегося и сегодня титульной нацией в нашем многонациональном государстве, ставит перед необходимостью изучения этой проблемы на материале, позволяющем проследить *ее в наиболее яркой, не затемненной социальными наслоениями форме* – на примере изучения психологии русского крестьянства дореволюционного времени.

Литература

- Абрамов Ф.А.* Работа – самое большое счастье // Ф.А. Абрамов. Собр. соч.: В 6-и т. Т. 5. СПб., 1993.
- Байбородин А.Г.* Блаженны кроткие // День и ночь. 2008. № 4. С. 94–96.
- Балакиин Р.А.* И в жизнь вечную... // И в жизнь вечную...: Повести и рассказы. М., 2007. С. 27–99.
- Балакиин Р.А.* Родной город // И в жизнь вечную...: Повести и рассказы. М., 2007. С. 5–27.
- Белов В.И.* Лад. М., 1989.
- Буганов А.В. Громыко М.М.* Воззрения русских М., 2000.
- Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1873 год // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и т. Т. 12. Л., 1994.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1877, 1880 август, 1881 // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и т. Т. 14. СПб., 1995.
- Куприн А.И.* Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919 – 1934. М., 2006.
- Титаренко А.И.* Классическая этика абсолюта // Н.О. Лосский. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 5–21.
- Успенский Г.И.* Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 381–464.
- Солженицын А.И.* Путешествуя вдоль Оки. (Из цикла «Крохотки») // Малое собр. соч. Т. 3. Рассказы. М., 1991, с. 143–158.

Сохряков Ю.А. Розанов Василий Васильевич (20.04.1856–5.02.1919), мыслитель, писатель, публицист. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=321>. (Дата обращения: 02.11.2018).

И.С. Шмелёв Автобиография // Русская литература. М., 1973. с. 142–143.

THE ROLE OF THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PEASANTRY AS A NATION-FORMING SOCIAL GROUP OF SOCIETY IN THE FORMATION OF THE MENTALITY OF THE RUSSIAN PEOPLE

Sinyakina E.G. *

*Candidate of Psychology, research associate Laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

The article discusses the value of the Russian pre-revolutionary peasantry for the world in general and our country in particular, its role in the socio-economic life of Russia, in the formation of the Russian language, literature, painting, music, art, national culture and traditional mentality of the people. As a result of the historiographical analysis of the problem, it was found that the Russian peasantry, which accounted for almost 90% of the total population of the country, was a people-forming social group of society, which predetermined the main features of the culture and mentality of Russia. Accumulating in itself the most valuable national qualities, it created, strengthened and kept its traditions and customs, values and ideals, originally Russian way of life. The peasants had taken and carefully kept Christian commandments, speaking of the spiritual-moral core of Russian culture, the basis for the formation of the worldview and psychology of the Russian people.

Keywords: Russian peasantry, people-forming social group of society, traditional Russian mentality, worldview and psychology & their formation, pre-revolutionary historical period, Russian people, the role and value of the Russian peasantry

ПЛАКАТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК МОБИЛИЗАЦИИ МОРАЛЬНОГО ДУХА*

© 2018 г. Харитонов Е.В.**

****Кандидат психологических наук, ученый секретарь, ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.**

e-mail: kharitonova-fish@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены плакаты Великой Отечественной войны как один из источников укрепления морального духа населения. При помощи психолого-исторической реконструкции создана современная модель приемов психологического воздействия изобразительными средствами плаката. Показано, что лаконичность изображения, динамичность плаката, использование в плакате особого художественного образа являются наиболее значимыми и оказывают психологическое воздействие на зрителя. В статье обосновано, что укрепление морального духа в годы Великой Отечественной войны способствовало повышению патриотизма, сплоченности народа и определило ход войны и Великую победу.

Ключевые слова: плакат, моральный дух, патриотизм, художественный образ, психологическое воздействие, психолого-историческая реконструкция

Обращение современных исследователей к событиям Великой Отечественной войны сохраняет свою актуальность и значимость, это можно объяснить несколькими причинами. Поведение и сознание человека в экстремальных условиях военных действий остается востребованной и актуальной проблемой научных исследований. Не менее важным представляется обращение к теме отсроченного воздействия военных событий на сознание человека и ментальные характеристики народа в целом. Так, «Бессмертный полк», как выдающееся событие современной истории показал, что Великая Отечественная война и Великая Победа является консолидирующим элементом для всего Российского современного общества. Обращение к историческому прошлому и его анализ возможен благодаря

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-513-18017.

логике развития современной психологической науки, например, применяя в исследовании разработанную В.А. Кольцовой систему основополагающих конкретно-научных подходов, принципов и методов в истории психологии (Кольцова, 2008).

Суровые военные испытания, с которыми столкнулись люди и на поле боя, и в тылу в годы Великой Отечественной войны, требовали от них невероятных духовных сил, стойкости, убежденности в своем моральном превосходстве над врагом, веры в победу, это обусловило необходимость поддержания морального духа, поиска разнообразных источников его мобилизации. Полагаем, что укрепление морального духа народа с опорой на духовно-нравственные ценности российского менталитета, формирование массового сознания в интересах защиты Отечества определило и ход военных действий и, самое главное, способствовало победе, ценой максимальных усилий всех советских людей.

Значимость укрепления морального духа армии и населения в целом было описано П.И. Измествевым еще в начале XX века в работе «Из области военной психологии». «Мы слишком увлеклись внешней стороной дела, мы слишком мало заботимся о духовном мире нашего солдата... Единое чувство должно объединять всю армию и этим чувством является любовь к Отечеству. Чтобы солдат мог сознательно выполнять свой долг перед Родиной необходимо воспитывать чувство патриотизма... Идея отечества, честь, самолюбие, самоуважение или как говорит солдат и простой народ “соблюдай себя” – великое дело. И мы должны всеми силами поддерживать и развивать это “соблюдай себя” в солдатах» (Измествев, 1911, с. 34).

Целенаправленная пропагандистская идеологическая работа велась в стране и до войны, но перед войной эта деятельность была усилена, так в 1939 году было создано Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП (б), которое занималось организацией и координацией идеологической работы,

свои управления пропаганды были в армии – это Главное политической управления РККА, и Отдел пропаганды, агитации и печати при ВЛКСМ. Основными идеями пропаганды были ценности социализма, классовой борьбы, борьбы с врагами пролетариата и т.п., но с началом войны направленность пропагандистских воззваний меняется и основной идеей становятся – патриотизм, защита Родины, укрепление морального духа, вера в победу, бесстрашие, героизм, ненависть к врагам. Происходит замена образа врага, с внутреннего классового врага – на врага внешнего, который коварно напал на Родину, угрожает русской земле, такое перемещение акцентов пропаганды способствовало всеобщей мобилизации, общему подъему патриотического сознания населения.

Историко-психологическое исследование событий Великой Отечественной войны в качестве исследовательского метода требует специально организованной процедуры психолого-исторической реконструкции. Психолого-историческая реконструкция относится к числу качественных методов, характеризующихся нестатическими, неколичественными способами получения данных. Она направлена на воссоздание различных проявлений психики людей конкретной эпохи посредством анализа явлений материальной и духовной культуры. Одним из информативных источников воссоздания исторического контекста служит анализ продуктов деятельности, возникающих в определенной социально-исторической среде. Исторические источники характеризуются способностью более или менее точного отображения исторической действительности и психологических характеристик своих создателей, что составляет их важнейшую черту и обуславливает саму возможность их функционирования в качестве носителей информации (Кольцова, 2008, с. 293).

В нашем исследовании мы обратились к анализу изобразительных источников, относящихся к совокупности исторических источников, на примере плакатов, созданных во время Великой Отечественной войны,

фиксирующих психологические особенности времени в наглядно-образной форме. Плакат, как одна из самых массовых форм изобразительного искусства, создается для выполнения конкретных задач, особенно агитационные плакаты, выполненные с целью политической пропаганды. Основная идея такого плаката должна быть выражена ясно, доходчиво, непротиворечиво, и тогда такой плакат выполняет свою основную функцию и становится, в свою очередь, источником укрепления морального духа народа.

Психолого-историческая реконструкция включает в себя модель, созданную с позиций современной психологической науки. Так, обращаясь к плакатам времен Великой Отечественной войны, как носителям информации, представленной через те или иные образы, мы обратились к пониманию психологических образов в современной психологии, с одной стороны, и современному представлению о приемах психологического воздействия посредством политической рекламы через плакат, с другой стороны.

«К числу важнейших проблем психологической науки принадлежит проблема образа. Ее разработка имеет исключительное значение для развития как общей теории психологии, так и теоретической базы специальных психологических дисциплин. Не менее актуальна она и для решения многочисленных практических задач, которые ставятся перед психологией» (Ломов, 1984, с. 63). Современные исследования психологии образа показали: «...образная сфера личности является психологическим инструментом личностного развития... Работа с духовно-нравственными смыслами, осуществляемая через образную сферу личности, способствует положительному вкладу в жизнь общества, в “поле цивилизации”» (Гостев, 2007, с. 488).

Таким образом, целенаправленные воздействия на образную сферу личности способны формировать определенные ценности, установки, направленность личности, формировать ее мировоззрение, что в условиях военных действий должно способствовать не только укреплению духа, но и

активности жизненной позиции. С другой стороны, немаловажное значение имеет и инструмент воздействия на массовое сознание, так как воздействие также связано с образами, наиболее эффективные из них: «Мифологизированные образы – это яркие образы, имеющиеся в структуре менталитета социальной общности (например, на уровне локальных архетипов культуры)» (Гостев, 2017, с. 185). Такие образы как «Отчизна», «Родина», «Добро», «Справедливость», «Герой» и т.п. получили более емкое содержательное наполнение. В работах современных психологов их называют: «... невербальными гештальтами (неосознаваемыми эталонами, невербальными эталонами)» (Березина, 2012, с.149). Сформированные в массовом сознании в годы войны, они опирались на общественные идеалы советской эпохи: социальная справедливость, коллективизм, патриотизм, трудолюбие, семейные ценности.

На особенности психологического воздействия на человека в том или ином ключе обращали внимание многие современные авторы (Лисовский, 2000; Александрова, 2017; Колышкина, Маркова, Шустина, 2017, и др.). Социально-психологическое воздействие трактуется как процесс взаимодействия между социальными объектами: «Его обобщенным эффектом является изменение психических свойств, образований и состояний объекта воздействия: потребностей, интересов, убеждений, идеалов, мировоззрения, установок, стремлений, желаний, знаний, эмоциональных состояний, а также моделей поведения...» (Александрова, 2017, с. 19)

Воздействие изобразительными средствами имеет ряд преимуществ, так как такие воздействия всегда связаны с сильными эмоциями, плакаты многократно воспринимаются зрителем, запоминаются, и художественный образ плаката формирует определенную установку. «Художественный образ, воздействуя на человека, вызывает у него определенное эмоциональное состояние, путем создания эстетически воздействующих объектов он обращен не только к разуму, но и чувствам... в художественном образе нет ничего

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) случайного» (Колышкина, Маркова, Шустина, 2017, с. 13). В художественном образе, созданном в плакате, отражается общее и типическое, но, пожалуй, главное для такого образа это то, что его «... специфика определяется не только тем, что он отражает и осмысливает существующую действительность, но и тем, что творит новый, вымышленный мир» (там же, с. 21).

Изображение на плакате воздействует и на сознание, и на подсознание, может вызывать у зрителя определенные ассоциации, которые служат для формирования новых убеждений, ценностей, установок. «Закон ассоциации требует, чтобы некоторые аспекты или фрагменты изображения были достаточно известны зрителю, связывались с его личным опытом – иначе не произойдет контакта с автором...» (Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с.70).

Важным аспектом психологического воздействия изобразительными средствами является цвет, при этом создатели плакатов должны учитывать сочетание цветов, контрастность, яркость и т.п. Именно, воздействие сочетания цвета изображения и шрифта текста оказывает целостное влияние, определяя эффективность воздействия плаката.

Но роль текстовой информации плаката достаточно ограничена, в работе «Политическая реклама» С.Ф. Лисовский обращает внимание, что: «Исторически ткань словесной материи формировалась для трансляции рационального знания. Следовательно, возможности для эмоционального воздействия, на которое преимущественно ориентируется реклама, для текста ограничены. Этот недостаток словесного знака восполняется в печатной рекламе изобразительными элементами. Заложенный в них расчет на непосредственность восприятия создает неограниченные возможности эмоционального воздействия посредством минимального набора знаковых символов» (Лисовский, 2000, с. 75).

Зрительный художественный образ плаката воздействует более прицельно: «Он быстро передает информацию, более целенаправлен, не

требуется для своего восприятия умственных усилий... зрительный образ является концентрированным выражением чувства» (Лисовский, 2000, с. 75).

Еще один важный прием воздействия выделяют современные исследователи, это сочетание глубокого содержания плаката с остроумным способом его выражения.

В 1987 г. вышла работа «Психология восприятия и искусства плаката», созданная психологами Б.Ф. Ломовым, А.А. Митькиным и искусствоведом П.А. Кудиным, в этой книге представлены знания психологических закономерностей зрительного восприятия, особенностей привлечения внимания, научно обоснованы возможности наиболее эффективного воздействия на психику человека. Пожалуй, и на сегодняшний день, это одна из глубочайших работ в этой сфере. Некоторые положения о эффективности воздействия плаката на восприятие человека из работы Б.Ф. Ломова, А.А. Митькина, П.А. Кудина мы использовали для анализа плакатов, например, лаконичность изображения. «Чем лаконичнее изображение, тем большую смысловую и эстетическую нагрузку несет каждая его деталь. По закону ассоциаций зритель, опираясь на фрагменты, силой своего воображения восстанавливает целостный образ. Такой путь всегда интересен, так как предполагает активное “сотворчество” зрителя и определенную степень субъективной свободы» (Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 73).

Важным приемом воздействия художественного образа плаката на зрителя является его динамичность, так, для привлечения внимания человека необходимо создавать иллюзию движения, изменения объектов, изображенных на плакате. Воображение зрителя плаката достраивает событие и представляет, что предшествовало событию, что произойдет далее. Поэтому динамичность в плакате – иллюзия движения – часто используемый и популярный прием.

Создатели современных политических и рекламных плакатов большое внимание уделяют тексту или слогану, который сопровождает плакат. Многочисленные психологические исследования показали, что значение имеет

и вербальная составляющая текста, его содержание, и разнообразные его невербальные характеристики, например, синграфемика как выразительная возможность применения знаков препинания и пунктуационных комплексов. «Они способствуют тому, чтобы привлечь внимание, не только вызвать интерес, но и пробудить эмоциональное отношение к объекту, принять решение» (Колышкина, Маркова, Шустина, 2017, с. 92). Авторы данного исследования, изучая воздействие рекламы, показали значимость использования элементов синграфемики. Самыми активными знаками в рекламе является тире и вопросительный знак. Вопросительные предложения всегда предполагают ответ, они втягивают человека в диалог. «Восприятие при этом актуализируется, атмосфера общения становится более доверительной, информация, представленная в диалоговой форме, действует более убедительно» (Колышкина, Маркова, Шустина, 2017, с. 95).

В результате обобщения этих данных была сделана попытка выделить наиболее эффективные приемы психологического воздействия на человека посредством художественного образа, созданного в плакате. *Современная модель оценки воздействия плаката, включает в себя, на наш взгляд: мифологизированный образ; лаконичность изображения; динамичность изображения; использование зрительного контраста; эффект узнавания; использование юмора; текст (рифма, цвет, пунктуация).*

Учитывая представленные современные приемы эффективного психологического воздействия на человека посредством художественного образа, обратимся к плакатам времен Великой Отечественной войны, как одному из источников мобилизации морального духа населения.

О психологическом воздействии плаката на зрителя и его эффективности проводили исследования советские психотехники в 1920–30-е годы (Стоюхина, 2014), поэтому к началу войны уже были известны определенные приемы и техники, работающие на особенности восприятия плаката. «Для того, чтобы плакат достиг цели, нужно, прежде всего, чтобы он обратил на себя внимание,

чтобы это внимание удержалось на плакате, чтобы содержание плаката было усвоено, чтобы оно крепко связалось с ассоциациями воспринимающего, возбудило бы в нем интерес и запало в память, чтобы, наконец, плакат возбудил в зрителе эмоции, убедил зрителя и создал бы установку, благоприятную для предстоящего действия зрителя, или вызвал бы самое это его действие», – писал в 1931 г. известный советский психотехник Д.И. Рейтынбарг (Цит. по Стоюхиной, 2014, с. 43).

Самый известный плакат Великой Отечественной войны «Родина-мать зовет!» И. Тоидзе полностью соответствует предложенным приемам воздействия на зрителя, он имел огромную силу влияния, что было подтверждено многомиллионными тиражами плаката (см. рис. 1). На плакате целостный крупный женский силуэт, всего два цвета – красный и черный, в одной руке «Военная присяга» как призыв, а жест левой руки можно трактовать как «За мной! За Родину!» и крупный текст. Главное, что достигнуто в этом плакате единство идейного и художественного содержания. Психологическое содержание художественного образа – это образ матери, простой русской женщины, которая обращается лично к тебе, смотрит в твои глаза и зовет на защиту Родины, дает свое благословление на ратный подвиг своим сыновьям. Яркий красный текст, создает впечатление, что написан кровью, а использование тире и восклицательного знака добавляет акцент на содержание текста. Этот плакат вызывает эмоциональный отклик и у современного зрителя, так как содержит мощный заряд воздействия на зрителя.

Рис. 1. Плакат «Родина-мать зовет!»

Для укрепления морально-психологического состояния населения во время войны необходимо было обращение к духовно-нравственным ценностям: патриотизму, семейным ценностям, смелости, честности, коллективизму, также имело значение акцентированное внимание на справедливом характере освободительной войны, силе и мощи советской армии.

Плакат художника А. Ситтаро «Кровь за кровь, смерть за смерть!» создан в 1942 г., главная идея этого плаката – идея неизбежности победы, полного изгнания врага, и идея мести за гибель детей (см. рис. 2). Органическое единство идейного содержания этого плаката и его художественной формы достигнуто, благодаря целостному и разностороннему психологическому воздействию на зрителя: «...путем обращения к его памяти, интересам, мышлению, эмоциональной сфере, навыкам восприятия, к творческим его возможностям, поскольку восприятие и оценка художественного произведения всегда включает элементы сотворчества» (Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 52).

Красный цвет плаката символизирует пролитую кровь и тех, кто погиб на поле боя, и невинно погибших детей, цвет воздействует эмоционально на зрителя, вызывает ненависть к врагам и желание отомстить. Очень важна главная фигура на плакате, так как это динамическое изображение, основанное на иллюзии движения. Воображение зрителя достраивает и предшествующие, и последующие движения. Замах кулака – и – последующий удар! «Динамическое изображение – это всегда маленькое повествование о каком-то событии или действии, имеющем начало, течение и предполагаемый конец» (Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 53).

Рис. 2. Плакат «Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Особого внимания заслуживают плакаты Великой отечественной войны, созданные ленинградскими «Окнами ТАСС», это обусловлено и высоким

художественным уровнем плакатов, и самой историей создания плакатов, и деятельностью художников в условиях блокады.

Плакат «Напал гад на наш сад. Что надо? Убить гада!» появился на следующий день после начала войны (см. рис. 3). Основной спецификой деятельности «Окон ТАСС» было выделить главное, используя особый прием – совмещение изображения и теста: «...узнаваемая примета сатирической графики и плакатов тех лет» (Бахтияров, 2018, с. 19)

Взаимодействие и единство текстовой и изобразительной составляющей оказывали огромное значение, образное решение этого плаката представлено в виде сцепления двух кадров. Такой прием был выработан мастерами плакатов в послереволюционные годы. Динамика этого плаката – это развитие последовательного сюжета: один кадр – нападение врага, а второй кадр – его физическое уничтожение. Хотя комический эффект достигается не только визуальным рядом, но и текстовым сопровождением. Очень важна здесь работа с образами: «Напал гад на наш сад» – эта фраза напрямую связана с образом созданным В.В. Маяковским: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести», где в образе города-сада представлена вся наша страна, Родина. «На наш сад напал гад», образ «гада». Эффект моментального снижения врага до вредителя, который не представляет тотальной опасности, а значит может быть уничтожен, обладал мощным воздействием на зрителя. В те дни мощь немецкой армии была очевидна, враг силен, но необходимо было нивелировать его образ, представив в виде садового вредителя, победить которого вполне возможно.

Особенностью художественного образа является его глубина, многозначность содержания, его объективность. Но воздействуя на зрителя художественный образ, воплощенный в плакате, проникает в сознание людей, обретает собственное субъективное значение, которое уходит дальше замысла автора и обретает собственную жизнь.

Вопросительное предложение текста делает зрителя активным творцом и вызывает единственно возможный ответ, втягивает в диалог с авторами плаката, что убеждает и вдохновляет зрителя.

Рис. 3. Плакат «Напал гад на наш сад. Что надо? Убить гада!»

7 ноября 1941 г. на параде, посвящённом 24-годовщине Октябрьской революции, И.В. Сталин обратился к красноармейцам и краснофлотцам: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» (Цит. по Бахтиярову, с. 23). После этого выступления Сталина было активизировано использование в идеологической

пропаганде обращение к национальным традициям и чувствам русского народа, к его героическому прошлому, что на наш взгляд, стало еще одним источником мобилизации морального духа народа. Благодаря возрождению исторического прошлого, образы героев-освободителей земли Русской стали служить вдохновляющим примером, образцом мужества и стойкости. Именно обращение к таким образам отразилось в следующих плакатах, относящимся к годам войны.

Рис. 4. Плакат «Пусть дух Суворова полки на подвиг осенит!»

Плакат, созданный В.Н. Селивановым в 1942 г., вобрал в себя множественные приемы и механизмы воздействия с точки зрения современной психологической науки, его зарифмованный текст способствовал быстрому запоминанию теми, кто видел его в годы войны (см. рис. 4). В плакате также актуализировано героическое прошлое России, Суворов ведет за собой бойцов Красной армии. «... Эмблема, знак, символ, исполняют в плакатах роль хорошо знакомых зрителю элементов, прочно ассоциированных с определёнными предметами, явлениями, событиями... Яркий и броский символ берет на себя роль ударного звена, с которого начинается восприятие. Каждый последующий шаг в сознании зрителя ведет к расширению образных и логических связей,

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
последовательному обогащению художественного образа и его органическому
слиянию с идеей плаката» (Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 70). В плакате
таким символом является образ Суворова, который, безусловно, связан с
воинской доблестью, мужеством, победой.

Плакат «Бьёмся мы здорово, колем отчаянно. Внуки Суворова, дети
Чапаева» создали в 1941 г. художники Кукрыниксы, текст написал С.Я.
Маршак (см. рис. 5). Выразительность этого плаката обусловлена сочетанием
исторических изображений, которые наглядно демонстрируют связь
поколений, их преемственность.

Рис. 5. Плакат «Бьёмся мы здорово, колем отчаянно. Внуки Суворова, дети Чапаева»

Плакат наполнен динамизмом, активностью, движением. «Вперед!» – указывает Чапаев. «В атаку!» – зовет Суворов. Образы «героев освободителей» прошлых времен вдохновляют воинов Красной армии на бой с фашистской Германией, наполняют силой и мужеством в борьбе за правое дело.

Особого внимания заслуживают плакаты, в которых представлен женский образ. Женский образ в плакатах Великой Отечественной войны многолик: женщина-мать, женщина-хранительница очага, женщина-работница, женщина-жертва захватчиков, женщина, как символ мирного времени, нежности,

доброты, любви. Плакат «Трактор в поле – что танк в бою» создан в 1943 г., художники В. Иванов, О. Бурова (см. рис. 6). Женский образ этого плаката содержит в себе несколько составляющих, молодая девушка управляет трактором, она заменила ушедшего на фронт тракториста, она настоящая советская работница, но яркая нарядная блузка показывает нам молодую красивую женщину, она олицетворяет мирное время. Яркий текст содержит в себе тире и восклицательный знак, что еще больше активизирует его воздействие. Динамика плаката ощущается в движении поезда, направляющегося на Запад, на фронт, который везет новые танки, также в движении и трактор, и сеялка, и девушки, сеющие хлеб. Значит будет урожай, значит несмотря на тяготы войны, жизнь продолжается, и в тылу поддерживают фронт, работают под девизом: «Все для победы».

Рис. 6. Плакат «Трактор в поле – что танк в бою»

Следующий плакат можно назвать лирическим по его содержанию. «Моя любовь с тобой, мой храбрый воин!» художник Л. Голованов создал его в 1943 г (см. рис. 7). Молодая женщина прижимает к сердцу письмо с фронта, она вспоминает своего любимого, ждет его и верит, что он вернется. Художественный образ этого плаката обращен к чувствам зрителя: «Одна из особенностей художественного образа – емкость... становясь элементом сознания других, он обретает субъективное существование, порождает эстетическое поле, выходящее за рамки авторского замысла» (Колышкина, Маркова, Шустина, 2017, с. 17).

Полагаем, что такие плакаты, без сомнения, способствовали укреплению морального духа воинов, вселяли в них уверенность в своих силах, веру в победу, желание скорейшего возвращения домой.

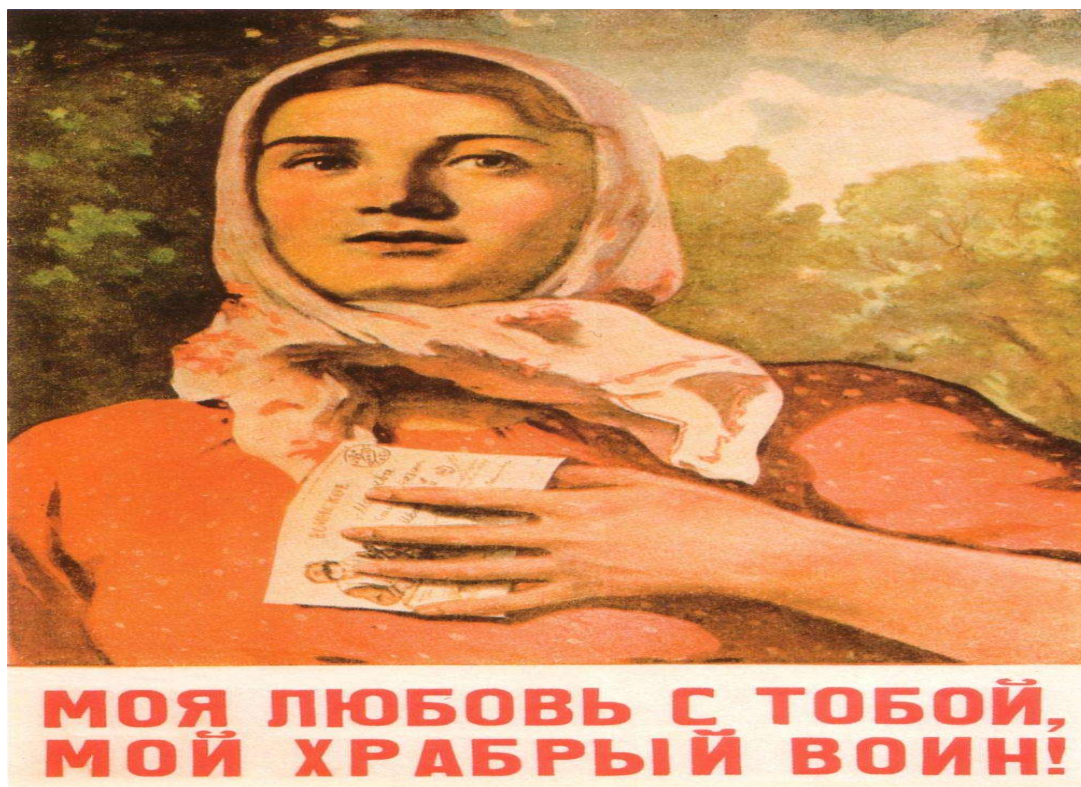

Рис. 7. Плакат «Моя любовь с тобой, мой храбрый воин!»

История плаката убедительно доказала, что яркий, лаконичный, действенный плакат обладает огромным психологическим воздействием на зрителя. «Эта историческая реальность лишний раз подтверждает насколько

важно и в то же время непросто воплотить в плакате впечатляющую гармонию идейной глубины, художественного совершенства и конкретности психологического воздействия» (Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 206).

Плакаты военного времени оказывали психологическое воздействие, формируя общественное мнение, объединяя людей во имя общей цели Великой Победы. Они вели на бой, призывали на подвиги, укрепляли силу и моральный дух всей страны, и дарили надежду на мирную благополучную жизнь. Духовные силы тружеников тыла, которые в тяжелейших условиях работали во имя победы на заводах и фабриках, на сельских полях и духовные силы воинов Красной армии определили ход военных действий и способствовали достижению Великой Победы.

Литература

Александрова И.Ю. Социально-психологическое воздействие в системе бренд-коммуникаций: монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2017.

Бахтияров Р.А. Плакаты «Окна ТАСС» в художественной жизни Ленинграда периода Великой Отечественной войны. Истоки и особенности образного решения. СПб: Астерион, 2018.

Березина Т.Н. Психические образы высших порядков: пространственность или наглядность // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2. // Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 145–152.

Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Гостев А.А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Изместьев П.И. Из области военной психологии. Варшава, 1911.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Колышкина Т.Б., Маркова Е.В., Шустина И.В. Рекламный образ: технологии воздействия на массовое сознание: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Кудин П.А., Ломов Б.Ф., Митькин А.А. Психология восприятия и искусство плаката. М.: «Плакат», 1987.

Лисовский С.Ф. Политическая реклама. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2000.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Изд-во «Наука», 1984.

Стоюхина Н.Ю. Методы исследования эффективности воздействия рекламы и плаката в советской психотехнике. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-effektivnosti-vozdeystviya-reklamy-i-plakata-v-sovetskoy-psihotehnike> (дата обращения 20.09.2018)

POSTERS OF WORLD WAR II AS SOURCES OF MORAL MOBILIZATION

E.V.Kharitonova*

*** Candidate of Psychological Sciences, Scientific Secretary, Institute of
Psychology, Russian Academy of Sciences**

The article considers the posters of the great Patriotic war as one of the sources of strengthening the moral spirit of the population. On the basis of psychological and historical reconstruction the modern model of methods of psychological influence by means of the poster is created. It is shown that the laconism of the image, the dynamism of the poster, the use of a special artistic image in the poster are the most significant and have a psychological impact on the viewer. The article substantiates that the strengthening of the moral spirit in the years of the Great Patriotic War contributed to the increase of patriotism, unity of the people and determined the course of the war and the Great Trouble.

Keywords: poster, morale, patriotism, artistic image, psychological impact.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ*

© 2018 г. Б.Н. Тугайбаева**

**Помощник директора по аспирантуре ИПРАН,

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

e-mail: batima-1@rambler.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы методологических позиций и методов историко-психологического исследования психологического самочувствия личности. Психологическое самочувствие понимается нами как системное образование, для всестороннего изучения которого следует учитывать несколько ракурсов анализа – исторический, социальный и субъективно-личностный. Одним из важных вопросов в проведении исследования с позиций исторической психологии становится вопрос источников, на основе которых проводится реконструкция психологического самочувствия. В статье ставятся вопросы возможности использования в качестве исторических источников материалов публицистики, статей и репортажей периодики, визуальных источников для психолого-исторической реконструкции психологического самочувствия исторической личности.

Ключевые слова: психологическое самочувствие личности, историческая психология, междисциплинарные исследования, исторические источники

ВВЕДЕНИЕ

Задача нашего исследования – изучение динамики психологического самочувствия личности методом психолого-исторической реконструкции, воссоздание и наполнение психологическим содержанием исторической личности в России новейшего времени, за последние 20 лет ее развития. Работа выполняется в рамках исторической психологии, но проблема исследования психологического самочувствия находится на пересечении разных гуманитарных наук (культурологи, истории, социологии, психологии) и

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-013—00815 «Динамика психологического самочувствия личности в России (психолого-историческая реконструкция 90-е г. XX в. по настоящее время)»

областей психологии (социальной и исторической психологии, психологии личности, психологии развития), является комплексной и многоуровневой по своему содержанию.

«Психологическое самочувствие личности» – относительно новое понятие, которое вводится нами в поле историко-психологического исследования. Оно требует обозначения своего места в системе психологических понятий и феноменов, а также обоснованных методов и исследовательских процедур.

С позиций исторической психологии основным объектом изучения становится историческая личность, собирательный образ человека в новейшей истории России рубежа XX и начала XXI веков, его психологический портрет, отражающий внутреннюю динамику психологической жизни – чувства, представления, оценки, ценностные отношения к значимым объектам, субъектам и событиям общественной жизни. Психологическое самочувствие личности в таком ракурсе рассмотрения выступает субъективным отражением культурно-исторической ситуации, по сути является «зеркалом», в котором мы видим общество, его проблемы определенного исторического периода.

СПЕЦИФИКА ИЗЧУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Историческая психология позволяет установить связь, детерминанты жизнедеятельности отдельного человека и макросистем – общество, культура, история – рассматривать человека как объекта и субъекта исторического процесса, как носителя исторических ценностей и норм. Как отмечала В.А. Кольцова, «историческая психология фиксирует и изучает область, лежащую на стыке реальности психического мира с явлениями социально-культурного характера... , она прослеживает то, как человек вписывается в культуру, творя и преобразуя ее, и как он сам при этом определяется ею» (Кольцова, 2008б, с.15). Психологическое и историческое выступают как две равнозначные и неразрывно связанные друг с другом стороны историко-психологической

рефлексии. Таким образом, с позиций этой области психологии возможно изучать и человека, и общество, проследить генезис различных социально-психологических явлений и феноменов психической жизни, а также социальных проблем нашего времени. «Историческое прошлое тысячами нитей связано с различными сферами современной жизни. В нем — истоки многих проблем, которые нас волнуют сегодня, явлений нашей общественной и индивидуальной жизнедеятельности» (Кольцова, 2008б, с. 6). Практический смысл исторической психологии — в ее акцентировании внимания на соотнесении любого исторического события с психологией его участников, максимально полный учет психологической составляющей исторического процесса. Особую роль историко-психологическое знание и конкретные эмпирические исследования в области исторической психологии приобретают в переломные периоды истории, кризисные состояния общества, когда обостряется интерес к проблеме роли и места человека в истории.

Перемены в социально-политической жизни страны в конце XX в., распад СССР стал важным историческим событием, оказавшим существенное влияние на личную жизнь каждого взрослого человека, его психологическое самочувствие, и как показывают исследования социологов, на социальное самочувствие и настроения разных социальных групп (Е.В. Давыдова, Б.В. Дубин, Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко, Л.Е. Петрова, А.А. Русалинова и др.). Масштабные внезапные перемены, происходящие в короткий промежуток времени, разрушение целостности основных социальных групп, утрата веры в устойчивые образцы социального поведения, непредсказуемость социальной жизни определили характер российского общества. Эти глобальные трансформации нашли отражение в сознании каждого члена общества, что выразилось в утрате адаптационных механизмов, усилении чувства бессилия, незащищенности, апатии, депрессии. Представители социо-гуманитарных наук констатируют в современном российском обществе нравственную деградацию, дефицит нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения, искоренение морально-этической составляющей из социального бытия,

рассматривая это как последствия предшествовавшего исторического слома социальной системы. Поэтому период начала реформ, 90-е годы, мы рассматриваем, как значимое историческое время, в сравнении с которым будем проводить сопоставление психологического самочувствия личности последующих десятилетий, до сегодняшнего дня.

В историко-психологическом изучении психологического самочувствия личности определенного исторического времени существует ряд методологических и методических трудностей, требующих учета и разрешения.

Проблемная область исследования находится на пересечении нескольких гуманитарных отраслей – социальной истории, социологии, психологии, каждая из которых определяет свой ракурс анализа, что ориентирует нас на методологию *междисциплинарных исследований*. Методологической основой междисциплинарных исследований является наличие общего объекта социальных и гуманитарных наук – это человек, как продукт культуры во всех проявлениях его жизнедеятельности. На рубеже XX и XXI вв. в социо-гуманитарных науках возникла проблема нового понимания концепции междисциплинарности, поскольку невозможно решать в строгих дисциплинарных границах многие современные проблемы. Л.П. Репина выделяет несколько форм междисциплинарных исследований, различающихся степенью интеграции (мульти-, интер-, трансдисциплинарные). В мультидисциплинарных участники независимо друг от друга работают над одной проблемой, с опорой на собственную дисциплинарную базу; в интердисциплинарных командах участники по-прежнему работают в рамках своих дисциплин; в трансдисциплинарных исследованиях работают совместно, объединяя концепции отдельных дисциплин для решения проблемы (Репина, 2011, с. 27).

В исторических науках тема совместных исследований с другими науками поднималась многими исследователями в связи с так называемым «антропологическим поворотом» (Гуревич, 1991; Поршнева, 2005, 2013 и др.). История стала мыслиться как наука о человеке, изменяющемся в социально-

темпоральном пространстве прошлого и изменяющим своими действиями пространство; в сферу интересов такой научной области входят сегодня история ментальностей, история повседневности, микроистория, этнография и этнопсихология, историческая психология и др. Такие междисциплинарные исследования позволяют проникать во внутреннюю логику других людей, улавливать значения, которые они вкладывают в слова, и смыслы, которыми они оперируют (Поршнева, 2005, с. 78), позволяют реконструировать мотивы их поведения. На стыке семиотической антропологии, родоначальником которой был К. Гирц, истории и психологии возникла еще одна субдисциплина – «история эмоций», что привело к большей сосредоточенности историков не на выявлении причинно-следственных связей, а на анализе поведения индивидов (Зорин, 2016). Позитивные влияния психологии (в особенности психоаналитической «психоистории») на историческую науку отмечаются в сфере исследования исторических личностей и культурных традиций. Но в то же время историки видят ряд трудностей в синтезе истории и психологии. Одна из них – разнообразие конкурирующих подходов в самой психологии, другая – трудность применения методов психологии по отношению к неживым объектам, необходимость анализировать документы прошлого, а не людей (Савельева, Полетаев, 2005). Кроме того, как считает Мэнюел, иногда есть опасность приписывать прошлым эпохам психологию, основывающуюся на современных формах чувственности (Мэнюел, 1977, с. 272).

Обозначение трудностей изучения междисциплинарных объектов в области исторической психологии представлено и в работах психологов (В.А. Кольцова, В.А. Шкуратов, А.В. Юревич, Г.В. Акопов), в том числе они связаны с «трудностями роста» самой этой, отчасти маргинальной, области психологии. Кольцова выделяет в качестве таковых сложностей отсутствие устоявшихся общепринятых подходов, неразработанность понятийно-категориального аппарата, дискуссионность многих положений, необозначенность границ и проблемного поля историко-психологического исследования (Кольцова, 2008б, с. 12). В нашем исследовании также стоит задача преодолеть выше указанные

трудности, и в первую очередь, обосновать применяемые психологические понятия и возможности исследования объекта, описываемого этим обозначением.

Предмет изучения – самочувствие личности в контексте исторического времени – требует конкретизации и уточнения основного понятия «психологическое самочувствие личности». Также требуется дифференцировать его от других понятий, близких ему по смыслу и наполнению психологическим содержанием, уже занявшим свое место в научном дискурсе, таким как «настроение», «психологическое благополучие», «психологическое здоровье», «социальное самочувствие». Представим некоторые важные для нашего исследования положения из проведенного Е.Н. Холондович теоретико-сравнительного анализа понятий в работе «Психологическое самочувствие человека как психологическая проблема» (Холондович, 2018).

Проблемно-содержательные пересечения понятий «самочувствие личности», «психологическое благополучие личности» (чаще представлено в зарубежной литературе как «psychological well-being of a person»), «психологическое здоровье» наблюдается в работах по темам личностной зрелости, адаптации к социальным условиям, становления личности и возможностей ее самоактуализации. Обобщающим индикатором благополучия и психологического здоровья выступает удовлетворенность человеком жизнью в целом, состояние оптимальной жизнедеятельности субъекта и гармоничность развития личности. «Социальное самочувствие» человека отражает в основном социальный контекст его взаимодействия с миром – отношение к окружающей действительности и своему месту в ней; социологи и социальные психологи понимают его как эмоционально-оценочное состояние удовлетворенности либо неудовлетворенности личностью / группой своим социальным положением, своими возможностями адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Проанализировав трактовки понятий «психологическое благополучие», «психологическое здоровье», «социальное самочувствие» в работах разных

авторов, Е.Н. Холондович подчеркивает, что многие исследователи «указывают на необходимость отдельного рассмотрения психологического самочувствия, делают акцент на том, что оно близко по своей сути к отношениям человека и непосредственно связано с его личностными свойствами, переживаниями, уровнем притязаний и системой ценностей» (там же, с. 67). Соглашаясь с таким пониманием специфичности «психологического самочувствия», Е.Н. Холондович предлагает изучать его как отдельный психологический феномен, по своим характеристикам являющимся системным образованием, имеющим иерархическую структуру со взаимосвязанными уровнями: когнитивный, аффективный и поведенческий. Когнитивный уровень – знание о себе и окружающей действительности и отношение к ней; аффективный (эмоциональный) – переживания и эмоции (удовлетворенность /неудовлетворенность, ощущение счастья/ несчастья и др.); поведенческий – уровень активности /пассивности субъекта по отношению к миру, выраженные в разных формах деятельности.

Для изучения психологического самочувствия в русле исторической психологии мы формулируем следующее его определение: *психологическое самочувствие личности – это субъективное психологическое состояние, возникающее у личности под влиянием культурно-исторических условий жизни и деятельности; его сущностью выступает комплекс представлений человека о его настоящем, прошлом и будущем, его эмоциональные переживания удовлетворенности/неудовлетворенности собой и жизнью в целом, счастья/несчастья, его активность и оценка возможности реализации себя как субъекта своей жизнедеятельности в сложившихся социальных условиях.*

Нами предполагается использовать процедуру психолого-исторической реконструкции, разработанную в лаборатории истории и исторической психологии и примененную в нескольких эмпирических исследованиях по исторической психологии под руководством В.А. Кольцовой (Кольцова, 2008а, с. 413). Данная процедура представляет собой феноменологический, описательный способ исследования с опорой на качественный анализ и

интерпретационные процедуры. Он предполагает сбор источников, их критический анализ, контекстное рассмотрение, воссоздание прошлого, в нашем случае реконструкцию психологического самочувствия человека 90-х годов XX века.

Методологические принципы психолого-исторической реконструкции как синтетического метода познания прошлого включают требование выявления и анализа источников, двухэтапного анализа информации, содержащейся в них – в контексте времени их создания и в системе современного научного знания (Кольцова, 2008а, с. 406). Определенную сложность мы видим в отборе аутентичных источников для изучения психологического самочувствия личности, а также дальнейшего анализа исторического материала с целью соблюдения научной объективности и всестороннего охвата психологического явления в историческом пространстве и времени, с учетом специфики культуры, особенностей эпохи.

В исторической психологии источниками выступают и письменные (печатные) тексты, литературные произведения, устные рассказы, истории, жизнеописания людей о событии или историческом времени (Шкуратов, 1994), но в историко-научных исследованиях их применимость как объективно-достоверных исторических источников подвергается сомнению. На современном этапе состояния исторической науки вновь обострилась проблема достоверности исторического знания, соотнесения его с внеисторическим, проблема источников в исторической науке (Боровикова, 2015). Недоверие к историческим сведениям имеет несколько причин, в том числе и такую, что информация, содержащаяся в письменных источниках, может быть идеологизирована, плохо проверена, намеренно искажена. «Не все события фиксируются в письменных источниках: они могут оставаться лишь в устной традиции, приобретая впоследствии статус преданий. Что касается других видов источников (мемуары, рассказы очевидцев и др.), то здесь изначально предполагается мнение автора. То есть источники могут изначально нести на себе печать субъективизма, включать субъективный компонент» (Боровикова,

2015, с. 40). Принимая критическую позицию историков, мы все же считаем, что для более полного изучения психологического самочувствия личности в определенную историческую эпоху невозможно обойтись без таких субъективных источников, как устные истории, рассказы очевидцев исторических событий, либо реконструкция психологического состояния человека из письменных источников – мемуаров, писем, воспоминаний. Кроме того, мы считаем возможным обратиться и к публицистике, а также периодике (статьи в популярных журналах, газетные статьи), в которых фиксировалась информация личного характера «на злобу дня». Самый крупный всплеск публицистики относится к периоду горбачевской перестройки, своеобразный публицистический бум на фоне гласности. Как отмечают исследователи, все сферы жизни, ранее запретные темы в истории нашей страны были охвачены публицистикой, в короткий срок один за другим стали выходить публицистические сборники, большое количество публицистических статей было опубликовано в текущей периодике, в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и др. Публицистика является важным источником для историка, «благодаря ей он способен глубже чувствовать атмосферу, в которой происходили исследуемые им процессы и события. Но обращаясь к публицистике как к историческому источнику историк должен прежде всего профессионально оценить достоверность информации, к которой обращается публицист» (Заболотская, 2014, с. 121).

Одним из информативных источников при изучении социальных (добавим и историко-психологических) процессов являются газеты, а сегодня и многочисленные интернет-издания. Газеты были и остаются важнейшим источником информации, они отражают актуальное общественное состояние, историческое время в динамическом отражении, предоставляют возможность откликаться на значимые события дня. Поэтому историко-психологический анализ газетных материалов (в том числе карикатуры, фотографии, сопровождающие репортажи) на рубеже XX и XXI в.в. для изучения психологического самочувствия личности, мы считаем вполне допустимым.

Проявлением междисциплинарной позиции в современной гуманитаристике является не только наличие общего объекта изучения – человека, но и использование метода работы с нарративными источниками (текстами), применение контент-анализа. В сочетании с отбором первичных источников мы считаем необходимым проведение качественного содержательного анализа информации, контент-анализ показателей психологического самочувствия в изучаемом историческом материале (представленность эмоциональных оценок жизненных ситуаций, самооценок, личных переживаний, оценок активности, реализованности личности в новых социальных условиях, отношений к себе и общественной ситуации).

В работы с источниками существует еще одна трудность – анализ визуальных материалов, фото и кинодокументов, которые предназначены фиксировать «жизнь», сохранять ее в истории, выступать как внешняя память о событиях личной жизни, представлять зримый *образ* реальности. За последние десятилетия произошел переворот в гуманитарных науках, связанных с изучением визуальной культуры, категория образа вошла в обиход и научный язык социологов, культурологов, политологов, историков. В исследованиях по истории и социологии кино, телевидения, массовой культуры, в философских работах и социологических теориях рассматриваются механизмы появления нового общества «спектакля»/«шоу», функционирующего по законам массовых коммуникаций, инсталляций и аудиовизуальных технологий (Мазур, 2013). В новой области, получившей название «визуальная антропология» были предложены методы изучения иконографических, аудиовизуальных, массовых источников; при работе с визуальными источниками понятие образа становится ключевым, поскольку и на входе, и на выходе исследовательского процесса оно определяет всю методику работы историка. Развитие этого направления связано с решением ряда методологических проблем, в том числе и с обоснованием критериев анализа информации, формирования своей методической базы, отличающейся от традиционных исторических исследовательских практик. Она включает как методы документирования визуальной информации (видео-,

фотосъемка), так и технологии восприятия, анализа и интерпретации визуальных документов, основанные на методах наблюдения. Как отмечает Л.Н. Мазур, интерпретация образа осложняется задачей вычленения и верификации той «исторической» информации, которая содержится в источнике и позволяет реконструировать прошлое в его субъективной или объективной форме (Мазур, 2013). Для психологии метод наблюдения не является чем-то новым, но применительно к анализу исторического материала, типа кинодокумента, процедуры, предложенные в визуальной антропологии, оцениваются нами как весьма перспективные.

ВЫВОДЫ

Исследование психологического самочувствия личности с позиций исторической психологии выступает междисциплинарной областью социогуманитарных наук, находящейся на пересечении истории, социологии, культурологи, лингвистики; отражает современные тенденции развития научного знания, усиление интеграции науки, раздвижение границ узкой «дисциплинарности», применение методологических и методических построений из смежных областей. Оставаясь психологической проблемой, изучение психологического самочувствия личности выводит исследователя-психолога в область исторической науки, к используемым историками методам работы с исторической информацией и способам ее презентации. Современное общество предлагает новые информационные технологии и, как следствие, новые исторические источники, в которых представлен внутренний мир человека и социума. Освоение этих источников в исторической психологии с целью изучения психологического самочувствия личности сопровождается определенными трудностями, преодоление которых становится самостоятельной задачей. Изучения психологического самочувствия личности как историко-психологического исследования позволяет охватить психологическое явление в разноуровневых связях – общество, история, культура; представляет собой перспективное направление изучения

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
ментальных явлений прошлого, расширяет базис историко-психологического
знания.

Литература

Боровикова О.В. Исторический источник и внеисточниковое знание в исторической науке // Вестник Томского университета. 2015. №390. С. 39–44.

Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–35.

Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М.: НЛО, 2016.

Заболотская К.А. Роль публицистики как исторического источника в изучении проблем новейшего периода отечественной истории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. С.118–121

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2008 а.

Кольцова В.А. Особенности предметной области в исторической психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008 б. №1. С.6–20.

Мазур Л.Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Источниковедение.ru http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_ld/16-1-0-144 (дата обращения 12.10.2018)

Мэньюел Ф.Е. О пользе и вреде психологии для истории // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 262–288.

Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.

Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Поршнева О.С. Роль междисциплинарности в интеграции истории и социальных наук: феномен социально-научной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2013. № 3. С. 5–20.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Там за поворотом. О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 73–101.

Холондович Е.Н. Психологическое самочувствие человека как психологическая проблема // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
психология. 2018. Т. 3. №4. С.61-81. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-4.html> (дата обращения 15.11.2018)

Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону: Изд-во «Город N», 1994.

SOME QUESTIONS OF THE STUDY PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PERSONALITY IN HISTORICAL PSYCHOLOGY

B.N. Tugaybaeva*

*Assistant Director for Graduate Studies IS RAS

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

e-mail: batima-1@rambler.ru

The article deals with the issues of methodological positions and methods of historical and psychological research of psychological well-being of the person. Psychological well-being is understood by us as a systemic education, for the comprehensive study of which several aspects of analysis should be taken into account - historical, social and subjective-personal. One of the important issues in the study from the standpoint of historical psychology is the question of sources on the basis of which the reconstruction of psychological well-being is carried out. The article raises the questions of the possibility of using for psychological and historical reconstruction of the psychological well-being of historical personality as historical sources of materials of journalism, articles and reports of periodicals, visual sources.

Keywords: psychological well-being of the person, historical psychology, interdisciplinary research, historical sources.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

© 2018 г. Т.П. Емельянова**

**Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Аннотация: В статье приводится анализ основных направлений изучения коллективной памяти, сложившихся в разных гуманитарных науках. Рассматриваются подходы к пониманию коллективной памяти в исторической науке, в культурологии, в философии, в социологии. Показано, что, несмотря на значительные пересечения в проблематике, большими остаются разночтения как в содержательной трактовке явления коллективной памяти, так и в терминологии, что затрудняет сопоставление между собой результатов исследований. Приводится аргументация в пользу того, что именно социальная психология располагает методологическими ресурсами для адекватной операционализации понятия «коллективная память», даются примеры результатов эмпирических исследований факторов, механизмов и процессов коллективной памяти в рамках социальной психологии.

Ключевые слова: коллективная память, меморизация, коллективное забвение, большие группы, процессы памяти, механизмы памяти

ВВЕДЕНИЕ

Знание о психической жизни больших групп людей стало актуальным, востребованным обществом. Введение в научный оборот терминов «коллективная амнезия», «мнемонические войны», «социальная ностальгия», «преодоление прошлого», «контрвоспоминания» и других, а также методических приемов: биографического, нарративного, «oralhistory», «case-

* Работа выполнена в рамках госзадания 0159-2018-0003

study», все это существенно меняет ландшафт социальных наук, разворачивая исследователей к проблематике групп, взаимодействий, массовых социальных явлений. XX век породил у многих народов и наций коллективные травмы (мировые войны, революции, нацизм и др.) и тяжелые воспоминания, что, по-видимому, спровоцировало всплеск интереса к мнемистории, т.е. к тому, как вспоминается история.

Феномен коллективной памяти привлек внимание представителей разных социогуманитарных наук, в результате чего сложилось несколько дисциплинарных подходов в этой области. Особенность ситуации заключается в том, что современные исследования коллективной памяти приняли не междисциплинарный характер, предполагающий синтез и взаимообогащение достижений разных наук, а, скорее, мультидисциплинарный вид, когда разные науки – история, философия, культурология, социальная психология, социология, отчасти и политология культивируют свою «делянку». Как следствие, понятие «коллективная память» наполняется разным научным содержанием, замещается близкими, но иными понятиями и используется для решения весьма различных теоретических и практических задач. Объединяющим является резко возросший (начиная с 90-х годов) интерес к самой проблематике коллективной памяти, который на Западе окрестили как «бум памяти».

Эффекты коллективной памяти изучаются в мультидисциплинарном контексте с различных точек зрения. Ряд авторов сосредоточивается на анализе данных эмпирических исследований, не касаясь их методологических основ; наблюдается приверженность ряда авторов теории личной и социальной идентичности, обоснованию результатов в таких терминах, как «поиск исторических доказательств в пользу своей группы», «игнорирование невыигрышных обстоятельств», «подтасовка фактов», «поиск врага и “козла отпущения” в прошлом»; довольно распространено использование для объяснения фактов коллективного забвения психологических теорий стресса, фрустрации, агрессии, психоаналитического понятия вытеснения; наблюдается

и тенденция строить объяснение возникающих коллективных воспоминаний в ходе социального взаимодействия через разговорную практику (в русле конструкционистской логики). Важной теоретической задачей является анализ подходов к изучению коллективной памяти в разных гуманитарных науках с тем, чтобы очертить социально-психологический ракурс рассмотрения этого феномена.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

В исторической науке большое внимание уделяется механизмам влияния коммеморации (или меморизации), понимаемой как целенаправленный процесс внедрения желательных трактовок событий истории, в сознание публики. Формирование нужного образа прошлого посредством создания институциональной версии памяти историки прослеживают через анализ различных способов коммеморации. Так, в исследовании Т.В. Раевой рассматривается стратегия советской пропаганды «правильной» трактовки Первой мировой войны в клубной работе с населением в 1920-х гг. Автор обсуждает жанр «агит-суда», т.е. инсценировки судебного процесса над вымышленными утрированными персонажами войны (Раева, 2014). Доходчивый формат театрализованного представления имел целью наглядно продемонстрировать, где «хорошие» и где «плохие» герои. Согласно выводу автора, «таким образом, агит-суд являлся уникальной формой коммеморации Первой мировой войны. В ходе него осуществлялся процесс коммуницирования государства и общества с целью выработки образцов толкования причин, целей войны, ее жертв и последствий» (Раева, 2014, с. 13). В представленном примере влияние институционального ресурса на коллективную память приобретает гипертрофированную форму политической пропаганды. Менее наивным, но также действенным выглядит прием формирования политически заданного образа Первой мировой войны, рассмотренный в работе О.С. Нагорной и Т.В. Раевой. Материалом послужили документальные фильмы о Первой мировой войне (Нагорная, Раева, 2012).

Авторы использовали сравнительный метод, сопоставив приемы пропагандистского кино дореволюционной поры и периода между мировыми войнами. В ходе войны с 1914 до 1917 гг. пропагандистский посыл срабатывал слабо, т.к. в фильмах сцены боев зачастую замещались стрельбой из орудий, видами поля битвы, образцовых окопов, перемещениями разных родов войск, конвоированием пленных, демонстрацией трофеев (Нагорная, Раева, 2012, с. 46). Между тем, реальные проблемы и трудности фронта и тыла, не отражались в документальном кино, что вызывало недоверие публики, и патриотическая агитация, таким образом, не срабатывала.

В 20–30-е годы документальное кино о войне обрело совершенно иной эмоциональный заряд: «демонизация Первой мировой войны становилась для большевиков важным источником духовной мобилизации» (там же, с. 47). Используя кадры разоренных хозяйств, беженцев, нехватки продовольствия, тяжелого труда женщин, заменивших мужчин, праздной буржуазии, богатеющей на войне, документальное кино закрепляло у зрителей сознание коллективной жертвы, в общем созвучное групповой памяти современников войны (там же). Таким образом утверждалась негативная память об империалистической войне, которую вела перед революцией царская Россия, поскольку институциональное воздействие пало на благодатную почву коллективных воспоминаний.

Использование ресурса коллективной памяти для продвижения политических трактовок событий недавнего прошлого прослеживаются и другие историки, в частности, Р. Карагезов, а также Э. Исмаилов и Р. Карагезов. В этих работах обсуждаются события, происходившие в кавказском регионе, а именно, обострение ситуации в Нагорном Карабахе и российско-грузинский конфликт 2008 г. Для интерпретации состояния обыденного сознания населения в обоих случаях авторы прибегают к объяснительной схеме Дж. Верча, а именно, к его идее о том, что коллективная память обусловлена различными историческими повествованиями, содержащимися в хрониках, школьных учебниках, которые образуют «схематический повествовательный шаблон» присущий культурной

традиции каждого народа. По мысли авторов (Карагезов, 2006, 2008; Исмаилов, Карагезов, 2007), жертвенный и одновременно имперский «нарративный шаблон», присущий как российскому, так и армянскому менталитетам, послужил надежной основой пропагандистской кампании в СМИ и обеспечил ее успех у публики. Думается, однако, что похожие по содержанию шаблоны применимы не только к России и Армении, но и ко многим другим странам. По законам коллективной памяти образ великой нации поддерживает позитивную коллективную идентичность, а позиция жертвы обеспечивает любой нации образ обороняющейся, неагрессивной стороны в случае конфликта. Кроме того, упомянутые «нарративные шаблоны», возможно, и являются расхожими мнестическими схемами, но живая коллективная память как атрибут социальных групп богаче и многообразнее.

Проблему изменения содержания коллективной памяти в новых исторических условиях поднимают многие историки на примере конкретных случаев. Так, в работе Е.И. Красильниковой анализируются процессы меморизации и забвения на примере старинных кладбищ г. Томска как мест памяти жителей этого города в 20–30-х гг. XX в. Заметим, кстати, что историки широко используют введенное французскими авторами понятие «*lieux de memoire*», транслируя его как «место памяти», но точнее было бы его переводить как «памятное место», так мы его в дальнейшем и будем называть. Е.И. Красильникова прослеживает, как разные политические силы работали над овладением коллективной памятью и, в конечном итоге, умами и сердцами жителей этого города. После гражданской войны появилось коммунистическое (партийное) кладбище – новый, отдельный участок старинного кладбища. Вместе с тем, в Томске, как и в других сибирских городах, межвоенное время тенденциозно уничтожался дореволюционный некрополь, имевший несомненную культурную ценность, однако игнорировавшийся советской властью, которая оберегала лишь «свои» могилы, да и то не очень заботливо (Красильникова, 2012, с. 119).

На примере воспоминаний о Великой Отечественной войне И.В. Реброва показывает, как личные воспоминания переплетаются с институциональной памятью, и как социальная действительность настоящего влияет на передачу информации о прошлом. Через дискурс-анализ интервью автор обнаруживает, что оценки со стороны российского общества нацистских солдат и офицеров постепенно размываются: в четко негативные конструкты речи о враге вплетаются и иные образы немцев, которые могли помогать, угощать детей сладостями, тосковать по своим семьям. В устных рассказах респондентов действуют не схематические персонажи, а живые люди, поступающие тем или иным образом в силу собственной индивидуальности и создавшихся обстоятельств (Реброва, 2012). Так воспоминания очевидцев, сохраняя клише институционального происхождения (официальной истории) в отношении такого трагического периода истории как война, тем не менее содержат нейтральные и позитивные эпизоды межличностных контактов с представителями вражеской армии. Сама возможность таких амбивалентных воспоминаний появляется только в соответствующем культурно-историческом контексте.

Н.А. Колодий развивает мысли А. Эткинда, характеризующего современную ментальность через понятие «война воспоминаний». Автор справедливо подчеркивает, что дело даже не в победе того или иного варианта интерпретации истории и культуры через памятные места, дело – в культурной политике, в практике определения национальной идентичности, которая выражается в выборе ключевых дат, национальных и религиозных праздников, «назначения» персон героями и палачами в постсоциалистических обществах (Колодий, 2013, с. 244). То есть, с точки зрения историков, коллективная память не просто подвержена изменениям, но она становится и ареной сражений за смыслы воспоминаний, да и образ будущего.

Завершая обзор подходов к коллективной памяти в рамках исторической науки, нельзя не отметить резко возросшего интереса к взаимоотношениям коллективной памяти и истории. Начиная со второй

половины XX века, по словам З.А. Чеканцевой, историческая наука становится «историей во второй степени», то есть историей переосмысления всех имевших место репрезентаций исследуемого явления (Чеканцева, 2015, с. 232). Представители этого нового направления «интеллектуальной истории» доказали, что в любых исторических текстах присутствуют идеологические влияния. О субъективности историка писал в свое время и М. Хальбвакс. Историческое знание конструируется по особым законам, а не зеркально отражает прошлое. Тем самым можно говорить о различных версиях понимания прошлого, принимая в расчет не только профессиональные тексты, но и обыденные версии событий, т.е. память. Изучение менталитета, обыденных представлений людей о явлениях и событиях, в частности, в школе Анналов, как раз и стало шагом к приданию коллективной памяти статуса важного источника исторического познания. Память групп, воплощенная в действиях по ознаменованию, сохранению традиций и ритуалов, народное почитание героев и др. коммеморативные практики стали привлекать пристальное внимание историков. Время меняет коллективную память в такой степени, что можно говорить о культурно-исторических стратах в восприятии событий и личностей. «Интеллектуальная история» призвана произвести «раскопки» этих ментальных слоев для того, чтобы понять «объемность» и многозначность исторических процессов. Сама идея объективности/необъективности исторического знания и роли обыденной памяти, а также позиции историка появилась как результат столкновения двух противоположных позиций в отношении статуса исторического знания. С одной стороны, бытует принятое еще со времени эпохи Просвещения сциентистское понимание того, что существуют объективные исторические факты и достоверные исторические источники. Представление о том, что их можно надежным образом реконструировать, питали надежды историографов на существование метода классического историзма (Макаров, 2007). При этом предполагалось, что историк существует вне идеологии какой-либо референтной группы (там же, с. 164). С другой стороны, критики сциентизма

трактуют историческую науку как результат «социального заказа», как заданную извне интерпретацию событий. А прошлое лишь используется для решения задач реальной политики. Между этими двумя крайними позициями в современной историографии существует множество оттенков мнений. При этом в историческом исследовании неизбежно возрастает роль изучения коллективной памяти, которую этот автор понимает, как надындивидуальную память – необходимый элемент человеческой культурной реальности – служащую посредником для проникновения культуры в историческое сознание (там же, с. 163).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

В культурологии имеется свой угол зрения на проблему коллективной памяти. Основными его характеристиками являются интерес к социальным институтам, концентрирующим следы прошлого и транслирующим их обществу, изменения в культуре общества, связанные с коммеморацией и забвением, роль искусства в процессах памяти, механизмы историко-культурной преемственности. Как полагают культурологи, их профессиональный подход к памяти означает изучение способов сохранения представлений об эстетических ценностях эпох, представлений о прекрасном в разные периоды истории, о нравственных принципах, о художественной выразительности, литературных стилях и жанрах искусства прошлого. Культурологический подход к памяти позволяет раскрыть то, как повседневная культура и художественная жизнь прошедших эпох входят в современный менталитет, создавая многослойную и многоликую картину культуры настоящего. Образы культур прошедшего времени воссоздаются и активно воспринимаются современными людьми благодаря коммеморации.

Понятие коммеморации используется как в исторических, так и в культурологических трудах. Е.О. Васильева называет явление коммеморации важнейшим элементом современной социально-культурной жизни общества, которое выступает транслятором ценностно-смысловых характеристик

культуры от одного поколения к другому и определяет многомерность и многоуровневость феноменов культуры (Васильева, 2009, с. 40). Автор показывает на примере женского образа в живописи эпохи модерна созвучность этого периода современным процессам смены мировоззренческих ориентиров. Деятели современного искусства переосмысляя эпоху модерна, пытаются возродить былой стиль, вернуть к жизни это искусство, вновь открыть для себя красоту и ценность человека. Реакция на модернизм имеет самые разные формы, которые современное общество принимает и одобряет (Васильева, 2009, с. 42).

Роль кинематографа, транслировавшего официальный дискурс о военной истории, в частности, о Сталинградской битве, в конструировании образов коллективной памяти, показал Е.В. Волков. Автор справедливо полагает, что художественные фильмы могут рассматриваться как важнейший исторический источник для понимания представлений советских людей, особенно молодого поколения, о войне (Волков, 2015). Кинокартины о Сталинградской битве создавались в советской стране, начиная с военных лет и заканчивая временем перестройки. С точки зрения типологии фильмов, это были либо военные драмы, либо киноэпопеи. Кинофильм, как и любое художественное произведение, является продуктом своего времени, с одной стороны, и отражением мировоззрения автора, с другой. Но в широкий прокат в советское время могли, разумеется, попасть только фильмы, одобряемые партийным руководством, их и анализирует Е.В. Волков – это шесть фильмов, посвященных Сталинградской битве и снятых в 45-летнем интервале с 1944 по 1989 гг. Интересен замысел автора показать через различия в трактовке событий знаменитой битвы изменчивый фон институциональной памяти, которая, несомненно, оказывала воздействие на коллективную память.

Шесть фильмов – шесть интерпретаций. Первый из них – фильм режиссера А.Б. Столпера «Дни и ночи», снятый в 1944 г. Пафос фильма нацелен на то, чтобы показать, что настоящими героями Сталинграда являлись офицеры и солдаты Красной армии. Фильм украшен сценами исполнения

народных песен воинами и дополнен кадрами хроники. Примечательно, что деятельность коммунистической партии, Сталина как руководителя страны и наркома обороны, судя по сюжету, играла не главную роль. По фильму заметно ослабление культа Сталина в советском обществе в период войны.

Фильм «Великий перелом» снял на киностудии Ленфильм в 1945 г. режиссер Ф.М. Эрмлер. Война показана, прежде всего, как напряженный труд военачальников. Партийное руководство не выглядит определяющим в фильме – многое зависит от принятия решений командующим фронтом. Решение, определяющее все развитие событий, принимает только один человек – командующий фронтом. В этой трактовке сквозит идея вождизма в духе советского официального дискурса того времени, когда и в Кремле, и на фронте все зависело от одной личности. При этом имя самого Сталина в картине также не упоминается в стиле пропаганды того времени.

Фильм «Сталинградская битва» был поставлен в 1949 г. режиссером В.М. Петровым. Именно этот фильм задал образец последующих советских киноэпопей о войне. Что характерно для пропаганды этого периода, центральной фигурой теперь является Сталин. Основной посыл фильма – «великий стратег» Сталин создал план разгрома немецких войск под Сталинградом, именно он руководит боевыми действиями. А в тылу, на каждом заводе, люди стоят у репродукторов и, затаив дыхание, с надеждой в глазах слушают очередную речь Сталина (Волков, 2015).

В 1956 г., уже в период оттепели, на киностудии Ленфильм завершились съемки и монтаж еще одного фильма о Сталинградской битве. Режиссер А.Г. Иванов поставил картину «Солдаты» как экранизацию известной повести писателя-фронтовика В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946 г.). С резкой критикой фильма выступил представитель Главного политуправления Министерства обороны генерал-лейтенант М.А. Миронов. В итоге создатели картины согласились внести поправки. Из фильма были исключены какие-либо упоминания о неподготовленной эвакуации промышленных предприятий и населения из Сталинграда. На фоне

замалчивания значимости фигуры Сталина усилена роль коммунистической партии, как «главного вдохновителя и организатора» побед советского народа. В новых условиях оттепели у кинематографистов появилась возможность не придерживаться строгих канонов политической конъюнктуры, когда советским зрителям представляли с экрана образы «гениального полководца» Сталина и советских генералов, как главных победителей нацистской Германии, а показать окопную правду войны. На экране предстали истинные герои и победители – простые солдаты и младшие командиры, которые ежедневно рисковали жизнью на фронте. Еще одним фильмом, в котором чувствуется время оттепели и стремление рассказать больше правды о войне, стала постановка режиссера А.Б. Столпера «Возмездие» (1967 г.). Картина снималась по роману К.М. Симонова «Солдатами не рождаются». В ней присутствуют отголоски времени перемен и осмысления последствий диктатуры Сталина. Упоминаются в фильме и репрессии советского командного состава накануне войны. Видимо, по причине наличия сцен, поднимавших острые вопросы, не совсем удобные для властей, фильм редко показывали на большом экране.

В 1972 г. на киностудии «Мосфильм» вышла еще одна художественная кинолента о Сталинградской битве – «Горячий снег» режиссера и участника войны Г.Г. Егиазарова по сценарию и одноименному роману писателя-фронтовика Ю.В. Бондарева. Фильм получил положительные отзывы, критика его оценила, как правдивое киноповествование, созданное авторами-фронтовиками, в котором со знанием дела показаны и боевые действия, и бытовые мелочи повседневной фронтовой жизни.

В условиях перестройки, в 1989 г., закончились съемки фильма «Сталинград», который являлся продолжением киноэпопеи «Освобождение», режиссера Ю.Н. Озерова, бывшего фронтовика и боевого офицера. В киноэпопее были показаны ошибки Сталина, говорившего надрывно и, как полагается, с кавказским акцентом. Он не верит разведке и принимает решение о неудачном наступлении в мае 1942 г. на Харьков. Подчеркивается, что его жестокий приказ № 227 не привел к каким-либо позитивным результатам.

Вождь запрещает эвакуацию заводов Сталинграда, чтобы не поднимать паники, и тем самым, обрекает на гибель массу гражданского населения. Итак, судя по экранным образам Сталинградской битвы, на разных этапах развития советского общества, создавались отличные друг от друга киноистории о Сталинградской битве. Видимо, можно считать данные фильмы своеобразными маркерами культурной политики и коллективной памяти советских людей о решающем сражении Великой Отечественной войны.

Обратный процесс – забвение в культуре рассматривается как важнейший инструмент построения новой культуры и новой идентичности. «Принудительное забвение» играет в этом процессе особую роль. Такой род забвения никогда не связан с полной утратой памяти, но является наиболее трагичным (Кочеляева, 2012, с. 10), поскольку носители памяти зачастую уничтожаются физически, а «неудобная» для власти версия исторической памяти вытесняется в маргинальную зону культуры и становится уделом диссидентов. Работа Н.А. Кочеляевой посвящена «трудным местам» памяти и выведению их из зоны забвения на примере создания музея, посвященного функционированию лагеря «Пермь–36» для политзаключенных, а также Соловецкого музея-заповедника. В течение долгого времени тема Соловецких лагеря и тюрьмы пребывала в поле принудительного забвения, и лишь с началом перестройки и формирования гражданского общества она была возвращена в сферу исторической памяти и стала предметом активной мемориальной политики (Кочеляева, 2012). «Принудительное забвение» прерывается только в ходе перемены всего «культурного ландшафта» страны и влечет за собой изменение социально-культурной идентичности.

ФИЛОСОФИЯ О КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Объектом целенаправленной философской рефлексии коллективная память становится только в период модерна (Турбина, 1998), поскольку в условиях традиционного общества сохранение прошлого задается самим укладом жизни его членов. В обществе модерна и постмодерна определенная

трактовка событий прошлого тесно связана с самоидентификацией и легитимацией его групп и поэтому выделяется в специальную задачу.

В современном мире насаждение идеалов мультикультурного типа развития делает весьма размытым процесс идентификации человека с той или иной группой. Необходимость в определении принципиальных ориентиров в жизни (национальных, религиозных, этнических, групповых, сексуальных и др.) объясняет возрастающий интерес людей к прошлому, поскольку групповая идентичность предполагает приверженность одному из вариантов коллективной памяти. Однако разнообразие вариантов интерпретации истории той или иной группы в условиях современного мирового сообщества повлекло за собой размытие её идентичности и отсутствие определённого статуса. В силу этого для избавления от «расплывчатости» некоторые люди исповедуют упрощенные одномерные представления, часто связанные с обвинениями других групп.

В современном обществе разными исследователями фиксируются противоположные тенденции упадка памяти в форме тривиализации великих событий и преувеличения роли прошлого, в частности – в политических целях. По мнению Е.Г. Турбиной, главной проблемой функционирования коллективной памяти является её совмещение с критическим осознанием прошлого, поскольку «прославление и осуждение собственного прошлого одинаково опасны, когда они становятся целью сами по себе» (Турбина, 1998, с. 752).

Конструктивистский взгляд на коллективную память приобретает все большую популярность среди обществоведов, особенно в связи с проблемой «утраты» памяти, «социальных амнезий», ускользания фрагментов прошлого. Такого рода феноменам и процессам посвящен ряд специальных работ (Baumeister, Hastings, 1997; Мокроусова, 2012; Кумыков, 2013 и др.). Явления искажения, забывания в коллективной памяти указывают на подвижную, нестабильную природу феномена памяти. Эта подвижность связана прежде всего с переменчивостью культурного ландшафта, который требует

выдвижения на первый план одних воспоминаний и «упущения» других. Это происходит, по мнению А.М. Кумыкова, в силу противоречивого восприятия и неоднозначной, ангажированной интерпретации прошлого политическими элитами и различными социальными группами, когда события и образы прошлого подвергаются социальной амнезии и становятся «лакунами памяти». Следствием этого процесса автор считает «дезорганизацию» памяти (Кумыков, 2013, с. 102). На наш взгляд, социальная амнезия является частью сложного процесса конструирования и деконструкции коллективной памяти, что сложно назвать дезорганизацией, поскольку именно в таком бурлении интерпретаций и обнаруживаются в каждый исторический момент контуры коллективной памяти. Исследователи анализируют и природу феномена искажения памяти: описывается два мировоззренческих полюса, которые определяют искаженное видение прошлого. На одном полюсе – ностальгия по ушедшему, рождающая пессимистический взгляд на мир, на другом расположена укорененная в коллективной памяти вера в прогресс, утверждающая оптимистическое мировоззрение (Мокроусова, 2012). Можно согласиться с автором в том, что каждая из этих позиций по-своему отражает глубинную психологическую потребность в защищенности – они обещают либо перемены к лучшему, либо иллюзорное прошлое в качестве убежища. Так социальные потребности формируют искаженный образ прошлого (там же, с. 60). И снова возникает вопрос, существует ли «истинный» образ прошлого? Не абстракция ли это? А может быть существование разного рода вариаций в трактовках истории и есть истинный порядок вещей, составляющий суть коллективной памяти?

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Категория коллективной памяти родилась в недрах французской социологической школы. Научное наследие Э. Дюркгейма содержит множество идей, развитых впоследствии его учениками, идей, давших начало новым направлениям в современных социальных науках. Среди них идея о механизмах устойчивости и стабильности общественного устройства. Анализу

коммеморативных практик, закрепленных в ритуалах, их решающей роли в поддержании стабильности первобытного коллектива Дюркгейм посвятил значительную часть своего масштабного труда “Элементарные формы религиозной жизни”. Кроме того, его идея коллективных представлений, цементирующих сознание общества и передающихся из поколения в поколение (Дюркгейм, 1995) также выводит на мысль о существовании коллективной памяти общества. По верному замечанию А.Г. Васильева: «Дюркгейм оставил своим продолжателям следующее представление о коллективной памяти: это социально сконструированное пространство прошлого, наполненное коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер» (Васильев, 2014, с. 162).

Морис Хальбвакс развил идею Дюркгейма о механизме передачи традиции. Он придавал большое значение семейной памяти и взаимоотношениям дедов с внуками как гарантии непрерывности социальной жизни. Феноменологический акцент в методологии позволил Хальбваксу более гибко, чем его учитель, соотнести коллективную память с индивидуальной (Хальбвакс, 2007). В системе Хальбвакса коллективная память – это уже не духовная субстанция, несводимая к сумме индивидуальных психических явлений, а атрибут социальной группы, который становится основным предметом социальной психики. Коллективная память для него – это некий общий ресурс, из которого разными индивидами извлекается разное содержание. По мнению современных авторов (Paezet al., 2016), идея Хальбвакса о «социальности» коллективной памяти имеет несколько аспектов: во-первых, память социальна по причине ее интерсубъективного содержания, то есть люди помнят о прошлом, прежде всего, в связи с другими людьми. Во-вторых, вспоминая, люди чаще всего используют своего рода опорные точки в виде социальных событий, причем разные социальные группы используют разные точки отсчета. Каждая социальная группа предоставляет своим членам определенные «социальные критерии», посредством которых они узнают и вспоминают мир. Эти социальные критерии действуют, даже когда индивид

один. В-третьих, социальный характер памяти обусловлен ее языковой природой, ведь коллективная память основана во многом на речевых повторах, имеющих важные социальные функции. Коммуникативный процесс позволяет разделить индивидуальный опыт с другими, и это еще одно доказательство социальной природы памяти. Так, в современных исследованиях было показано, что люди связывают индивидуальные воспоминания о своей жизни с одними и теми же событиями общественной жизни.

Кроме того, память социальна благодаря своим функциям. Так, коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных представлений, разделяемых группой. Причем если представление о прошлом имеет позитивный смысл «золотого века» – это глобальная, или ностальгическая функция. Вторая социальная функция связана с целями и потребностями группы, в этом смысле коллективная память – это своего рода реконструкция прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы. Думается, не будет преувеличением сказать, что идеи Хальбвакса о многочисленности функций коллективной памяти продолжают вдохновлять современных психологов (Paez, et al., 2016). Данная тема разрабатывается как в плане уточнения социально-психологического содержания понятия коллективной памяти, его соотнесения с близкими понятиями социальной и массовой памяти, так и в плане разработки адекватной методологии эмпирических исследований.

Хальбвакс уточнил и детализировал понимание коллективной памяти не просто как механизма, обеспечивающего общественную солидарность, но и как явления, создающего базу для органичной включенности человека в ткань социальной жизни. Хальбвакс вводит понятие социальных рамок памяти (Хальбвакс, 2007) именно для того, чтобы объяснить, каким образом образуется неразрывная связь индивидуальной и коллективной памяти. Социальные рамки – это своего рода каркас, на который нанизываются индивидуальные воспоминания, приобретая смысл, опору и логическую связность. Социальные рамки задаются коллективной жизнью, но при этом коллективы могут быть

разными по своим характеристикам. Семья задает одни рамки, религия – другие. Человек включен в разные коллективы и поэтому социальные рамки его памяти многообразны. Ситуация множественности таких интерсубъективных пространств делает человека носителем сложного комплекса образов коллективной памяти в конкретном культурном контексте. Кстати, понятие интерсубъективности впоследствии успешно разрабатывалось в психологической антропологии, трактуемое как поле взаимопонимания, в котором существует общее культурное знание (Лурье, 2003). Хальбвакс решает две теоретические задачи: создает основу понимания социальной природы индивидуальной памяти и обосновывает понятие коллективной памяти как общего для членов группы содержания образов, базирующихся на единых, культурно обусловленных социальных рамках. Он интерпретирует функционирование коллективной памяти через использование феномена социальных групп. Во главу же угла своих рассуждений о закономерностях и механизмах коллективной памяти он ставит семью. Передача воспоминаний от дедов к внукам трактуется Хальбваксом как основной механизм трансляции коллективной памяти. Хальбвакс впервые в науке придал решающее значение семье, как группе-носителю коллективной памяти. Более того, именно такие социальные структуры, как семья и религия, согласно его теории, существуют благодаря механизму коллективной памяти. По словам Хальбвакса, «рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самотождественность во временном измерении» (Хальбвакс, 2005, с. 22).

Характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, Хальбвакс подчеркивает ее избирательность. Личные воспоминания склонны к исчезновению в случае, если они не повторяются, не вызываются в памяти вновь и вновь. Вероятность их повторения зависит от того, наделяли ли их коллективной функцией «социальные рамки» памяти. Так, автобиографические воспоминания могут выжить лишь в случае, если они отвечают каким-то институциональным нуждам. Но, по Хальбваксу, те воспоминания, которые

стали достоянием коллективного сознания, вовсе не могут считаться ненадежными в том, как они изображают события прошлого. Скорее дело заключается в том, что некоторые события, переработанные коллективной памятью, приобретают своего рода вечное значение, и в силу этого вспоминаются чаще и дольше по сравнению с огромными массами происшествий, которые обречены на забвение, а отчасти и за счет этого забвения. Иначе говоря, Хальбвакс допускал, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно друг друга конституируют.

Существенный вклад в осмысление коллективной памяти внесен Франкфуртской школой, и, прежде всего, Т. Адорно, исследовавшим особенности становления коллективной памяти в период послевоенного переживания вины и стыда германцев за преступления нацизма (Адорно, 2005). Общество в то время обсуждало тему вины и ответственности, коллективной травмы, «ослабленной памяти», помогающей изжить подобную травму, что сопровождалось перечеркиванием индивидуальных и коллективных воспоминаний о национал-социалистической эре вплоть до отрицания самого существования недалекого прошлого. Адорно обнаружил факт коллективного самообмана, на который указывал (и который маскировал) призыв к переоценке прошлого.

В современной социологии стало популярным понятие «бум памяти», что характеризует как степень интенсивности, так и экстенсивности исследовательской практики в отношении коллективной памяти. Введение в научный оборот терминов «коллективная амнезия», «мнемонические войны», «социальная ностальгия», «преодоление прошлого», «контрвоспоминания» и других, а также методических приемов: биографического, нарративного, «oralhistory», «case-study», по мнению Н.В. Романовского, обозначило новый поворот к человеку, деятелю, группам, взаимодействиям, нацеленность ученых на изучение массовых социальных явлений (Романовский, 2011).

«Эра памяти», начавшаяся с конца XX века, отмечена обостренным исследовательским интересом к истории минувшего века, насыщенного

драматичными событиями и, особенно, к коллективным воспоминаниям о них: мировые войны, революции, нацизм, Хиросима и Нагасаки, холокост, Катынь, Чернобыль, геноцид и другие. XX век породил у многих народов и наций коллективные травмы и тяжелые воспоминания, что, по-видимому, и спровоцировало всплеск интереса к мнемистории, т.е., к тому, как вспоминается история. В социологии наметились как чисто предметные направления в духе изучения памяти о конкретных явлениях и событиях, например, о холокосте (см. из недавних: Коротецкая, 2016), так и направления исследований отдельных факторов коллективной памяти, скажем, этнического или поколенческого факторов. Память поколений, ее особенности стала предметом многих исследований. Назовем, в частности, работу Л.И. Миклиной о коллективной памяти современной российской молодежи. На выборке 204 человек автор исследует уровень знаний об исторических событиях и отношении к ним. Результаты показали хорошее знание респондентами исторических фактов и личностей, а также то, что молодежь способна критически анализировать явления, отмечая их положительные и отрицательные последствия. Единственное событие, имеющее однозначно негативную окраску в памяти молодого поколения россиян, – гражданская война. Это может быть следствием реинтерпретации истории в результате смены общественного строя. «Эффект когорты» по Г. Шуману и Ж. Скотт проявился в данном случае в том, что современная молодежь, воспитывавшаяся в постсоветском обществе, видит Октябрьскую революцию в ином свете, чем другие возрастные группы (Миклина, 2015).

В работе О.А. Максимовой на основе дискурсивного анализа самооценок своего поколения, полученных в ходе опроса представителей разных возрастных когорт, производится анализ их самоидентификационных характеристик (Максимова, 2014). Автор приходит к выводу о том, что с увеличением возраста респондентов их идентификация со своим поколением в контексте исторических событий проявляется в большей степени, тогда как молодые поколения демонстрируют высокую степень индивидуализма. Это, по

мнению автора, является отражением общественных трансформаций, происходящих в условиях постиндустриального, информационного общества, где индивидуальные ценности доминируют над коллективными. Такое объяснение, в целом, можно принять, добавив, что более полная самоидентификация придет к молодежи позже, с рефлексией своего места в обществе, при сравнении своего поколения с младшими.

Отдельное направление социологических исследований в области коллективной памяти составляет изучение новейших каналов сохранения и передачи следов памяти, в особенности, интернета. К. Штоп-Рутковска использует понятие «киберпамять». В ней нет института «проводника» – получатель сам конструирует свои представления на тему прошлого, использует интернет-ресурсы, кликая на гиперссылки в читаемом тексте. Киберпамять часто оказывается сложной памятью, транслирующей воспоминания не только господствующей группы, но также групп, составляющих меньшинства (Штоп-Рутковска, 2015, с. 139). Учитывая то, что молодежь в целом активнее других поколений пользуется интернет-ресурсами, можно говорить о радикальном изменении в роли разных институтов коллективной памяти. Учебники истории, кинопродукция, книги теперь становятся подспорьем в конструировании собственных схем, образов прошлого, которые создаются в результате самостоятельного поиска информации в сети. Изобилие информации, ее противоречивость либо стимулируют интеллектуальную активность, либо «оглушают» парадоксами, либо закрепляют существующие штампы. Как на самом деле работают эти механизмы еще предстоит исследовать.

Разнообразие подходов, трактовок и способов анализа феномена коллективной памяти в социальных науках заставляет говорить не столько о междисциплинарном подходе к этому явлению, сколько о мультидисциплинарной ситуации в изучении коллективной памяти. По-видимому, нахождение точек соприкосновения в теории и методологии вопроса остается задачей будущего.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

На наш взгляд, именно социальная психология в состоянии предложить, как концептуальную модель онтологии коллективной памяти, так и операционализацию соответствующего понятия, исходя из методологии психологической науки. Исследования, проведенные отечественными и зарубежными социальными психологами, начиная с 90-х годов XX века, позволяют наметить рамки такой модели, включающей основные факторы, механизмы и процессы коллективной памяти. Результаты исследований проливают свет на такие социально-психологические параметры коллективной памяти, как ее процессы, механизмы и функции.

Некоторую ясность в понимание механизмов коллективной памяти вносят результаты изучения привлекательности разных периодов истории СССР. По данным наших исследований, респонденты разных слоев общества вспоминают как наиболее благополучные по избранным ими критериям те периоды, когда фрустрированные в момент исследования потребности этой социальной группы, удовлетворялись в наибольшей степени (Емельянова, 2016). Процессы активного запечатления и сохранения таких событий, как Великая Отечественная война и первый полет человека в космос были подтверждены желанием большинства респондентов сделать их достоянием памяти своих детей (там же). Изучаются и процессы забывания: обнаружены эффекты забвения невыигрышных для группы или вызывающих стыд событий истории (Baumeister, Hastings, 1997; Емельянова, 2016).

Одной из важнейших задач стала задача определения факторов конструирования коллективной памяти. Так при анализе содержания коллективных воспоминаний о исторических личностях прошлого России ведущим фактором, определяющим различия в критериях оценивания исторических персонажей, оказался фактор принадлежности определенному поколению (Емельянова, Кузнецова), имел значение и фактор материальной

обеспеченности респондентов: респонденты с низким доходом значимо чаще давали позитивные оценки личности В.И. Ленина. Фактор принадлежности к тому или иному социальному слою общества оказался важным в содержании коллективных воспоминаний о разных периодах советской истории: представители рабочих, интеллигенции, неработающих пенсионеров, безработных и студентов делали различные смысловые акценты в своих воспоминаниях. Заметным фактором стала и принадлежность респондентов к той или иной культуре. Французы русского происхождения, в детстве переехавшие во Францию, по сравнению с российскими ветеранами того же возраста давали принципиально другие трактовки в своих воспоминаниях начала Великой Отечественной войны (Емельянова, 2002).

Контекстуальность содержания коллективной памяти – одна из важнейших ее особенностей, делающая память феноменом подвижным, изменчивым и динамичным, что провоцирует явления, иногда воспринимаемые как искажения, фальсификации, которые, на самом деле, являются закономерными артефактами. В наших исследованиях обнаружили такие политико-экономические векторы, как консерватизм/либерализм, этатизм/гуманизм, почвенничество/западничество, глобализм/национализм, авторитаризм/демократизм, определяющие логику появления типов респондентов-носителей разных по содержанию воспоминаний коллективной памяти (Емельянова, Мишарина, 2015). Закономерности преобладания тех или иных векторов мы объясняем политическим контекстом периода проведения исследования.

Важной методологической задачей становится поиск подходов к изучению динамических свойств коллективной памяти. Можно предположить, что именно связь коллективной памяти с эмоциями, ценностями и актуальными потребностями группы является основой для изменчивости коллективных воспоминаний, их культурно-исторической обусловленности. Они являются социально конструируемым феноменом и обладают интерактивной природой, поскольку формируются в процессе и в связи с эмоционально окрашенным

общением. Важными остаются и вопросы о месте коллективной памяти в ряду других компонентов ментальности больших групп, о ее зависимости от ценностей культуры, о ее влиянии на конструируемые социальные представления актуальных событий, о воздействии коллективной памяти на построение образа будущего, о связи ее содержания с действующими в общественном сознании политическими антиномиями и другие не менее насущные вопросы. Дальнейшая разработка теоретических подходов, эмпирических методов, применение более совершенных статистических процедур анализа данных позволят приблизиться к разработке теоретических моделей и созданию программ эмпирического социально-психологического изучения коллективной памяти.

Литература

Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>

Васильев А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.

Васильева Е.О. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства // Власть. 2009. № 6. С. 40–43.

Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Челябинск, 2009. 41 с.

Волков Е.В. Образы Сталинградской битвы в советском художественном кино // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 128–151.

Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология: ее метод, предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон. 1995. С. 208–243.

Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.

Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. URL: <http://psystudy.ru>.

Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Образы политической власти в коллективной памяти о российской истории у представителей различных возрастных групп // Развитие психологии

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) в системе комплексного человекознания. Ч.2. Издательство «Институт психологии РАН». Москва, 2012. С. 356–358.

Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2013. Т. 6. № 28. <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html>

Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123–129.

Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Великая Отечественная война: типология представлений коллективной памяти // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 2 (март - апрель). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Misharina_Great-Patriotic-War-Representations/ [архивировано в WebCite]

Исмаилов Э., Карагезов Р. Конфронтирующая коллективная память на Кавказе: как преодолеть «проклятие прошлого»? // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1(4). С. 117–126.

Карагёзов Р. Коллективная память в этнополитическом конфликте: случай Нагорного Карабаха // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 167–179.

Карагезов Р. «Принуждение Грузии к миру», или о том, как важно в политике учитывать особенности коллективной памяти // Кавказ и глобализация. 2008. № 4. С. 122–128.

Колодий Н.А. Лабиринт памяти – места памяти – война памяти: опыт истолкования // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 240–245.

Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная реконструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социс. 2016. № 3. С. 107–117.

Кочеляева Н.А. Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9

Красильникова Е.И. Кладбища Томска как места памяти жителей города (конец 1919 первая половина 1941 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 115–122.

Кумыков А.М. Теоретико-методологический конструкт социально-философского осмысления социальной амнезии // Власть. 2013. № 3. С. 101–103.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический Проект, 2003.

Макаров А.И. Историзм и теория коллективной памяти: методологические аспекты проблемы источниковедения // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2007. № 6. С. 163–166.

Максимова О.А. Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 6. С. 246–252.

Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. № 1. С.136–140.

Мокроусова Е.А. Философия «коллективной памяти»: проблема ускользания памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. №2 (12). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kollektivnoy-pamyati-problema-uskolzaniya-pamyati> (дата обращения: 18.02.2017).

Нагорная О.С., Раева Т.В. Образы Первой мировой войны на экранах межвоенной России и Германии: мемориальная политика и коллективная память // Вестник ЮУрГУ, серия «Социально-гуманитарные науки», 2012. № 32 (291). С. 45–4.

Раева Т.В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агит-суд» как способ формирования памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 3. С.11–13.

Реброва И.В. Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 19 (138). С. 119–123.

Романовский Н.В. Новое в социологии – «Бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.

Турбина Е.Г. Память коллективная // Современный философский словарь / Под ред. Е.В. Кемерова. М., 1998.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина, М.: Новое издательство, 2007.

Чеканцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 229–239.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Штон-Рутковска К. Киберпамять, или, о чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: БелостокиЛюблин // Социс. 2015. № 4. С. 130–139.

Baumeister F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah(N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 277-294.

COLLECTIVE MEMORY AS A MULTIDISCIPLINARY RESEARCH SUBJECT

T.P. Emelyanova*

*Ph.D., professor, Leading Research Associate,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;

e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

The article provides an analysis of the main directions of the study of collective memory, established in various humanities. The approaches to the understanding of collective memory in historical science, in cultural studies, in philosophy, in sociology are considered. It is shown that, despite significant intersections in the problematic, there remain large discrepancies both in the substantive interpretation of the collective memory phenomenon and in terminology, which makes it difficult to compare research results. Arguments are made in favor of the fact that it is social psychology that possesses methodological resources to adequately operationalize the concept of “collective memory”, gives examples of the results of empirical studies of factors, mechanisms and processes of collective memory within the framework of social psychology.

Keywords: collective memory, memorialization, collective oblivion, large groups, memory processes, memory mechanisms

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ КАК МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТИ*

© 2018 г. Тихомирова С.В. **

**** Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.**

e-mail: sti@ipras.ru

Аннотация: В статье представлены результаты поискового эмпирического исследования любви к родине как мировоззренческого переживания. Построена типология. В исследование включено относительно новое понятие социальных аксиом, сопоставлены социальные аксиомы и типы любви к родине. Выявлено, что формирование мировоззренческого переживания любви к родине связано с личностными, групповыми, межгрупповыми и социетальными факторами, а также со значимыми переживаемыми событиями личной и общественной жизни. Предложена концептуальная модель переживания любви к родине. Рассмотрены механизмы перехода личностных переживаний любви к родине в коллективные. Определены перспективные направления фундаментальных научных исследований мировоззренческого переживания личности любви к родине.

Ключевые слова: любовь к родине, категория переживание, мировоззренческие чувства, коллективные мировоззренческие переживания, социальные аксиомы

Проблема любви к родине в социальной психологии изучается относительно недавно, однако не является новой темой для смежных наук. Любовь к родине изучалась, но при этом использовались другие категории, в основном это был патриотизм. По сути никакой смысловой разницы в этих понятиях мы не видим, но есть существенная разница в восприятии этих синонимичных названий в обыденном и научном дискурсе.

Тема патриотизма чрезвычайно актуальна, если судить по лавинообразно нарастающему количеству научных публикаций, посвященных изучению разных сторон патриотизма. Только за неполные последние два года по теме

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 17-06-01055 ОГН

патриотизма на русском языке опубликованы 1283 научные работы, в то время как любовь к родине в названиях, аннотациях или ключевых словах упомянута только в 125 работах этого же периода. Практически все исследования по теме любви к родине проведены педагогами, которые предлагают способы воспитания любви к родине для разных возрастных категорий школьников и дошкольников. Стоит отметить, что англоязычные публикации научной психологии по теме любви к родине практически отсутствуют, хотя размышления публицистического характера на тему патриотизма можно найти. Журналисты делают интересные обобщения, например, о всплеске гражданского патриотизма в США после трагедии 11 сентября 2001 года и его проявлениях. Любовь к родине рассматривается в своей противоположности – *нелюбовь к родине* – у психоаналитиков, такая нелюбовь считается проявлением тяжелого, но редкого невроза.

Изучение патриотизма на глубоком теоретическом уровне в России началась в XIX веке в рамках таких течений как традиционализм, славянофильство, либерализм, западничество, народничество, анархизм, монархизм, социал-демократизм, марксизм, религиозные исследования.

Традиция глубокого мировоззренческого изучения проблем патриотизма была заложена В.С. Соловьевым и Н.А. Бердяевым, затем Г.В. Плехановым, П.Б. Струве, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским и др. Советский период развития психологических и смежных наук также дал много работ о патриотизме. В настоящее время исследованием проблем патриотизма занимаются несколько научных коллективов в Институте психологии РАН, Институте социологии РАН, Институте социально-политических исследований РАН, а также в военных университетах.

Современные исследования представлены в работах А.Л. Журавлева и А.В. Юревича (Журавлев, Юревич, 2016; Журавлев, Юревич 2016; Юревич, 2016), где авторы предлагают компоненты патриотизма и предпринимают попытку дать определение патриотизму как социально-психологической категории. Т.П. Емельяновой и Т.В. Дробышевой (Емельянова, 2016;

Емельянова, Дробышева, 2017) рассмотрены коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений, а также предложен методический прием для исследования динамики коллективных чувств к значимым коллективным объектам. Серия работ А.Н. Лебедева посвящена изучению типов патриотизма, факторов его формирования и экономической целесообразности (Лебедев, Гордякова, 2016; Лебедев, 2014). В.А. Соснин и В.А. Кольцова провели концептуально-терминологический анализ основных понятий, описывающих проблематику патриотизма, авторами рассмотрены основные функции и уровни функционирования явления (Кольцова, Соснин, 2005). А.А. Грачев предложил прикладную модель отношения человека к Отечеству, позволяющую соотнести ряд связанных друг с другом феноменов, и методы анализа формирования этого отношения (Грачев, 2018). Некоторые вопросы мировоззренческих переживаний отмечены в работах А.В. Сухарева по образам родной природы, М.И. Воловиковой в связи духовно-нравственным развитием личности, А.Д. Карнышева в положениях об экономическом патриотизме, А.М. Борисовой о мировоззренческой функции праздника, Н.В. Борисовой о роли патриотизма в отечественной культуре с позиций социально-психологического анализа.

Новизна данного исследования заключается в подходе к изучению любви к родине как мировоззренческому переживанию личности.

Концепцию мировоззренческих чувств С.Л. Рубинштейн начал разрабатывать в «Основах общей психологии» (Рубинштейн, 2007). Выстраивая иерархию эмоций от элементарных чувствований, аффективной чувствительности, к опредмеченным чувствам, самой высшей ступенью развития эмоциональности С.Л. Рубинштейн называет «мировоззренческие чувства». В последней работе «Человек и мир» он сформулировал центральную философскую проблему – проблему человека и его места в мире. К.А. Абульханова подчеркивает, что «именно в соответствии с этим философским контекстом чувства человека были им (С.Л. Рубинштейном) названы мировоззренческими. Это подразумевало, что их основой являются

отношения человека с миром...» (Абульханова, 2017). Естественно, что мировоззренческие чувства связаны с процессом формирования мировоззрения личности, ее мировоззренческих установок. С.Л. Рубинштейн не проводил границы между чувствами, эмоциями и переживаниями, употребляя данные категории как синонимы.

Для нашего исследования центральной категорией, нуждающаяся в разработке, является категория *переживания*. Важность этой категории для социальной психологии и психологии в целом отмечали многие и современные, и советские, и дореволюционные исследователи. На этапе пилотажного исследования мы опирались на подход Л.Р. Фахрутдиновой, которая рассматривает переживание как структурный элемент психики, который входит в сознание и находится в самом основании ментальных механизмов функционирования и развития человеческой психики, что обуславливает необходимость исследования структурно-динамической организации переживания и его закономерностей.

Несмотря на то, что в психологии существует множество определений категории переживание, считаем уместным добавить еще одно определение, относящееся к мировоззренческим переживаниям:

Мировоззренческие переживания – эмоциональные, когнитивные и конативные процессы, сопровождающие формирование и изменение мировоззрения личности и определение ее места в мире.

Переживание любви к родине, как и многие мировоззренческие переживания, формируется в раннем детстве и относится не только к географическому месту, «отчему дому», где человек родился, рос, вырос, а к переживанию всех разнообразных взаимоотношений с родителями, учителями, соседями – со всеми кругами своего социально-психологического пространства.

Влияние на формирование мировоззрения и мировоззренческих переживаний оказывают праздники, традиции, обычаи, причем не только семьи, двора и села, но и всей страны, большой Родины. В переживании

личности любви к родине объединяются когнитивные, эмоциональные и волевые процессы, которые в психике существуют в единстве. Таким образом, переживание любви к родине является, с одной стороны, глубоким мировоззренческим переживанием личности, с другой стороны, – социальным переживанием. По мере взросления на формирование мировоззрения, а, следовательно, и на мировоззренческие переживания оказывают влияние как внутренние, личностные характеристики и процессы, так и социально-психологические события и явления.

Любовь к родине – естественное человеческое чувство, осознанное переживание человеком единства со своей родиной, однако, в социально-психологическом контексте оказывается далеко не таким простым и очевидным, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, стоит отметить методологическую сложность разработки в психологии категории «любовь». Любовь рассматривается обычно при изучении эмоциональной сферы человека, а многоплановость и многозначность этого чувства не позволяет исследователям дать единое определение, которое охватило бы все сферы его проявления в жизни личности и общностей. В обыденной речи и в научных статьях под любовью понимают разное: я люблю родителей, люблю свой институт, люблю украинский борщ, а еще есть христианская любовь, есть Заповедь Иисуса Христа: «... да любите друг друга...» (Ин. 13: 34–35). Любовь как потребность, состояние, влечение, эмоция, сострадание, утверждение, отношение, деятельность, заповедь, идеал, воля, установка, потребность, необходимость.

Прежде всего, считаем нужным отметить процессуальный характер любви. Пытаясь дать определение любви, мы осознаем, что словами установить ее пределы, понять ее, исследовать практически невозможно, поскольку мы вторгаемся в великую тайну.

Поэтому мы даем самое распространенное определение любви.

Любовь – чувство глубокой привязанности и устремленность к другому человеку или объекту.

Любовь к родине – переживание несколько более сложное, чем другие виды любви. Сложность возникает из-за неопределенности объекта любви. Когда человек говорит, что любит родину, то под родиной могут пониматься разные объекты, наиболее часто это родная природа, «отчий дом», родной город, государство Россия, народ, история и традиции, культура, духовные ценности своего этноса. Чаще под родиной человек подразумевает не конкретный объект из вышеперечисленных, а более сложный и менее определенный словами конструкт, включающий комбинации из перечисленных объектов любви, а также зрительные и чувственные образы.

В исследование любви к родине включено относительно новое социально-психологическое понятие – *социальные аксиомы*, которое требует пояснения.

Социальные аксиомы – это набор утверждений, отражающих наиболее общие верования относительно себя и окружающего мира (физического, социального, духовного). Аксиома имеет вид «А связано с Б». И в этом ее отличие от ценностных ориентаций, который имеют вид «А – это хорошо». Аксиомы появились в результате кросс-культурного исследования в 45 странах (Leung et al., 2002; Leung, Bond et al., 2004; Bond, Leung, 2004). По замыслу авторов ценностные измерения далеко не всегда связаны с поведенческими установками, и поэтому предложено новое измерение, которое более связано непосредственно с поведением людей. Респонденту надо выразить степень (от 1 до 5) своего согласия с утверждением типа «Хорошие события происходят с хорошими людьми», «Все во Вселенной предопределено», «Систематическая работа – гарантия успеха». Благодаря огромной работе по отбору универсальных, т.е. не связанных с культурой социальных аксиом, были выбраны утверждения, которые выявляют не только поведенческие установки, но и связаны с мировоззрением человека. Вопрос остается, насколько универсальна факторная структура социальных аксиом, и как они связаны с поведенческими и мировоззренческими установками.

Социальные аксиомы объединились в несколько блоков: *религиозность, межличностная гармония, социальный цинизм, зависимость от судьбы, социальная сложность, контроль судьбы, награда за усилия.*

1 Описание исследования

Исследование началось с попытки изучения патриотических переживаний россиян. Мы столкнулись с трудностью не столько методологической по определению категории «патриотизма», сколько с политизированностью и психологическими воздействиями по типу манипуляции на патриотические переживания в СМИ, в социальных сетях. Поэтому была выбрана более «спокойная» категория, которая однозначно воспринималась респондентами – любовь к родине. Любовь к родине, как и ожидалось, – это естественное человеческое переживание, практически все согласившиеся принять участие в исследовании любят свою родину (в исследовании помимо россиян включены киргизы, казахи, белорусы и украинцы, проживающие в настоящее время в России).

Исследование основное проходило в два этапа – пилотажная выборка формировалась в 2016 г., а основная летом 2018 г.

Две выборки имеют существенное отличие в количестве критических и ругательных слов-ассоциаций, в 2016 г. это был единичный случай, а в 2018 г. 17 слов-ругательств обнаружены в 7 анкетах. Кроме того, увеличилось и количество слов-ассоциаций, окрашенных критически: воровство, нищета, бесчеловечность, глупость и пр., всего 47 критических ассоциаций из 941.

Некоторые респонденты прямо заявляли, что родину (У вас везде с маленькой буквы, нужно единообразие?) не любят, что это лишь территория, а патриотизм – пропаганда госчиновников.

В связи с этим категория «нелюбовь» к родине должна быть осмыслена.

На первом этапе было проведено пилотажное исследование, продолжающее серии исследований коллективных переживаний в больших

группах. Ранее был изучен феномен праздника, который рассматривался как коллективное эмоциональное состояние радости; динамики коллективных эмоциональных переживаний по поводу Олимпиады в Сочи. Начато исследование коллективных переживаний миссии компании в больших организациях.

Качественный анализ показал, что любовь к родине является глубоко личностным переживанием, и мы пока оставляем вопрос открытым – является ли любовь к родине только личностным переживанием или, имея общий объект для любви (родина), мы можем говорить о коллективном переживании. Механизмы коллективных и индивидуальных мировоззренческих переживаний в отношении родины также представляют огромный научный интерес.

Цель исследования – выявление структуры и механизмов феномена мировоззренческого переживания любви к родине.

Задачи исследования

- **Теоретические:**

1. определение категорий переживание, коллективное переживание;
2. построение типологии переживания любви к родине;
3. выявление предикторов актуализации переживаний любви к родине.

- **Эмпирические:**

1. классификация ассоциаций (стимульное слово *родина*);
2. выявление типичных ситуаций особенно сильного переживания любви к родине;
3. классификация образов настоящих патриотов;
4. выявление типов любви к родине;
5. выявление взаимосвязей типов любви к родине с социальными аксиомами;
6. выявление взаимосвязи типичных ситуаций проявления любви к родине с социальными аксиомами

7. выявление взаимосвязи типичных образов настоящего патриота с социальными аксиомами;
8. выявление демографических (пол и возраст) различий у представителей разных типов любви к родине;
9. выявление предикторов социальных аксиом в любви к родине.

1.1 Основная гипотеза

Формирование мировоззренческого переживания любви к родине связано с личностными, групповыми, межгрупповыми и социетальными факторами, а также со значимыми переживаемыми событиями личной и общественной жизни.

Частные гипотезы

1. Существуют разные типы любви к родине, отличающиеся классами ассоциативных связей со словом «родина» и связанные с различными блоками социальных аксиом.
2. Типичные ситуации проявления любви к родине имеют разные связи с социальными аксиомами в зависимости от типа ситуации.
3. Когнитивные компоненты переживания любви к родине имеют разные связи с социальными аксиомами и демографическими характеристиками.

Методики исследования

1. Ассоциативный эксперимент (для выделения аффективной и конативной компонент и построения типологии любви к родине).
2. Сочинение-описание ситуации, события, случая из жизни, когда Вы испытали особенно сильно чувство любви к родине. Что Вы тогда чувствовали? Сколько лет Вам было? (для построения классификации ситуаций).
3. Проективная методика — «Кто по-настоящему любит родину, объяснить почему» (для выделения когнитивного компонента).
4. Качественный анализ ответов респондентов.
5. Контент-анализ эмпирических данных:

- ассоциации;
- ситуации, в которых проявляется переживание любви к родине;
- человек/персонаж, который по-настоящему любит родину.

6. Краткая версия опросника «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой (Leung, Bond, 2004; Татарко, Лебедева, 2008).

Анкета и платформа исследования

Сбор данных проводился в июне – сентябре 2018 г., анкета размещена на странице FaceBook. Использовалась платформа построения опросников Limesurvey (<https://www.limesurvey.org/>), которая позволяет непосредственно экспортировать результаты опроса в SPSS.

Анкета содержала две группы вопросов:

1. авторская «О любви к родине» (ассоциативный эксперимент, проективные методики);
2. адаптированная к российской аудитории методика социальных аксиом.

Характеристики выборки

Выборка содержит 299 человек, из них 189 мужчин и 110 женщин. Выборка формировалась в социальной сети Facebook, предоставляющей возможности таргетированного показа анкеты, с выбором пола, возраста и региона проживания.

Таким образом, респонденты представляют все регионы России, сбор данных продолжается, т.к. предполагается выравнивание выборки по демографическим показателям. Желаемое количество респондентов – 2000 человек, что позволит более качественно провести статистическую обработку эмпирического материала.

Возраст респондентов от 21 до 81 года со смещением в более зрелый возраст (средний возраст 52 года), поскольку более старшие респонденты, мужчины и женщины, гораздо охотнее отвечали на вопросы анкеты.

Таблица 1. Распределение выборки по возрастам

Возраст	Количество	Доля
21-29	10	3,3%
29-45	62	20,7%
46-60	125	41,8%
61-75	90	30,1%
75+	12	4,0%
Всего	299	100,0

Ассоциативный эксперимент и контент-анализ

По ответам на анкету был проведен контент-анализ, в результате которого ассоциации были распределены по 21 группе, ситуации – по 19, герои/персонажи – по 11. Для проведения кластерного анализа номинальные переменные указанных типов были преобразованы в соответствующее число бинарных переменных.

Ассоциативный эксперимент

Респондентам предложено написать 3 слова, которые приходят в голову со словом «родина». В таблице 2 приведены группы ответов, раскрывающих содержание понятия «родина». В дальнейшем предполагается более масштабное исследование, по результатам которого будет предложено более структурированное содержание понятия родина.

Таблица 2. Количество ассоциаций по группам

Группа	Количество ассоциаций
гордость (стабильность, огромная, уверенность, честь, ...)	125
образы природы (березки, бор, зима, запах степи, коряга, река, ...)	105
родные, близкие (друзья, знакомая, моя семья, отец, ...)	100
дом (дом, домик в деревне, крыльцо, родной дом, ...)	69
ценность (долг, искренность, красота, труд, ...)	65
мать (кормилица, мама, мать, ...)	60
географическая идентичность (Алтай, Байкал, Васильевский, мой город, Москва ...)	57
критика (агрессия, бандиты, нищета, оккупация, плохие	47

дороги...)	
история, прошлое (могилы, память, предки, СССР, ...)	39
отечество (отечество, отчизна, патриотизм, Россия, ...)	39
город/деревня (аптека, архитектура, малая родина, село, ...)	27
эмоция (смерть, страдание, страх, уют, комфорт, ...)	24
культура (культура, литература, Николай Рубцов, язык, ...)	22
родное (родной, родной город, родной край, я тут родился, ...)	18
сочувствие (больная, жалко, испытания, какая уж есть, ...)	18
государство (гимн, конституция, народ, Путин, ...)	17
ругательство (сволочь, уродина, химера, чушь, ...)	17
вера (душа, православие, святое, храмы, ...)	10
защита (армия, беречь, воины, защита, ...)	10
русское (русская культура, русский пейзаж, русский язык, ...)	10
не определено	14

Вопрос: Опишите ситуацию, событие, случай из Вашей жизни, когда Вы особенно сильно испытали чувство любви к родине. Что Вы тогда чувствовали? Сколько лет Вам было? *

По результатам контент-анализа ответов респондентов были сформированы следующие группы жизненных событий и ситуаций, которые запомнились человеку как особенно волнительное переживание любви к родине (см. табл. 3).

Таблица 3. Количество ситуаций по группам

Ситуация	Количество ответов
Ностальгия/ воспоминания прошлого (детства – СССР)	52
Не помню – всегда (с молоком матери)	40
Возвращение/нахождение за границей	32
Образы родной природы	21
Не помню – никогда	21
Достижения в спорте, науке, экономике	18

Путешествия по России	17
День Победы	12
События августа 1991 г.	12
Герои, выдающиеся люди	9
Городской/деревенский пейзаж	9
Угроза, война	9
Олимпиада	8
Отчий дом, возвращение	8
Культура – русские песни, русская литература, памятники, язык	6
Крым вернулся	6
Мой народ	3
Бессмертный полк	2
Майдан	2
Прочее	12
Всего	299

Вопрос: Назовите человека или литературного (сказочного, былинного) героя, который, по Вашему мнению, по-настоящему любит Родину

По результатам контент-анализа ответов респондентов и выделения смысловых единиц были сформированы следующие группы (см. табл. 4):

Таблица 4. Количество упомянутых героев по группам

Группа	Количество в группе
писатели/поэты	53
выдающаяся личность, современник	47
литературный герой	33
богатыри	31
герои и их подвиги	30
историческая личность (умершие)	26
затрудняюсь ответить	23
прочее	23
обычные люди	12
солдаты, воевавшие за Родину	11
персонаж сказок	10
Всего	299

Если в ответе было упомянуто несколько персонажей/героев, то в анализ включалась только категория первого из них.

Респонденты давали достаточно развернутые описания и обоснованные суждения, почему именно этот человек является настоящим патриотом. Это позволило предположить когнитивные переживания в структуре мировоззренческих переживаний любви к родине. Также стоит отметить большую роль в таких переживаниях ученых, писателей, истории страны и выдающихся исторических личностей в формировании мировоззренческих переживаний.

Кластерный анализ

Построение типов любви к родине могло идти разными способами, однако, имея ассоциации, размеченные по нескольким группам, предпринята попытка использовать статистические возможности деления на классы и дана интерпретация получившимся классам. После проведения серии экспериментов с кластерным анализом, была подобрана метрика и метод измерения классов.

Для кластеризации по результатам предварительного исследования был выбран метод средней связи (внутри кластеров), в качестве метрики использовался Хи-квадрат между наборами частот, такой выбор обеспечил максимальную равномерность и согласованность кластеров. Число кластеров выбрано 4.

Типы любви к родине

С помощью кластерного анализа по методу иерархической кластеризации (метод средней связи внутри кластеров, в качестве метрики использовался критерий Хи-квадрат между наборами частот) нами было выделено четыре кластера.

Таблица 5. Демографические характеристики кластеров.

Номер	1	2	3	4	Все
-------	---	---	---	---	-----

кластера					
Название	Спокойные, семейные	Государственники	Чувственные, любующиеся эстеты	Критики	
Количество человек	81	105	69	44	299
Пол (факт/ожд)					
М	51/51	59/66	45/44	34/28	189
Ж	30/30	46/39	24/25	10/16	110

Таблица 6. Частотные характеристики кластеров

Номер кластера	1	2	3	4	Все
Название	Спокойные, семейные	Государственники	Чувственные, любующиеся эстеты	Критики	
Количество человек	81	105	69	44	299
Характерные категории ассоциаций	среднее количество слов из категории на кластер				
Вера	0,04	0,04	0,04	0,00	0,04
Географическая идентичность	0,09	0,08	0,14	0,73*	0,19
Гордость	0,21*	0,93	0,14	0,0	0,42
Дом	0,53*	0,07	0,28*	0,00	0,23
Критика	0,01	0,09	0,0	0,84*	0,16
Культура	0,01	0,05	0,23*	0,0	0,07
Мать	0,40*	0,25*	0,01	0,02	0,20
Отечество	0,19*	0,17*	0,01	0,11	0,13
Природа	0,11*	0,04	1,29*	0,07	0,35
Близкие	0,88*	0,09	0,22*	0,11	0,33
Сочувствие	0,01*	0,06	0,04	0,18*	0,06
Ценность	0,05	0,49*	0,06	0,14*	0,08
Эмоции отрицательные	0,01	0,09	0,06	0,23*	0,08
Ругательство	0,02	0,11	0,01	0,05*	0,06

Первый кластер (N=81) *«Спокойные, семейные»*. Доля женщин и мужчин в этой группе не имеет значимых отличий от всей выборки. Уровень позитива в этой группе, как и в третьей, максимален (2.9) при минимальном уровне негатива. В ассоциативном эксперименте преобладают ассоциации, связанные с понятиями отчий дом, малая родина, семья

Второй кластер (N=105) *«Государственники»*. Доля женщин в этой группе (N=46 против ожидаемых 38) больше, чем во всей выборке на уровне значимости 0.1. Уровень позитива в этой группе не отличается от всей выборки. В ассоциативном эксперименте преобладают ассоциации, связанные с ценностями, гордостью страной, государством.

Третий кластер (N=69) *«Чувственные, любующиеся эстетой»*. Доля женщин и мужчин в этой группе не имеет значимых отличий от всей выборки. Уровень позитива в этой группе, как и в третьей, максимален (2.9) при минимальном уровне негатива. В ассоциативном эксперименте преобладают ассоциации, связанные с природой и культурой.

Четвертый кластер (N=44) *«Критики»*. Доля мужчин в этой группе (N=34 против ожидаемых 28) больше, чем во всей выборке на уровне значимости 0.1. Уровень позитива в этой группе минимален (0.77) при максимальном уровне негатива (1.11). В ассоциативном эксперименте преобладают критические ассоциации, а также связанные с географической идентичностью.

Ругательные ассоциации равномерно распределились по всем кластерам, что говорит о том, что сами по себе они не группируются в отдельный кластер.

Различия в измерениях социальных аксиом для разных подгрупп исследованной аудитории

Анализ распределения значений блоков социальных аксиом

Для выбора методов исследования связи необходимо выяснить, имеет ли распределение значений блоков социальных аксиом нормальное распределение. Тест Колмогорова-Смирнова дает отрицательный ответ для

всех блоков, что требует для выявления закономерностей использовать непараметрические критерии (Краскела Уоллеса).

Различия в выраженности социальных аксиом в зависимости от типа любви к родине

Значимые различия ($p < 0.05$) наблюдаются для блоков религиозности и контроля судьбы. Можно отметить следующие существенные отличия (см. таб. 7):

- представители типа «Критики» имеют наименьший уровень фактора *религиозности* (1.99 против 2.68 в среднем по выборке и 2.94 для типа «Государственники»),
- представители типа «Спокойные, семейные» имеют наибольший уровень фактора *контроль судьбы* (2.95 против 2.76 в среднем по выборке и 2.52 для типа «Чувственные, любующиеся эстеты»).

Таблица 7. Выраженность социальных аксиом в зависимости от типа любви к родине

Блок социальных аксиом	Максимальные значения	Минимальные значения	Средн по выборке
Религиозность	«Государственники» (2.94)	«Критики» (1.99)	2.68
Контроль судьбы	«Спокойные, семейные» (2.95)	«Чувственные, любующиеся эстеты» (2.04)	2.76

Различия в выраженности социальных аксиом в зависимости от переживаемой ситуации проявления любви к родине

Значимые различия ($p < 0.05$) наблюдаются для блоков *религиозности* и *контроля судьбы*. Можно отметить следующие существенные отличия (см. табл.8):

- по *религиозности* наименьшие значения имеются у респондентов, указавших ситуации «отчий дом» (1,78) и «не помню, никогда» (1.77), максимальные – «бессмертный полк» (4,38) и «мой народ» (4.08) при среднем значении 2.68;
- По *контролю судьбы* наименьшие значения имеются у респондентов, указавших ситуации «не помню, никогда» (2.04), максимальные – «бессмертный полк» (4.17) и «мой народ» (3.89) при среднем значении 2.76.

Таблица 8. Выраженность социальных аксиом в зависимости от переживаемой ситуации проявления любви к родине

Блок социальных аксиом	Максимальные значения	Минимальные значения	Средние по выборке
Религиозность	«бессмертный полк» (4,38) «мой народ» (4.08)	«отчий дом» (1,78) «не помню, никогда» (1.77)	2.68
Контроль судьбы	«бессмертный полк» (4.17) «мой народ» (3.89)	«не помню, никогда» (2.04)	2.76

Различия в выраженности социальных аксиом в зависимости от содержания представлений о настоящем патриоте

Значимые различия ($p < 0.05$) в выраженности социальных аксиом наблюдаются для блоков *межличностной гармонии* и *награды за усилия* (см. табл. 9). Можно отметить следующие существенные отличия:

- по *межличностной гармонии* наименьшие значения имеются у респондентов, чьи представления о настоящем патриоте связаны с понятиями «историческая личность» (3.07) и «персонажи сказок» (3.12), наибольшие связаны с понятиями «богатыри» (3.88) и «солдаты, воевавшие за родину» 3.86 при среднем 3.54;

- по награде за усилия наименьшие значения имеются у респондентов, чьи представления о настоящем патриоте связаны с понятиями «историческая личность» (3.24) и «персонажи сказок» (2.92), наибольшие связаны с понятиями «богатыри» (3.82) и «солдаты, воевавшие за родину» (4.18) при среднем 3.45.

Таблица 9. Выраженность социальных аксиом в зависимости от содержания представлений о настоящем патриоте

Блок социальных аксиом	Максимум	Минимум	Сред н.
Межличностная гармония	«богатыри» (3.88) «солдаты, воевавшие за родину» 3.86	«историческая личность» (3.07) «персонажи сказок» (3.12)	3.54
Награда за усилия	«богатыри» (3.82) «солдаты, воевавшие за родину» (4.18)	«историческая личность» (3.24) «персонажи сказок» (2.92)	3.45

Демографические различия у представителей разных типов любви к родине

Доля мужчин в группе «Критики» больше по сравнению со всей выборкой. Доля женщин в группе «Государственники» больше по сравнению со всей выборкой ($p < 0.1$) (см. табл. 10).

Таблица 10. Демографические характеристики различных типов любви к родине

			Пол		Всего
			м	ж	
Тип	Спокойные, семейные	Количество	51	30	81
		Ожидаемое количество	51,2	29,8	81,0
	Государственники	Количество	59	46	105
		Ожидаемое количество	66,4	38,6	105,0

	Чувственные, любующиеся эстеты	Количество	45	24	69
		Ожидаемое количество	43,6	25,4	69,0
	Критики	Количество	34	10	44
		Ожидаемое количество	27,8	16,2	44,0
Всего	Количество		189	110	299
	Ожидаемое количество		189,0	110,0	299,0

Таблица 11. Оценка статистической значимости различий демографических характеристик.

Критерии хи-квадрат			
	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	6,088 ^a	3	0,107
Отношения правдоподобия	6,324	3	0,097
Количество допустимых наблюдений	299		

Анализ взаимосвязи уровней позитива и негатива в ассоциациях и показателей по социальным аксиомам (регрессионный анализ)

Для применения регрессионного анализа по ассоциациям из бинарных переменных были рассчитаны два показателя – уровень позитивных ассоциаций и уровень негативных ассоциаций. Для этого все ассоциации были разбиты на два класса – позитивные и негативные и было посчитано их количество для каждого испытания.

Нормальность распределения указанных данных подтверждена по критерию Колмогорова-Смирнова. Применен *регрессионный анализ с пошаговым исключением* с пределами F-критерия от 0,05 до 0,1.

Результат по двум переменным приведен ниже. В обоих случаях итерации остановились на факторах (блоках) социальных аксиом Р – религиозность, Г – межличностная гармония, КС – контроль судьбы, причем стандартизованные коэффициенты говорят, что влияние на положительное отношение к родине факторов религиозности и межличностной гармонии примерно равен и больше влияния фактора «контроль судьбы».

Коэффициенты согласуются между собой с учетом противоположного знака, что говорит об устойчивости модели позитивных и негативных ассоциаций и ее соответствия методике социальных аксиом (см. табл. 12).

Таблица 12. Коэффициенты регрессии для уровня негативных ассоциаций и блоков социальных аксиом.

Коэффициенты^а					
Независимые переменные	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Бета		
(Константа)	1,235	,175		7,060	<0,001
Религиозность	-,085	,035	-,157	-2,408	0,017
Межличностная гармония	-,138	,051	-,170	-2,692	0,008
Контроль судьбы	-,088	,045	-,119	-1,985	0,048
а. Зависимая переменная: уровень негативных ассоциаций					

Таблица 13. Коэффициенты регрессии для уровня позитивных ассоциаций и блоков социальных аксиом.

Коэффициенты^а				
Независимые переменные	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость

	В	Стандартная ошибка	Бета		
(Константа)	1,663	,175		9,487	<0,001
Религиозность	,090	,035	,164	2,535	0,012
Межличностная гармония	,155	,051	,190	3,033	0,003
Контроль судьбы	,093	,045	,124	2,093	0,037
а. Зависимая переменная: Уровень позитивных ассоциаций					

Факторы формирования переживания любви к родине.

Концептуальная схема

Результаты исследования

По результатам обработки гипотезы подтвердились частично.

1. Отличия по типам любви к родине в распределении значений показателей наблюдаются для блоков *религиозности* и *контроля судьбы*, при этом уровень *религиозности* для «критиков» меньше, чем в среднем по выборке.

2. Отличия по типичной ситуации проявления любви к родине в распределении значений показателей наблюдаются для блоков *религиозности* и *контроля судьбы*.

3. Отличия по типичному образу настоящего патриота в распределении значений показателей наблюдаются для блоков *межличностной гармонии* и *награды за усилия*.

4. Отсутствуют значимые различия в возрастной структуре представителей разных типов любви к родине.

5. В типе «критики» доля мужчин больше, чем в исходной выборке (34 против 10 вместо ожидаемого 28 против 16) при уровне значимости 0.1, что больше обычно используемого значения 0.05.

Трехкомпонентная (когнитивные, аффективные и конативные компоненты) модель феномена мировоззренческого переживания на примере переживания любви к родине

Как и во многих явлениях психики, все три компоненты пребывают в единстве психического процесса, а рассмотрение их по отдельности – это лишь метод научного анализа сложного явления.

Для выделения вышеперечисленных компонент были проанализированы описания, которые респонденты оставили на просьбу назвать конкретного

человека или литературного героя, который, по его мнению, по-настоящему любит родину, а также объяснить, почему он/она так считает. Большинство предоставили развернутые объяснения. Такие рассуждения можно анализировать как когнитивный компонент переживания любви к родине.

Прежде всего, надо отметить *деятельный* характер настоящего патриота, т.е. любящий свою родину человек должен что-то для нее сделать. Приведем примеры того, что, по мнению респондентов, должен делать по-настоящему любящий родину человек:

- сделать так, чтоб родину уважали;
- защищать родину;
- отдать жизнь за родину;
- развивать науку;
- верить в Россию;
- объединить все русское;
- оставить творческое наследие;
- обличать язвы действительности;
- утверждать наши ценности в художественных произведениях;
- вывести страну в передовые державы.

Т.е. можно утверждать, что в переживаниях любви к родине присутствует когнитивный и конативный компоненты. Аффективный компонент более очевиден, он проявляется гораздо чаще в обсуждениях на тему, как же правильно надо любить родину.

Любовь к родине – переживание латентное, т.е. каждый день никто не думает, насколько и как он любит родину. Дискуссии в СМИ о патриотизме, похоже, совсем не сказываются на переживании любви к родине. Однако, мы отмечаем ситуации, когда любовь к родине вдруг выступает на первый план. Более подробный анализ этих ситуаций позволит понять механизмы возникновения феномена *коллективных переживаний* любви к родине. Великая Отечественная война была выиграна именно на коллективных переживаниях,

на том единстве переживаний народа, которое образовалось в связи с нападением Германии на СССР. Ситуации опасности для родины вызывают очень быструю коллективную аффективную реакцию, возникают коллективные эмоциональные состояния, переходящие в коллективные переживания, приводящие к усилению идентичности личности со своей родиной, далее к коллективной мобилизации и готовности действовать. По результатам проведенного исследования можем предположить, что личностное переживание любви к родине в случае внешней угрозы родине может быстро выйти на первый план по сравнению с другими переживаниями и превратиться в коллективные. Факторы, определяющие такой переход, на данный момент мало изучены и представляют научную проблему социальной психологии.

Выводы

1. Рассмотрение переживания любви к родине как мировоззренческого переживания затрагивает фундаментальные проблемы психологии личности и социальной психологии, а поэтому является перспективным направлением дальнейших исследований.
2. Определение категории переживания любви к родине по трехкомпонентной модели (аффективному, когнитивному и конативному компонентам) получила эмпирическое подтверждение, т.е. все три компонента присутствуют в переживании любви к родине.
3. Социальные аксиомы могут быть инструментом не только для изучения поведения, но и более глубоких пластов человеческой психики, связанных с мировоззренческими переживаниями, сопровождающими формирование и изменение мировоззрения человека.
4. Любовь к родине как мировоззренческое переживание взаимосвязано с такими свойствами личности как религиозность (или склонность к вере), гармония в межличностных отношениях и контроль судьбы.
5. Одним из пусковых механизмов формирования коллективных переживаний любви к родине является ситуация «родина в опасности». И

чем больше и реальной угроза и опасность, тем ярче выражены коллективные мировоззренческие переживания любви к родине.

Перспективы новых исследований любви к родине как мировоззренческого переживания личности

Настоящее исследование является поисковым, поэтому в завершении некоторого этапа работы можно предложить перспективные направления для будущих исследований.

1. Разработка теоретической модели взаимодействия компонент в мировоззренческих переживаниях.
2. Рассмотрение мировоззренческого переживания должно отражать его процессуальность и динамичность. Наиболее перспективным является онтологический подход к изучению данного феномена.
3. Изучение механизмов возникновения коллективных переживаний очень перспективны именно в связи с переживанием любви к родине, поскольку есть исторический опыт коллективного переживания нападения Германии на нашу страну. Без такого единения наша Победа была бы невозможна.
4. Перспективным направлением является фундаментальная проблема детерминации переживания любви к родине, как коллективного, так и индивидуального. Анализ ситуаций, когда человек особенно сильно испытывает чувство любви к родине, дает возможность сформулировать гипотезы для более фундаментального исследования факторов и детерминант любви к родине.
5. Отдельным направлением для исследований может стать вопрос о направленности во времени человека в переживании любви к родине, где он видит опору для своих переживаний – в прошлом, настоящем или будущем России.
6. Необходимо дополнительное исследование противоположной категории – нелюбви к родине. В проведенном исследовании эта

нелюбовь проявилась в форме ненависти к родине, даже отрицания возможности любить родину. Причины такого проявления нелюбви не очевидны, поэтому предполагается свободное интервью с носителями нелюбви. В настоящее время замечено только, что у нелюбви есть внешняя и внутренняя детерминация.

7. Феномен «второй родины» тоже не изучен, речь идет о разного рода мигрантах, современных и прошлых веков. Известно, что первый ректор Санкт-Петербургского университета Г.Ф. Миллер родился в Германии, но искренне полюбил Россию, его жизнь иначе, как служением родине (России), не назвать. В выборке настоящего исследования участвовали киргизы, белорусы, украинцы, которые с особой теплотой описывали свои переживания любви к родине-России. Исследования О.И. Маховской по адаптации мигрантов показывают разные стратегии адаптации россиян в новой культурной среде, а также отмечают мировоззренческую и адаптационную роль переживаний любви к родине России. Какую роль в жизни человека играют переживания любви к первой и второй родине, возможно ли гармоничное совмещение таких переживаний? Такая тема может стать отдельным научным исследованием.

Литература

Абульханова К.А. Мировоззренческие чувства//Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017, Т.1 №1. С. 121–155. URL: <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document192.pdf> (дата обращения: 22.09.2018).

Грачев А.А. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2. С. 134–153. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших групп. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g16/t1-1.html> (дата обращения: 22.09.2018).

Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений: сравнительный анализ групп студентов православных и светских вузов. // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 53. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1427-emelyanova53.html> (дата обращения: 22.09.2018).

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Проблемы российского патриотизма / /Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 56–69.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.

Ильин И.А. Обретение Родины / публикация И.П. Хабарова // Российские вести. М.: 1991. № 17. С. 10–11.

Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.

Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т.1. №1. С. 23–40. URL: <http://soc-economp-sychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (дата обращения: 15.10.2016).

Лебедев А.Н. Проблемы патриотического воспитания студентов российского вуза // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2014. № 2 (14)

Муращенкова Н.В. Социальные представления молодежи о патриотизме // Психология и Психотехника. 2015. 10. С. 1010–1020 DOI: 10.7256/2070-8955.2015.10.16241

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: учебное пособие. СПб.: Питер, 2007.
Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008 . М., Т. 5. No 4. С. 135–143.

Юревич А.В. Патриотизм как психологическая проблема. Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 2 (78). С. 13–21.

Leung K., Bond M.H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. 36. 119–197.

LOVE FOR THE MOTHERLAND AS A PERSON'S WORLDVIEW EXPERIENCE

S.V. Tikhomirova*

*Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, RAS

129366, Moscow, st. Yaroslavskaya, 13-1.

Email: sti@ipras.ru

The article presents the results of a search empirical study of love for the motherland as an ideological experience. Constructed typology. The study included relatively new concepts of social axioms, comparable social axioms and types of love of country. You see that human communication is associated with personal, group, intergroup and societal factors. A conceptual model of experiencing love for the motherland is proposed. The mechanisms of the transition of personal experiences of love of country to the collective are considered. The ideological experience of the personality of love for the motherland.

Keywords: love of motherland, category of experience, worldview feelings, collective worldview experiences, social axioms

ПРОГНОЗЫ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА О ТРЕНДАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ*

© 2018 г. Ширков Ю. Э.**, Рчеулишвили А.Н.***

**Кандидат психологических наук,

старший научный сотрудник кафедры социальной психологии,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 125009, Москва, ул.

Моховая, д.11, стр. 9.

e-mail: shirkov@mail.ru

*** Студентка кафедры социальной психологии,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 125009, Москва, ул.

Моховая, д.11, стр. 9.

e-mail: anacaot2@gmail.com

Аннотация: В данной работе представлен анализ результатов экспертных обсуждений в формате «мирового кафе» и студенческих форсайт-сессий о будущем социальной психологии с горизонтом 2035 г. с точки зрения перспектив дидактической коммуникации. Цель работы состояла в прогнозировании системы линий и опорных точек развития образовательной сферы науки. Для этого была использована метафора схемы метрополитена с его хорошо понятной топологией. Материалы были собраны в рамках круглого стола на конференции «Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики» благодаря командной работе сотрудников и студентов кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, а также участников конференции. Собранные данные были интерпретированы средствами контент-анализа и качественного анализа. Результаты описывают основные направления развития социальной психологии как образовательной дисциплины, показывают положительный опыт применения метода «мирового кафе» для экспертного прогнозирования, дают педагогическому и научному сообществу опору для расстановки приоритетов в формировании дидактических программ и коммуникаций.

Ключевые слова: мировое кафе, форсайт-сессия, социальная психология, прогнозирование, перспективы развития

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект 17-06-00675.

Популяризации методов групповой работы не всегда отводится важное место в научном дискурсе. Другая судьба у метода «мирового кафе» (WorldCafé), опирающегося на понятную всем и близкую многим идею «тусовки» (Brown J., Isaac D., 2005). Общая суть этого методического решения – в разделении проблемной задачи на несколько смысловых узлов, которые насыщаются потоком свежих восприятий. Технически реализация метода выглядит так. Участники сессии перемещаются между столиками «кафе», за которыми постоянно находятся резиденты этих точек, посвященных частным аспектам общей темы группового обсуждения. «Тусовщики» знакомятся за каждым столиком с накопленным до них опытом по данному аспекту, делятся собственными свежими впечатлениями, а затем перемещаются дальше. Так за столиками вырастает соборное видение разных аспектов общей задачи. Большое мотивирующее значение процессу придает его подобие непринужденному досуговому общению, которое специально стимулируется выразительным антуражем – бумажными скатертями для записок, стилистикой светского разговора, отсутствием групповых решений в пользу ценности индивидуальных впечатлений.

В нашем исследовании данный метод был использован для решения задачи моделирования будущего социальной психологии. Материал был собран на конференции, посвященной юбилею кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова (Инновационные ресурсы социальной психологии, 2017). В групповой сессии 5 декабря 2017 г. участвовали несколько десятков участников конференции – специалисты в области социальной психологии. Также в материал для анализа были включены результаты двух пилотажных сессий, проведенных со студентами выпускных курсов кафедры социальной психологии на занятиях профессора Т.Ю. Базарова. Собранный материал, зафиксированный графически и в форме текстов объяснений можно рассматривать, как репрезентативный для экспертного сообщества социальных психологов. Источник авторства

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
собранных материалов – коллективный, а ответственность за его интерпретацию принадлежит авторам данной публикации.

В целях усиления непринужденности досугового ощущения модели кафе, была использована метафора схемы метрополитена. Участники групповой сессии решали задачу планирования сегментов метро, отражающих линии развития социальной психологии в перспективе 2035 г. Один из этих сегментов был посвящен образовательной социальной психологии. В данной статье мы рассмотрим только эту часть, которая связана с образовательным аспектом науки. Три других аспекта – академический, прикладной и практический – заслуживают отдельного рассмотрения.

Для образовательной социальной психологии были разработаны в два этапа четыре магистрали и порядка двух десятков «станций» – узловых точек развития.

Линии развития разрабатывались на предварительном этапе работы студентов в формате форсайт-сессий. Результатом форсайтов являются карты будущего, которые описывают актуальные тренды, барьеры и последствия изменений: социальные, технологические, экономические, политические и др. (Нестик, 2018). Для прогноза развития науки, конечно же, в большей степени интересны содержательные перемены, а не STEP-факторы исторического контекста, меняющегося по своим правилам. В этот раз дискуссия не затронула общественных изменений, сопровождающих развитие научной отрасли, а сосредоточилась на внутренних переменах конкретной научной дисциплины, трансформации ее предмета и отношений внутри профессионального сообщества.

Первоначально участниками групповых дискуссий были предложены изменения, хорошо заметные со студенческой позиции. Прогнозируя развитие сферы выбранной профессиональной деятельности, студенты фокусировались на расширении новшеств в области дидактической коммуникации сегодняшнего дня, на собственном карьерном плане в будущем, на месте научной деятельности в системе глобальных отношений. В этом – и ценность, и

ограничение представлений студентов, как объекта образовательных отношений. Было названо несколько десятков перспектив развития образовательной социальной психологии. Зафиксированные идеи можно разделить на три категории. К первой категории – «Отношения ученик-учитель» – относится 10% всех предложенных изменений. В нее вошли идеи, касающиеся сотрудничества учеников и учителей, а также возможных новых участников учебного взаимодействия. Ко второй категории – «Формат образовательного процесса» – относится 36% всех предложенных идей. В качестве примера можно привести такие перспективы, как *увеличение числа конференций, web-трансляции, свободный доступ к научным базам*. Последняя категория – «Место социально-психологического образования в обществе» – получилась наиболее объемной и разнообразной. Ее примеры – *независимость социальной психологии от общественной оценки, сокращение публикаций в развлекательных СМИ, увеличение публикаций в научных изданиях*. В эту категорию вошло 54% всех предложений, причем, иногда взаимно исключающих. К примеру, одна из групп в качестве перспективы развития социальной психологии видит *увеличение финансирования и приток внешних ресурсов*, тогда как другая прогнозирует *независимость от сторонней помощи при проведении научных исследований*. Понятно, что речь идет об одном и том же тренде изменений пропорций в структуре финансирования, а различаются мнения о векторе этого развития. Но для полноценного использования экспертного потенциала приглашенных в «мировое кафе» специалистов в области науки, эта финансовая история должна уступить место научным вопросам, известным ученым и преподавателям в области социальной психологии.

Таких трендов также было названо достаточно много. Практическая ориентация в обучении ожидаемо проявится в *адаптации специалистов в условиях автоматизации труда*, в *разнонаправленном сужении специализаций* наряду с *расширением метакомпетенций*, в *оказании помощи в профессиональном самоопределении*. Социально-психологичны по сути

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
гибриды образовательного процесса с передовыми инструментами онлайн-среды: *интерактивные онлайн-площадки, игры, моделирование*. Сложился спрос на технологии самосовершенствования, новые подходы к формированию профессионального образа, проектные технологии или разрывы, уже потерявших актуальность образовательных традиций: *самостоятельное обучение, реализация индивидуального подхода, реализация совместного обучения преподавателей и студентов, изобретение новых методов оценки успеваемости*.

В итоге в качестве линий развития образовательной социальной психологии экспертному сообществу, собранному в «мировом кафе» были предложены «ценностно-смысловое обучение», «проектирование», «технологизация» и «индивидуализация обучения». При этом все магистрали, по предложению студентов, соединены между собой сквозной связью через «виртуальную реальность». В обсуждении ученых и преподавателей эти линии получили содержательное наполнение и детализацию.

В долгосрочной перспективе хорошо заметны приоритеты. На первом месте, как были, так и остались смысл и ценность образования. В этом широком объеме идея была только декларирована в названии линии. В фактическом раскрытии данной линии динамика смысла никак не проявилась. В перспективе менялись именно ценности.

На первой линии **«ценностно-смыслового обучения»** расположились такие смысловые точки («станции»), как *паритетная, межличностное общение с искусственным интеллектом, и экологическая*. В этом наборе заметна идея парного взаимодействия – паритет, как равенство ролей, искусственный интеллект в роли нового, фантастического партнера по взаимодействию, и, наконец, взаимодействие индивидуальности с предельно широкой средой. Меняются партнеры по процессу обучения, и с ними меняется смысл и ценность этого процесса. Равенство позиций учащегося и учителя не допускает динамики развития. Если оно достигается, динамика на этом останавливается. Смысловое развитие становится возможным в смене партнера. В текущем

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) моменте футурологического дискурса претендентом на эту роль большинству видится искусственный интеллект. Момент сменится, но потребность новой роли останется. Конъюнктурность лексики рассуждений о будущем заставляет переопределять даже вполне рабочие концепции, просто для оживления рассуждений. Понятие искусственного интеллекта даже не сформировалось, чтобы устаревать, но в картине будущего займет место, а не строчку в названии. Образовательный процесс, как коммуникация, будет задан прежде всего сторонами дидактического общения, и название для роли учителя будет не столько меняться, сколько расширяться. Это и обозначает тезис качественной смены паритетных отношений между сопоставимыми сущностями на отношения, в которых идея равенства не имеет смысла и ценности.

Долгосрочным рубежом этой динамики назван переход партнерства в дидактической коммуникации от интересубъектного к паре, в которой вторая сторона не представлена определенной инстанцией. Сегодня широко эта сторона обозначается экологией, средой в широком смысле слова. Со временем в этой широкой сфере неизбежно наступит более точная спецификация, и для успешного ученика не будет сложным вопросом как назвать средовые факторы то ли вещественного, то ли информационного, то ли энергетического характера, опосредующие его обучение.

Вторая линия ожидаемого развития образовательной социальной психологии получила от специалистов в данной области название **«проектирование»** и включила в качестве пунктов движения *планирование, зону ближайшего развития, личностное и профессиональное развитие, проектирование новых социальных сред и субъектов*. Ключевое слово для данного направления – *проект*. Идея этого понятия – в предельной собранности ресурсов для решения конкретной задачи. Для такой задачи важным качеством является «срочность». Во-первых, в связи с конечностью проекта, его обозримым «сроком». Во-вторых, проекты действительно часто происходят в обстановке цейтнота. Но срочность является неизбежным следствием проекта, а

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

условием его существования выступает задача, окончательно решенная. Проект – это выбор и решение определенной задачи. Проектирование, конечно, требует планирования действий, но оно подчинено выбору задачи, а задача потребует определенности и в графике действий, и в составе ресурсов. Первая «точка» этого движения – планирование – подразумевает, что выбор задачи уже произошел, а ресурсы по ее решению известны и распределены. Для образовательной социальной психологии момент планирования – это фиксация ясности выбранных целей, раз вопрос перешел в разряд техники их достижения. Концепция проекта важна конечностью процесса – и для учащегося, и для тех, кто его учит. Обучение, как проект – не подготовка к последующему процессу, а сам процесс, на котором проект заканчивается, а последующие проекты посвящены совсем другим задачам и требуют своих планов и перегруппировки ресурсов.

Со словом *проект* связана и последняя видимая точка на этом горизонте развития – *проектирование новых социальных сред и субъектов*. Современный человек удивится, когда узнает, что это будет действительно значить в 2035 году. Неизвестные нам усилия потребуются, чтобы выдвигать задачи для этих проектов. Решение этих задач будет более понятным, чем постановка. Достигшая современного состояния дидактическая коммуникация слишком долго развивалась поступательно и инерционно, чтобы допускать иные социальные среды и стороны взаимодействия в образовании. Названия для них еще просто не прозвучали.

Из современной ситуации в будущее можно спроецировать развитие тех ростков, которые видны уже сегодня. В качестве уверенного тренда из настоящего выводится ориентация на индивидуальную адаптивность обучения к возможностям учащегося – его *зону ближайшего развития*, а также признание неразрывности *личностного и профессионального развития*. В этом смысле педагогика должна вернуться в тридцатые годы двадцатого века – к воспитанию.

Этапами развития третьей магистрали, названной «технологизацией», стали *стандарты, кейс-среда, взаимное обучение, обучение в группе и медиатизация обучения*. Такие предположения обнажают недостаточность практической ориентации современной дидактической коммуникации, с одной стороны, и ограниченное использование совместных форм обучения, межличностного взаимодействия – с другой. Обучение, как форма массовой коммуникации, принимает на вооружение все новые технические решения в области контента и транспорта информации. Расширение и усложнение инструментов потребует упорядочивания их применения, унификации модулей, из которых может складываться индивидуальная траектория образования. Как и в других социальных процессах, в управлении образованием увеличивается системное сходство с программированием. Технологизация опирается на более универсальные алгоритмы контроля сложных систем. Моделирование и многовариантное программирование позволяют создавать практически ориентированные обучающие программы и тестовые ситуации. Иначе на практике теория оказывается слишком общей, а ее адаптация отнимает слишком много сил. Алгоритмический подход конструирования из модулей динамических библиотек решают проблему тонкой самонастройки программы и сохранения соответствия проверенным стандартам.

Уже в настоящем образовательная социальная психология сильно ориентирована на кейс-анализ. В будущем ожидается усиление этого тренда и интеграция общего опыта в *кейс-среду*. Для такого объединения действительно нужно время. Сегодня немногие кейсы доказали свою применимость для иллюстрации или верификации разных и многих теоретических положений. Хорошим примером того, какого рода кейсы сформируют золотой фонд общедоступного опыта, являются Хоторнские эксперименты Э.Мэйо (Mayo, 1933). Инициированные для эргономического решения практической задачи повышения производительности труда, к концу работ они стали прикладным исследованием производственного климата, а в истории психологии сохранились как фундаментальное наблюдение и толчок для возникновения

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) доктрины человеческих отношений. Опыту нужно много времени, чтобы стать классикой, но у практики нет времени этого дожидаться. Кейсы относительно молодой социальной психологии импортируются из самых разных сфер общественной практики – журналистских расследований, историй успеха в бизнесе, кино и литературы... Их интеграция для доступности инструментам анализа bigdata – дело пусть не ближайшего, но среднесрочного будущего.

В общем техническом развитии коммуникаций хорошо заметны быстро растущие простота и скорость межличностного общения. Эта часть повседневной жизни оказывается своего рода образцом для настройки взаимодействия участников учебного процесса. Он становится все более *взаимным*– полезным обеим сторонам, *совместным*– полезным какой-то третьей стороне. Сегодняшний школьный учитель может не замечать, как много он получает от своих учеников, хотя, может быть, ходит на работу именно ради этого. Будущее состояние этого примера –в честном признании и направленном использовании обратного влияния учащегося на учителя, а их совместных усилий – на кого-то еще.

Ожидаемая академическим сообществом *медиатизация обучения* в какой-то степени давно произошла. Трендом здесь является вытеснение опосредующим контентом и транспортом непосредственного, живого взаимодействия. В этом прогнозе социальные психологи делятся, скорее, совместным опасением, чем выводом. Это ощущение сродни страху перед искусственным интеллектом, который выйдет из-под контроля человека и поработит его. Но те, кто разрабатывает ИИ не в фантастических произведениях, а в научных лабораториях, уже успокаивающе ответили на эти страхи. Медиатизация обучения тоже произойдет только в том количестве, в котором потребуется, а «излишки перепроизводства» просто не найдут спроса.

Узловыми точками четвертого направления названы *специализация, контекстуализация, самореализация, индивидуально-психологическая программа развития личности, образование, как выбор сценария жизни*. Общее название этому направлению приходится давать задним числом. В этом

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
«облаке ассоциаций» легко опознаются существенные тренды и логика уже наметившихся перемен в области дидактических коммуникаций. Они направлены на сопротивление технократизации, бюрократизации и прочим трендам обезчеловечивания образования. Наиболее точное название для этой позиции сопротивления – **гуманизация**. Данное направление названо четвертым и последним, потому что является ответным, а не инициативным.

Специализация – конечно, не новый тренд, а старое условие для новых изменений. Требуют творческого осмысления другие обозначения перемен. Новым представляется такой аспект специализации, как *контекстуализация* – релятивизм знания, его относительная истинность и ценность. Нужным и правильным образовательный продукт оказывается в контексте ситуативной потребности в нем и правил данной ситуации. Справедливым станет и обратное – бывшие всегда бесспорными знания, умения и навыки в новых ситуациях могут оказаться бесполезными или вредными. Эту мысль социальным психологам помогает помнить парадоксальный тезис К. Джерджена об историчности социально-психологической науки (Gergen, 1997). Именно психология отношений между людьми постоянно напоминает об условности их правил. Результаты классических экспериментов не подтверждаются в новом историческом контексте, культурная разница – постоянный источник взаимонепонимания, авторы социальных теорий не открывают сокровенное, а создают новое знание. Конечно, приток этих «нестыковок» продолжится и в будущем перестанет удивлять.

Аспекты гуманизации образования, связанные с *личностным ростом*, получают развитие благодаря индивидуальному подходу в учении и научении. Учащиеся уже могут выбирать все более индивидуальные траектории получения образования, учителя получают все больше возможностей целенаправленной помощи конкретным ученикам. Будущее развитие этого тренда – в расширении масштаба: индивидуальные планы и тьюторинг из исключительных случаев станут общей практикой.

Литература

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Brown J., Isaac D. The World Cafe Book: Shaping Our Futures Through Conversations that Matter. Oakland: Berrett-Koehler Publishers, 2005.

Gergen K. J. Social psychology as social construction: The emerging vision. // The message of social psychology: Perspectives on mind in society. / Edited by C. McCarty, A. Haslam. Oxford: Blackwell, 1997. P. 113–128.

Mayo E. The human problems of an industrial civilization. New York: MacMillan, 1933.

Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 5–7 декабря 2017. Сборник научных работ / Отв. ред. О.В. Соловьева, Т.Г. Стефаненко. – М.: МГУ, 2017. 598 с. Электронный ресурс. URL: <https://lomonosov-msu.ru/rus/event/4445>. (Дата обращения: 25.03.2018).

Нестик Т.А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.

THE DIDACTIC COMMUNICATIONS DEVELOPMENT IN SOCIAL PSYCHOLOGISTS' WORLD CAFÉ

Y. E. Shirkov*

*Candidate of Psychological Sciences

Senior Researcher of social psychology's department

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

E-mail: shirkov@mail.ru

A. N. Rcheulishvili**

**Student of social psychology's department

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

E-mail: anacaot2@gmail.com

The article deals with the results of expert discussions in the expert "World Café" and student Foresight-sessions format on social psychology future of with the horizon of 2035 in terms of the prospects for didactic communication. The aim of the work was to predict the system of lines and reference points for the development of the educational science sphere. For this, the metaphor of the subway scheme with well-understood topology was used. The materials were collected during the interactive round table at the conference "Innovative resources of social psychology: theories, methods, practices" thanks to the Department of Social Psychology of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University expert-team and the conference participants. A

qualitative analysis method and content analysis were used as the main methods for analyzing the collected data. The results describe the main directions of the development of social psychology as an educational discipline, show the positive experience of using the "World Café" method for expert forecasting and give the support for prioritizing the formation of didactic programs and communications to the pedagogical and scientific community.

Keywords: World Café, Foresight-session, social psychology, forecasting, development prospects.

ДЕТСТВО В ЦИФРОВОМ МИРЕ

© 2018 г. Бахтова Ю.В.*

*Детский психолог, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «ДЕТСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА № 62»

Аннотация: В данной статье рассмотрены последние научные исследования о детстве в цифровом мире, об особенностях современных детей, влиянии цифровых технологий на растущее поколение. Приведена попытка ответить на вызовы современности с учётом обзора результатов последних исследований: что делает цифровые технологии такими интересными и захватывающими для детей; как современные технологии меняют детей (на примере видеоигр); в чём преимущества современных технологий; в чём риски и недостатки цифрового мира; как защитить детей от негативного влияния цифровых технологий; какие превентивные меры мы можем применить.

Ключевые слова: цифровое детство, технологии, видеоигры, положительное влияние цифровых технологий, негативные аспекты влияния цифровых технологий, цифровая компетентность, цифровой мир

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке мир детства во многом формируется благодаря достижениям в области технологий. Теперь у детей есть доступ к широкому спектру средств массовой информации и электронных игр, многие из которых выигрывают битву с более традиционными неэлектронными играми дома и на улице. Родителям трудно сориентироваться в этом постоянно изменяющемся мире.

Современные технологии меняют мир, меняют нас, меняют наших детей. Но как? Исследования показали, что цифровые технологии сделали детей более одинокими, страдающими лишним весом, более агрессивными и менее способными на глубокие мысли (Gjersoe, Oates 2016). Но ведь все современные устройства создавались с целью сделать нашу жизнь счастливее, чтобы мы стали более образованными и смогли взаимодействовать с любым человеком на

планете. Мир меняется настолько быстро, а цифровые технологии развиваются так стремительно, что трудно оградить детей от негативных сторон цифровой жизни. Как можно гарантировать, что дети получают пользу из преимуществ технологии, и при этом оградить их от опасностей цифровой эпохи?

В статье поднимаются вопросы о том, как меняется жизнь современных детей в связи с постоянно появляющимися новыми изобретениями в области цифровых технологий, как меняются отношения между людьми, приводятся результаты исследований изучения современных детей и обсуждаются реальные проблемы современных родителей и новые способы их решения.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Детство – это период человеческого развития, когда человек учится понимать окружающий мир, тренирует необходимые навыки, усваивает культуру своего общества (Кон, 2003). Существуют разные возрастные периодизации, но в данном контексте рассматривается период от 0 до 14 лет, куда включены дети и подростки.

Согласно определению, принятому ЮНЕСКО, *информационная технология* – это комплекс взаимосвязанных, научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации, вычислительную технику и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы. *Технология*: компьютеры, ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны (смартфоны, айфоны) и другие гаджеты и девайсы (Кинелёв, 2005).

Австралийская исследовательница Сью Беннет акцентирует внимание, что технологии относятся не только к материальным объектам этого мира, например, к мобильным устройствам, но также включают в себя различные функциональные возможности, такие как связь (текстовые сообщения, обмен

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) мгновенными сообщениями), обмена (блоги), поиск (Google), блог (использование камеры) и социализацию (сайты социальных сетей) (Bennett, S, 2012).

Исходя из первых двух определений, под термином *«цифровой мир»* понимается мир не только виртуальной реальности, но и реальный мир, в котором люди взаимодействуют с цифровыми устройствами, гаджетами.

ЧТО ДЕЛАЕТ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТАКИМИ ИНТЕРЕСНЫМИ И ЗАХВАТЫВАЮЩИМИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В 2014 г. в исследовании британских учёных из организации NSPCC (National Society for the Prevention of Cruelty to Children или Национальное общество защиты детей от жестокого обращения) было обнаружено, что в Великобритании у каждого третьего 3-х летнего ребёнка есть свой смартфон, и с каждым годом количество детей, использующих гаджеты, стремительно растёт (Gjersoe, Oates 2016).

Отечественные современные исследования показали, что количество детей с высоким уровнем интернет-активности увеличилось в два раза, по сравнению с 2013 г. Если в 2013 г. треть жизни в Сети проводил каждый седьмой подросток, то в 2015-2016 гг. – почти каждый третий (32%) (Солдатова, 2017). На данный момент эта тенденция только растёт. Современным детям присваивают разные названия: google-поколение, цифровое поколение, в то время как телеканал BBC отождествил молодое поколение с «Homo interneticus» (The Virtual revolution; «Homo interneticus» © BBC).

1. Красочный мир волшебства и фантазии

К 2014 г. в интернет пространстве было создано более 158 виртуальных миров, предназначенных для детей, три из которых для детей младшего возраста – Клубный пингвин, монстры Моши и Хаббо. Опросы компании «AVG Digital Diaries» в Великобритании (AVG, 2014) показали, что среди детей

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
от 6 до 9 лет, 46 % провели свое онлайн-время, играя в виртуальных мирах. Зачастую виртуальные миры куда красочнее, насыщеннее по содержанию, чем реальное окружение. При этом во многих сервисах ребёнок может адаптировать своего персонажа и пространство вокруг на своё усмотрение.

2. Общение с другими детьми

Установление связей со сверстниками и друзьями является одним из самых фундаментальных аспектов детства, где социальные сети выступают мощным ресурсом для социализации (Subrahmanyam and Greenfield, 2008). Они значительно расширяют список контактов как в территориальном плане (есть возможность общения с человеком, в какой бы точке мира он не находился), так и в психологическом (снимаются барьеры застенчивости, неуверенности в себе, уменьшается страх знакомства).

При этом в Интернете в зоне личного пространства остаются лишь ДРУЗЬЯ. Знакомые уступают место «виртуальному», «незнакомому другу», а семья (родители) и профессиональная помощь (педагоги) остаются «за кадром» (Солдатова, 2017).

3. Подражание взрослым

Количество родителей, проводящих своё время в цифровом мире, также стремительно растёт. Неудивительно, что ребёнок воспринимает такую модель поведения единственно правильной и естественной, как дыхание.

4. Лёгкий результат в достижении (в играх), ощущение, что я – мастер

Не стоит забывать, что в красочном виртуальном мире результат достигается легче и быстрее, а проигрыш становится не таким страшным, поскольку всегда есть возможность перезагрузить игру и начать заново.

ФОРМИРОВАНИЕ СВОЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Имея возможность в виртуальном мире менять свой аватар, ребёнок или подросток экспериментирует с образом своего Я, отыгрывает разные роли. Исследователи Дж. Палфри и У. Гассер (Palfrey, Gasser, 2008) предполагают, что дети не проводят различия между их «онлайн» и «оффлайн» образами. Все чаще личность почти всех, кто живет в эпоху цифровых технологий, является синтезом реального пространства и онлайн-выражения себя.

Поскольку в некоторых популярных социальных сетях имеются возрастные ограничения (12+), то зачастую дети создают свой аватар старше своего реального возраста.

КАК СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ ДЕТЕЙ

(НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОИГР)

Учёный-исследователь функционирования мозга Дафна Бавельер утверждает, что видеоигры способствуют обучению (Cardoso-Leite and Bavelier, 2014). Поскольку существует множество противоположных точек зрения, а объёма исследований пока недостаточно, ещё рано говорить об однозначном ответе.

Однако, рассмотрим психологические положительные и негативные эффекты влияния игр на детей от 3-х до 6-ти лет (согласно данным сайта Raise Smart Kid).

Положительные аспекты включают:

- развитие детского решения проблем и логического мышления;
- улучшение координации рук и глаз, мелких двигательных и пространственных навыков;
- поощрение быстрого мышления и принятия решений;
- улучшение памяти и способности участвовать в режиме многозадачности.

Негативные аспекты включают:

- ухудшение зрения и других аспектов здоровья;
- жестокие видеоигры, скорее всего, увеличивают агрессивные мысли, чувства и поведение;
- видеоигры могут привести к проблемам внимания и большей отвлекаемости;
- видеоигры могут привести к социальной изоляции и меньшему времени, затрачиваемому на другие виды деятельности;
- видеоигры могут побуждать детей путать реальность с фантазией.

Тем не менее, существуют доказательства того, что дополнительные цифровые технологии, для детей со специальными потребностями, имеют много потенциальных преимуществ при лечении или компенсации инвалидности (McKnight, Davies, 2013).

В сотрудничестве с NASA компания «SmartBrain Technologies» создала ряд интерактивных игр, в том числе ненасильственную игру про вождение машины, которая улучшает навыки визуального отслеживания, координацию глаз, планирование, концентрацию, память и терпение. Орланди и Греко в 2004 г. проверили влияние этой игры на мальчиков в возрасте 9-11 лет, у которых был первичный диагноз синдрома гиперактивности и дефицита внимания (СДВГ) (Orlandi, Greco, 2004). Результаты показали, что у группы, которая не играла в эту игру, процент отказа от клинической поддержки в восемь раз больше, чем у экспериментальной игравшей группы. Сами мальчики также показали ряд положительных изменений поведения.

В другом исследовании (Cardoso-Leite и Bavelier, 2014) обнаружили, что, когда дети с СДВГ играли в видеоигру, они получали удовольствие и демонстрировали такие позитивные изменения, как менее импульсивные ответы, повышенная способность сосредоточения на задаче. Однако, стоит отметить, что не все игры одинаково полезны и требуют дальнейшего исследования данной темы.

ПРЕИМУЩЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

С самого детства ребёнок учится перерабатывать огромный поток информации и работать в режиме многозадачности (Cardoso-Leite and Bavelier, 2014; Granic, Lobel and Engels, 2014)). Развивается зрительно-моторная координация. Процесс обучения становится всё более привлекательным и может быть адаптирован под потребности учащегося. Есть возможность общения с любым человеком в мире. Увеличивается количество «друзей», однако само понятие «друг» меняется.

В мире, где технологии меняются так быстро, и каждая придумывается для удовлетворения потребностей человечества, список преимуществ также меняется и увеличивается.

РИСКИ И НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Самые разные исследования показывают, что виртуальный мир является и зоной рисков. При более лёгком онлайн-общении у современных детей снижаются навыки общения вживую. Это увеличивает социальную изоляцию и неуверенность в себе в «оффлайн» мире. При работе в режиме многозадачности и большого потока информации, способность к глубокой концентрации на одной теме у ребёнка падает. При длительном погружении в виртуальный мир развивается гиподинамия, ожирение и другие негативные симптомы, связанные как с физическим, так и с психологическим здоровьем. Растёт количество детей, зависимых от компьютерных игр и/или социальных сетей.

Также есть опасность встретить нежелательную информацию, к которой ребёнок психологически не готов. И есть риск встретить опасных людей (педофилов, мошенников и других). Злоумышленниками созданы целые схемы, как заманить ребёнка в ловушку.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

Учитывая, как стремительно и быстро развивается современный мир, нам вряд ли удастся полностью оградить наших детей от гаджетов. Цифровые технологии меняют нас самих, появляются новые способы взаимодействия и решения задач и вопросов. Безусловно, цифровые технологии во многом облегчают нашу жизнь, и даже процесс обучения становится более увлекательным и интересным через цифровые технологии. И задача родителей и психологов не ограждать наших детей от современного мира, а использовать его преимущества, при этом максимально обезопасив их от негативного влияния новых технологий.

В связи с этим появляется новое понятие, такое как *«цифровая компетентность»*.

Цифровая компетентность – это основанная на непрерывном овладении компетенциями (знания, умения, мотивация, ответственность) способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфо-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (информационная среда, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности (Солдатова, 2014).

Как объясняет Г.У. Солдатова: «Иными словами, цифровая компетентность – это не только сумма общепользовательских и профессиональных знаний и умений, которые представлены в различных моделях инфо-коммуникационных технологий, но и установка на эффективную деятельность и личное отношение к ней, основанное на чувстве ответственности.

Рассмотрение ответственности как компонента цифровой компетентности требует понимания прав и обязанностей «цифрового гражданина» и правил поведения в цифровом мире. Вопросы, связанные с ответственностью, соотносятся также с проблемой безопасности современных инфо-коммуникационных технологий для детей и подростков. Сюда входит не только

обеспечение взрослым технической безопасности себе и ребенку, но и обращение пользователей к специальным службам в случае столкновения с угрозами в Интернете, понимание, чего не нужно делать в процессе онлайн-коммуникаций (вне зависимости от степени анонимности), осознание, что в Интернете, как и в реальной жизни, надо быть осторожным. Цифровая компетентность должна включать знания, умения и навыки, позволяющие взрослым и детям использовать интернет безопасно и критично. Эффективное использование всех возможностей ИКТ для обучения и самообразования возможно лишь в сочетании со стремлением минимизировать риски, которые могут нести новые технологии» (Солдатова, 2014, с. 2–35).

При этом цифровая компетентность важна не только для родителей, но и для учителей. В связи с общим доступом информации в интернете роль учителя также значительно меняется. Если раньше учитель был как источник информации, то сейчас учитель всё больше становится наставником по поиску и переработки информации.

КАК ЗАЩИТИТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ ОТ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ?

1. Показать преимущества и интересные возможности реального мира.
2. Поставить программы родительского контроля и создать чёткое разграничение времени, проведённого с гаджетами и без них, учить самоограничению и дисциплине.
3. Развивать в ребёнке критическое мышление.
4. Научить ребёнка психологической самообороне в просторах интернета (например, не принимать в друзья незнакомых людей).
5. Научить ребёнка не сообщать другим пользователям личную информацию, которая может быть обращена во вред.

Одной из задач современной психологии является дальнейшая разработка превентивных мер негативного влияния цифровых устройств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не сможем оградить наших детей от цифрового мира, но мы можем использовать его преимущества на благо наших детей, воспитывая ответственное цифровое поколение. Обучая наших детей правилам безопасного поведения на дороге, мы также можем учить их навыкам безопасности в сети, чтобы минимизировать риски.

С появлением новых технологий мы получили возможности общаться с другими людьми из любой точки мира вне зависимости от возраста, пола и статуса, проходить обучение или работать удалённым способом. Мы получили новые возможности, но и новые риски. Не отрицание и осуждение современных технологий, а понимание новых функций, возможностей и потребностей нового поколения даёт тот самый ключ к их сердцу и гармоничному развитию в условиях изменяющегося мира.

Понимание собственной роли, как родителя или педагога, а также нового вида ответственности и возможностей помогают понять потребности современных детей и установить с ними продуктивные взаимоотношения.

Литература

Кинелёв В., Коммерс П., Коцик Б. Использование информационных и коммуникационных технологий в среднем образовании. Информационный меморандум. Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2005.

Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 336 с.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. №2 (14). С. 27–35.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2017. М.: Смысл, с. 375.

AVG Technologies (2014) «Is your child living in a virtual world?», AVG Digital Diaries 2014 Study [online]. Available at <http://now.avg.com/children-living-in-virtual-worlds> (accessed 27 February 2015).

Bennett, S. Digital natives. In Z. Yan (Eds.), Encyclopedia of Cyber Behavior: Volume 1 (pp. 212-219). United States: IGI Global. 2012 .

Cardoso-Leite and Bavelier, Video game play, attention, and learning: how to shape the development of attention and influence learning? Current opinion in neurology, 2014.

Gjersoe Natalja, Oates John. Childhood in the digital age. University of Bristol, 2016.

Jütte et al., In vivo assessment of number of milk duct orifices in lactating women and association with parameters in the mother and the infant. BioMed Central Ltd. 2014.

McKnight, Davies. Current Perspectives on Assistive Learning Technologies. University of Oxford. 2013.

Orlandi and Greco, EEG Neurofeedback for ADHD: Double-Blind Sham-Controlled Randomized Pilot Feasibility Trial. Journal of Attention Disorders. 2004.

Palfrey J., Gasser U. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives, New York, Basic Books. (2008). Also available online at http://pages.uoregon.edu/koopman/courses_readings/phil123-net/identity/palfrey-gasser_born-digital.pdf (accessed 28 February 2015).

Subrahmanyam K., Greenfield P. Online communication and adolescent relationships. The Future of Children, vol. 18, no. 1, pp. 119–46. 2008,

CHILDHOOD IN A DIGITAL WORLD

Bakhtova J. V.*

*Clinical psychologist

This article examines the latest research on childhood in the digital world, on the particular characteristics of modern children, and the impact of digital technologies on the growing generation. We have attempted to respond to the challenges of contemporary life in the light of findings from recent research: what makes digital technology so interesting and exciting for children; how does modern technology change children (drawing on the example of video games); what are the benefits of modern technology; what are the risks and disadvantages of the digital world; how to protect children from the negative effects of digital technology; what preventive measures can be taken.

Keywords: digital childhood, technology, video games, the positive impact of digital technology, the negative aspects of the influence of digital technology, digital competence, digital world.